

Late
Fascism
Fascism
Fascism
Fascism
Fascism
Fascism
Fascism

**Alberto
Toscano**

Похвала позднему фашизму

Широкомасштабное, эрудированное исследование Тоскано является одновременно теоретически удовлетворительным и политически вдохновляющим - это необходимый справочник для переосмысления фашизма и антифашистской политики сегодня".

-Майкл Хардт, автор книги *"Подрывные семидесятые"*.

"Поздний фашизм" - блестящая, острая и своевременная книга. Мы переживаем момент, когда слово на букву "Ф" больше не является табу, а угроза фашизма таится повсюду. И все же мы настолько погрязли в спорах об определениях, типологиях и аналогиях, что наше понимание фашизма остается неуловимым. Альберто Тоскано избегает этой ловушки, обращаясь к антифашистским мыслителям, чьи основы антиколониальной, антирасистской и антикапиталистической борьбы напоминают нам, что либерализм не является врагом фашизма и что фашисты расцветают в жарком доме капитализма".

-Робин Д. Г. Келли, автор книги *"Мечты о свободе: Черный радикал"*
Воображение

Книга Альберто Тоскано *"Поздний фашизм"* блестяще разъясняет то, что Адорно однажды назвал "смыслом работы с прошлым", чтобы понять емкую способность фашизма к несвоевременному появлению для разрешения кризисов, реальных или нет, для спасения капитализма от самого себя и восстановления необходимого политического порядка, которого требуют такие спасательные операции. В своем подходе Тоскано не опирается на прошлое фашизма, а убедительно опровергает интерпретационную схему, которая объясняет такие незапланированные повторения, апеллируя к аналоговым сравнениям прошлого и настоящего, как если бы они были одним и тем же. Его собственная стратегия позиционирует историю и память против настоящего, чтобы они мешали друг другу, обнажая неравномерные исторические различия и несопоставимости, удаленные от повседневности, в которой доминирует обмен. Неизменным достижением Тоскано является программа бдительности, которую он так тщательно выстраивает, чтобы выявить современность позднего фашизма в нашей среде, но никогда не слишком поздно, чтобы признать его постоянно присутствующую болезненность".

-Гарри Арутюнян, почетный профессор истории, Чикагский университет

ли говорить о фашизме до фашизма? Альберто Тоскано считает, что можно. Искусно раскапывая дебаты двадцатого века, он воскрешает все еще не решенные вопросы о месте тюрьмы, рынка и спальни в теориях фашизма. Он также напоминает нам о том, чего боится поздний фашизм. Что он пытается предотвратить? Таким образом, изучение фашизма становится окольным путем восстановления подавленных и забытых утопий - фонариком в темноте ночи".

-Куинн Слободиан, автор книги

"Глобалисты"

Альберто Тоскано - один из самых значительных и оригинальных политических теоретиков нашего времени. В этой работе, посвященной природе и этиологии позднего фашизма, он выводит нас за рамки европейских межвоенных примеров как "идеального типа" фашизма и деконструирует предполагаемое противостояние фашизма и либеральной демократии. Вместо этого он подчеркивает множественное происхождение, местоположение и временные рамки фашизма; вплетение фашизма в колониализм, рабство, капитализм и контрреволюцию; и точно определяет либидинальные претензии фашизма и использование атавистической социальной энергии, направленной против расовой, религиозной, сексуальной и гендерной принадлежности других. Тоскано привлекает широкий спектр антифашистской мысли: от Эрнста Блоха, Жоржа Батая и Лео Левенталья до Анджелы Дэвис и Джорджа Джексона; от Стюарт Холл и Рут Уилсон Гилмор до Джейруса Банаджи и Фурио Йези - и добивается ошеломляющих результатов".

-Лиза Лоу, автор книги *"Интимные отношения четырех континентов"*.

Здесь нет незаслуженных претензий. Напротив, чувствуется, что Тоскано продумал политические ставки каждого предложения в этой важнейшей книге. *Поздний фашизм*" кропотливо учитывает, дифференцирует и связывает многочисленные исторические контексты и итерации фашизма - начала колониальной современности, середины XX века и до наших дней".

-Джорди Розенберг, автор книги *Исповедь лиса*".

В этой смелой книге Альберто Тоскано утверждает, что старый контрольный список для выявления и понимания современного фашизма не работает. Чтобы понять его сегодняшние проявления, мы должны обратиться к писателям чернорадикальной традиции и критическим этническим исследованиям. С присущей ему эрудицией Тоскано сочетает новаторское прочтение западного марксизма с

Проницательные интерпретации генеalogий антирасизма. Это незаменимая книга для тревожного времени".

-Родерик А. Фергюсон, Йельский
университет

Поздний фашизм

*Раса, капитализм и
политика кризиса*

Альберто Тоскано

VERSO

London • New York

Впервые опубликовано в издательстве Verso 2023

© Альберто Тоскано 2023

Все права защищены

Моральные права автора были заявлены 1 3 5 7 9 10 8

6 4 2

Verso

Великобритания: 6 Мирд-стрит, Лондон W1F 0EG

США: 20 Jay Street, Suite 1010, Brooklyn, NY 11201 [versobooks.com](https://www.versobooks.com)

Verso is the imprint of New Left Books

ISBN-13: 978-1-83976-020-4

ISBN-13: 978-1-83976-023-5 (US EBK)

ISBN-13: 978-1-83976-022-8 (UK EBK)

Британская библиотека Каталогизация в издательских данных

Каталожная запись на эту книгу доступна в Британской библиотеке

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Имена: Тоскано, Альберто, автор.

Название: Поздний фашизм: раса, капитализм и политика кризиса / Альберто Тоскано.

Описание: Бруклин, Нью-Йорк: Verso, 2023. | Включает библиографические ссылки и указатель. | Краткое содержание: "Опираясь, в частности, на чернорадикальные и антиколониальные теории фашизма, Тоскано ограниченность ассоциирования фашизма прежде всего с тем видом политического насилия, который пережили прошлые европейские режимы" - Предоставлено издателем.

Идентификаторы: LCCN 2023028670 (print)| LCCN 2023028671 (ebook)| ISBN 9781839760204 (pbk) | ISBN 9781839760235 (US ebk)

Предметы: LCSH: Фашизм--Европа. | Капитализм--Европа--История. | Расизм--Экономические аспекты--Европа--История. | Кризисное управление в правительстве - Европа.

Классификация: LCC JC481 .T626 2023 (print)| LCC JC481 (ebook)| УДК 320.53/3094-- dc23/eng/20230728

Запись LC доступна на сайте <https://lcn.loc.gov/2023028670>

Запись электронной книги LC доступна на сайте <https://lcn.loc.gov/2023028671>

Набор в типографии Fournier, MJ & N Gavan, Труро, Корнуолл
Печать и переплет в CPI Group (UK) Ltd, Кройдон CR0 4YY

Для Бренны

*и чтобы время шло до
бесконечности.
с четырьмя руками и четырьмя глазами*

В память о Луми Видела (1948-74) и всех тех, кто боролся с фашизмом в Чили
пятьдесят лет назад

Проблема фашизма так же стара, как и капитализм. Угроза существовала с самого начала.

— Карл Полаanyi, "Вирус фашизма" (1934)

Фашизм - это новое название того вида террора, с которым негры всегда сталкивались в Америке.

— Лэнгстон Хьюз, речь на Третьем конгрессе США против войны и фашизма (1936)

Содержание

Предисловие

1. Вне времени
2. Расовый фашизм
3. Фашистская свобода
4. Призрак со стальными конечностями
5. Устремляясь в прошлое
6. Идеи без слов
7. Соборы эротических
страданий Заключение

Благодарности

Примечания

Индекс

Предисловие

Президент США Джо Байден называет республиканцев, поддерживавших его предшественника, "полуфашистами" ; ¹его бразильский коллега называет "вандалами и фашистами" толпы сторонников Болсонару, вторгшиеся в Конгресс в Бразилиа 8 января 2022 года; мэр Тель-Авива предупреждает, что Израиль скатывается к "фашистской теократии";⁽²⁾Индусско-супремацистское законодательство Моди о гражданстве считается плодом "фашистского видения" ; ³в то время как вторжение России в Украину - гротескно рекламируемое как программа "денацификации" - считается сигналом ускоряющейся фашизации режима.⁽⁴⁾

Столкнувшись с распространением, укреплением и возвышением ультраправых политических движений, режимов и умонастроений по всему миру, многие левые, либералы и даже некоторые консерваторы потянулись к ярлыку фашизма. Сейчас этот термин употребляется с легкостью, граничащей с остервенением, особенно в Соединенных Штатах, но его возрождение говорит о насущной задаче диагностики болезненных симптомов, населяющих нашу современность. Эта книга - попытка внести свой вклад в коллективную дискуссию о нашем реакционном политическом цикле. Чтобы написать ее, я обратился к архиву теорий фашизма, созданных в прошлом веке, проверяя их способность пролить свет на наш момент. То, что я обнаружил, бросает вызов многим рутинам, рефлексам и общим местам, в которые могут превратиться дебаты по этому чрезвычайно заряженному понятию.

Эта книга - запись моего собственного пути через материалы из прошлых конъюнктур и разрозненных мест, чтобы собрать компоненты для компаса.

на которые можно ориентироваться. Можно ли назвать новые лица реакции "фашистскими"? Какие из многочисленных и противоречивых теорий фашизма, созданных за последнее столетие, могут пролить свет в наше смутное время? Какова связь между теоретизированием или именованием фашизма и антифашистскими стратегиями? Мои ответы на эти вопросы в значительной степени опираются на столь порицаемые дебаты 1970-х годов о "новых фашизмах", которые, как я убежден, - несмотря на полемическую гистрионность - остаются более поучительными для нашего времени, чем дискуссии в Коммунистическом интернационале или, не дай Бог, рассуждения о тоталитаризме времен холодной войны. Таким образом, то, что я предлагаю на этих страницах, - не столько полноценная теория, сколько своего рода метакомментарий к фашизму в наше время, "не прямое решение или резолюция, а комментарий к самим условиям существования проблемы" - комментарий, который должен пройти через плотную и чреватую историю других, часто воинственных, интерпретаций. Из-за того, что Адорно диагностировал как "внутренне нетеоретическую природу" фашизма, этот подход является с многочисленными проблемами.⁽⁵⁾

Главный соблазн для любой современной мысли о фашизме - историческая аналогия. Столкнувшись с ядовитым варевом социального кризиса, политического насилия и авторитарной идеологии, здравый смысл рефлекторно пытается найти сходство между нашим настоящим и европейской катастрофой 1930-1940-х годов, чтобы лучше предотвратить ее повторение (обычно путем реанимации либерализма как единственного противоядия от нелиберализма). Фашизм - это действительно вопрос возвращения и повторения, но к нему не стоит подходить с точки зрения шагов и контрольных списков, продиктованных выборочным прочтением итальянского *венценосного периода* или Третьего рейха.

Вместо того чтобы рассматривать фашизм как единичное событие или отождествлять его с определенной конфигурацией европейских партий, режимов и идеологий, для целей осмысления нашего времени нам необходимо "видеть фашизм всей полноте его "процесса""^{.6} Это также подразумевает подход к фашизму в *долгосрочной перспективе*, восприятие его как динамики, которая предшествует его именованию. Это

означает понимание фашизма как тесно связанного с предпосылками капиталистического господства, которые, хотя и изменчивы и порой противоречивы, имеют в своей основе определенную последовательность. У. Э. Б. Дю Буа дал этому ядру название, которое можно использовать и сегодня: "контрреволюция собственности". При всех своих глубоких различиях и несходствах терроризм Ку-клукс-клана против черной Реконструкции, рост *сквадрисмо* против организации рабочих в

Италия, или убийственная кодификация неолиберализма в конституции Чили - все это может быть понято под этим заголовком.

Я не хочу, чтобы "поздний фашизм" работал как академический бренд, конкурируя с другими названиями нашего ужасного настоящего. Он существует для того, чтобы назвать проблему. В самом базовом смысле, подобно "позднему капитализму" или "позднему марксизму", оно указывает на то, что фашизм, как и другие политические явления, варьируется в зависимости от социально-экономического контекста. Более провокационно, возможно, он подчеркивает, что "классические" фашистские идеи - столь тесно связанные с капиталистическими кризисами своего времени, а также с эпохой массового ручного труда, всеобщей мужской воинской повинности для тотальной войны и расовых империалистических проектов - "вне времени". По иронии судьбы, многие интеллектуалы и агитаторы, склоняющиеся сегодня к фашизму, на самом деле глубоко погружены в фантазии о белой, индустриальной, патриархальной современности, основой *которых является постфашистский*, послевоенный период. Признание анахронизма фашизма - слабое утешение, особенно когда либеральные и неолиберальные решения планетарных кризисов - особенно катастрофического антропогенного изменения климата - сами по себе преступно запоздали и неадекватны, оставляя большое пространство для маневра радикальным правым, которые способны заново изобрести свои фантазии о господстве, направленные на "женщин, природу и колонии" в глубоко разрушительных целях⁽⁷⁾

Нерефлексивная борьба с фашизмом рискует стать склеротической, самовнушительной или соучастницей тех самых процессов, которые реакцию, - меньшее зло руку помощи большему. Когда антифашизм не ставит под сомнение свои теоретические рамки, свои привычки называть вещи своими именами, а также удовольствия от невинности, героизма и праведности, которые могут из них проистекать, он может стать собственной приманкой.

Я надеюсь, что эта книга послужит поводом заново открыть для себя некоторых новаторских антифашистских мыслителей, которые, в свою очередь, уходят корнями в анонимные коллективные практики создания мира против господства, традиции угнетенных, которые ресурсом для тех, кто настроен на разрушение иерархий, которые возродить и вновь ввести партизаны Порядка и Традиции.

1

Вне времени

Призрак аналогии

Те, кто оказался в кризисной ситуации и дезориентирован, часто ищут убежища и руководства в аналогиях. Сходство одной конъюнктуры с другой обещает готовность, необходимую для того, чтобы *снова* не оказаться в затруднительном положении, чтобы предотвратить виновные ошибки предвестников, не обладающих прозорливостью. Яркий пример - статья Франко "Бифо" Берарди, опубликованная через два дня после избрания Дональда Дж. Трампа сорок пятым президентом США:

Как и в 1933 году, рабочие отомстили тем, кто долгое время обманывал их: политикам "демократических" реформистских левых... Эти "левые" должны быть на помойку: они открыли путь к фашизму, решив служить финансовому капитализму и проводя неолиберальные "реформы"... Из-за цинизма и трусости отдали людей в руки корпораций и правительств нашей жизни. Тем самым они открыли дверь фашизму, который сейчас распространяется, и глобальной гражданской войне, которая теперь кажется неостановимой... Белый рабочий класс, униженный за последние тридцать лет, обманутый бесконечными реформаторскими обещаниями, обнищавший в результате финансовой агрессии, теперь избрал Ку-клукс-клан в Белый дом". В то время как левые вырвали из рук рабочих демократическое оружие самообороны, здесь появляется расистская версия классовая война.¹

Аналогия фашизма, неразрывно связанная со своей инфраструктурной парой - аналогией экономического кризиса, - является одновременно и отправной точкой, и целью моей критической . Моя цель в этой главе - поразмышлять над тем, что некоторые

Философски ориентированные теории фашизма, сформулированные в XX веке, могут свидетельствовать о современной связи политики и истории, часто путем *дисаналогий*. Я не хочу торопиться с ответом на вопрос: "Это фашизм?". Вместо этого я хочу посмотреть, что происходит, чему мы можем научиться, когда проецируем теории фашизма на современность.

В той мере, в какой мы можем говорить о фашизме сегодня, это фашизм, в значительной степени лишенный (хотя и за важными исключениями) массового движения и утопии; фашизм, лишенный того, что Эрнст Блох называл *несовременностью*, а Жорж Батай - *гетереогенностью*; фашизм, который не реагирует на надвигающуюся угрозу революционной политики, но сохраняет расовые фантазии о национальном возрождении и бешеную циркуляцию псевдоклассового дискурса. С последним лучше всего бороться не путем потворства социологически призрачной и подозрительной фигуре "забытого" белого рабочего класса, а путем противостояния тому, что сегодня означает коллективная политика. Принятие этого расового симулякра пролетариата - не ступенька на пути к классовой политике, а скорее ее препятствие, ее злобная и изнуряющая эрзац-форма. Моя цель - набросать - для коллективного обсуждения и спора - элементарные аспекты псевдоповстанческого движения, с оговоркой, что псевдоповстанческое движение во многом было тем, что воплощал в себе убийственный фашизм межвоенного периода в Европе.

Большинство марксистских теоретиков того времени - при всех их спорах о правильном теоретическом подходе к всплеску яростного реакционного ультранационализма после катаклизма Первой мировой войны - рассматривали феномен фашизма стыке политического и экономического. То есть они стремились определить *функциональность* фашистской отмены либеральной парламентской демократии для усиленного воспроизводства условий накопления капитала, а также ее *инструментария*, тактического или стратегического, для конкретных

фракции правящего класса.⁽²⁾ Это означало определение фашизма как элитарного решения органического кризиса режима прибыли, столкнувшегося с угрозой организованной классовой борьбы в условиях колебаний империалистического порядка. Но это также означало признание противоречий между возможностью воспроизводства капиталистического способа производства, с одной стороны, и автономией или приматом политики, жестоко утверждаемой фашистскими движениями, с другой,

на другом.⁽³⁾ Необходимо было избежать ошибочного принятия *исключительности* фашизма - как варианта, предпринятого в условиях тяжелого кризиса, - за социальную и психологическую *ненормальность*. Как провокационно заметил Оливер Кромвель Кокс вскоре после окончания Второй мировой войны:

Первая ошибка, от которой следует уберечься, - это представление о фашистах и потенциальных фашистах как о необщительных, дегенеративных людях - бандитах; на самом деле, ближе к истине прямо противоположное. Те люди в капиталистическом обществе, которые в конце концов организуются в активную фашистскую партию, - это в основном самые уважаемые и уважаемые люди... Фашисты - это капиталисты и их

сочувствующие, достигшие сознания политического класса.⁴

Не сбрасывая со счетов интеграцию различных фракций капиталистического класса США с администрацией Трампа (от производства цемента до безопасности, от финансов до частного образования и, прежде всего, ископаемого капитала), а также аналогичные явления в других странах (Бразилия, Индия, Филиппины и так далее), нынешняя конъюнктура, как представляется, не заслуживает слишком близких аналогий с

межвоенного периода точки зрения диалектики класса и капитала.⁽⁵⁾ Это особенно верно в отношении любого организованного вызова капиталистической гегемонии - не в последнюю очередь в свете энергичных протестов корпораций против государственного авторитаризма, продолжающейся привлекательности прогрессивного неолиберализма поддержания социального мира и прибыльности, рискованных перспектив протекционизма и "деглобализации" и так далее. Современный капитал всегда рад прибегнуть к государственному насилию, чтобы защитить прерогативы частной собственности, и стремится поддержать любых политических предпринимателей, согласных с его конкретными стратегиями накопления. Но - пока что - он не спешит в массовом порядке создавать исключительное государство, чтобы противостоять экзистенциальным угрозам своему воспроизводству.

Рассинхронизация

Интенсивно надстроечный, порой даже фантастический характер фашистских черт нашего времени, казалось бы, требует расширения фокуса внимания за пределы стратегий капитала, направленных на укрепление его социального господства в условиях кризиса. В этой главе я рассматриваю ряд теоретиков и аргументов 1930-х годов и далее, которые, признавая формационную связь между фашизмом и капитализмом, пытаются диагностировать способы, с помощью которых фашистские движения захватывают, перенаправляют и регулируют избыточную социальную энергию - нереализованные желания лучшей жизни, воспоминания о докапиталистическом образе жизни, непродуктивные и чрезмерные желания. При этом я исследую вопросы, которые будут повторяться на протяжении всей книги: Каково отношение фашизма к историческому времени? Какое место занимают классы, массы и группы в воображении и стратегии фашизма? Следует ли понимать фашизм как психический и либидинальный, а также социально-политический феномен?

Одним из самых гетеродоксальных произведений в межвоенной философской дискуссии о фашизме является *"Наследие наших дней"* Эрнста Блоха. Эта протейная, увлекательная и тревожная работа, которую Вальтер Беньямин однажды полемически сравнил с расстиланием великолепных парчевых персидских ковров на поле руин, содержит центральное и по праву знаменитое размышление о "несовременности".

and the Obligation to its Dialectic'.⁶ Подобно Жоржу Батаю, хотя и в совершенно ином ключе, Блох рассматривал фашизм не как политический инструмент или психическую патологию, а как извращенное утопическое обещание. Несмотря на важные элементы, которыми он пренебрегал, эта оптика позволила немецкому философу выявить популярные и возбуждающие черты фашизма, с которыми, по его мнению, его марксистские и коммунистические противники не смогли эффективно бороться.

и мобилизовать в своих целях.⁽⁷⁾ В основе аргументации Блоха лежит идея о том, общество пересекается множеством темпоральностей; классовая структура современного капитализма находится в тени множества культурных и исторических времен, которые не существуют синхронно. Для Блоха Германия 1930-х годов была страной, населенной не только разочарованными гражданами, беспокойными рабочими и озабоченными эксплуататорами. Кризис выдвинул на первый план "несинхронных людей": угасающих обитателей прошлого, чьи надежды так и не оправдались, легко вербуемых в ряды реакции. Расистский, заговорщический оккультизм нацистов и их сторонников использовал этот живой опыт неравномерного развития:

В нарушение "процентного рабства" (*Zinsknechtschaft*) верят, как будто это экономика 1500 года; надстройки, которые, казалось бы, давно опрокинуты, снова поправляют себя и стоят в современном мире как целые средневековые городские сцены. Вот таверна Нордической крови, вот замок гитлеровского герцога, вот церковь Германского рейха... Крестьяне иногда еще верят в ведьм и экзорцистов, но не так часто и сильно, как большая часть городских жителей верит в призрачных евреев и нового Бальдура. Крестьяне иногда еще так называемые Шестую и Седьмую книги Моисея сенсационные трактаты о болезнях животных, силах и тайнах природы; но половина среднего класса верит сионских старейшин, в еврейские ловушки и вездесущность масонских символов, в гальванические силы...

немецкой крови и немецкой земли.⁸

Если классовая борьба между капиталистической буржуазией и пролетариатом - это борьба за модернизацию (синхронную, современную), то многие (возможно, большинство) немцев в межвоенный период жили социальными моделями и психическими фантазиями, вписанными в исторические ритмы, отличные от тех, которые подчиняются времени труда и капитала. Помня о том, что было бы неправильно рассматривать любые из них как просто примитивные, в стране, где общественные отношения производства не функционировали вне капитализма, Блох хотел обнаружить, как, когда речь идет об их страхах (социального понижения или аномии) и желаниях

(за порядок или благополучие), эти группы были как-то *не в ладах* с рационализирующим настоящим капитализма - "просвещенным" пространством, занимаемым основными социалистическими и рабочими движениями и их антагонистами в крупном бизнесе. В социальном и психическом смысле политическая конъюнктура разрывалась между антагонистическим и неосуществленным настоящим капиталистического конфликта и незавершенным прошлым, кишасим в его промежутках. Коллективным эмоциональным эффектом стал "сдерживаемый гнев", который нацисты и их капиталистические сторонники смогли раздобыть и усугубить, в то время как он оставался недоступным для коммунизма, чьи рационалистические принципы рисковали породить иррациональные стратегии. Как организаторы и интеллектуалы рабочего движения должны были противостоять ситуации, в которой "монополярная капиталистическая верхушка

...использует готические мечты против пролетарской реальности"? Здесь вопрос о том, как относиться к несинхронному, является ключевым, поскольку бесполезно утешать себя эволюционистской историей, согласно которой архаика будет постепенно уничтожена социальным и экономическим прогрессом. Хотя теория национал-социалистов несерьезна, пишет Блох, "ее энергия, фанатично-религиозное воздействие, которое исходит не только от отчаяния и невежества, а скорее от уникальной возбуждающей силы веры" ⁹.

Политическая стратегия пролетариата должна быть синхронной, если он хочет противостоять капиталистическому "сейчас" - он должен идти в ногу с ритмами производства и эксплуатации, но при этом уметь использовать время для стратегически последовательных действий. Но она также призвана восстановить и сформировать тот вид несинхронности, из которого проистекают незапамятные и неизменные требования справедливости - некапиталистические времена памяти, фантазии или празднества, вдохновляющие народное сопротивление. Блох формулирует эту невыполненную и "невостребованную" задачу в терминах соотношения двух форм противоречия: с одной, синхронного и детерминированного негативизма организованного пролетариата, с другой - тех "подрывных утопических" позитивов, которые "не получили воплощения ни в одну эпоху". Время классовой борьбы и материальной необходимости должно было освободить место для утопического времени. Блох пытался дополнить мышление о "синхронном" противоречии между капиталом и трудом чувствительностью к "несинхронным противоречиям", в которые вовлечены классы, не соответствующие ритмам и местам накопления капитала (крестьянство, мелкая буржуазия, аристократия, люмпен-пролетариат и т. д.), а также обратить внимание на нечто вроде утопического бессознательного в самом пролетариате.

Как отмечает Энсон Рабинбах, цитируя журнал *Heritage*:

Противоречие между этими временными измерениями требует того, что Блох называет "обязательством диалектики", признания сложности, которое фокусируется не только на синхронном, но и на несинхронном, на разновременных и многослойных противоречиях внутри одного настоящего. Для Блоха именно это осаждение социального опыта создает интенсивное желание воскресить прошлое среди тех групп, которые наиболее восприимчивы к фашистской пропаганде. Для марксизма проблема заключается в том, что фашистская идеология - это не просто инструмент обмана, а "фрагмент старого и романтического антагонизма к капитализму, происходящего от лишения в современной жизни, с тоской по смутному "другому".¹⁰

Для Блоха смысл заключался в том, чтобы идентифицировать фашизм как "мошенничество с исполнением" - по его меткому выражению - и при этом серьезно относиться к желаниям, которые фашизм эксплуатировал. Это означало разоблачение того, как фашизм обманным путем реактивировал несбывшееся прошлое и нереализованное будущее. Но является ли сложная диалектика "спасения", на которую ссылается Блох - для которого революционные всплески могут быть вызваны не только фазами эмансипации, но и "периодами упадка, когда многообразие содержания высвобождается в процессе распада", - диалектикой.

которые можно переснять сегодня?⁽¹¹⁾

Сомнение в этой возможности вызывают все те взгляды, которые, начиная с послевоенного периода, подчеркивают выхолащивание культурных и временных различий из живого опыта развитых капиталистических экономик. Постмодернистское, "одномерное" или "управляемое" общество определяется, возможно, прежде всего этим ослаблением историчности - что, конечно, может сопровождаться распространением инструментализированных симулякров истории. Интересным свидетельством тому могут служить противоречивые газетные статьи середины 1970-х годов, в которых поэт, режиссер и критик Пьер Паоло Пазолини незадолго до своего убийства пытался сформулировать разницу между старым и новым фашизмом. Последний, который Пазолини отождествлял с репрессивно-гедонистическим неокapитализмом и его механизмами обеспечения тотального конформизма, был отмечен уничтожением прошлого в форме того, что он называл "антропологическим геноцидом". Эта гиперболическая формулировка обозначала смерть опыта, связанного с крестьянскими и "народными" временными периодами и формами жизни, геноцид, который он даже фиксировал в трансформации тел, жестов и поз.

сами.⁽¹²⁾ Для Пазолини старый фашизм Муссолини и Фашистской партии был неспособен действительно отменить или преобразовать - можно также сказать "синхронизировать" - эти глубоко укоренившиеся жизненные уклады. Это было видно по тому, как дофашистские плебейские формы жизни возрождались, казалось бы, невосприимчивыми после падения *дуче*. Напротив, тотальная власть современного капитализма интенсивно формирует и гомогенизирует желания и

повседневной жизни, особенно под видом различий, выбора и свободы, означало уничтожение всех признаков исторической неравномерности вместе со всеми их утопическими потенциалами. По глубоко пессимистическому мнению Пазолини и вопреки Блоху, прошлого, которое можно было бы спасти, больше не осталось.

Как мы можем вернуться к вопросу о фашизме и (не)современности в наше время? Где мы находимся по отношению к исследованиям Блоха о несовременности и провокации Пазолини, согласно которой новый фашизм основан на капиталистическом стирании любых временных и исторических различий? Мы можем начать с огромной диалектической иронии: фашистские тенденции, нашедшие свое выражение выборах 2016 года в США или в оспаривании их продолжения, а также в сопутствующих реваншистских националистических проектах по всему миру, как представляется, *ностальгией по синхронности*, по "фордистскому" расцвету Большого Капитала и Большого Труда (обычно кодируемого как мужской и белый) и по определенной идеологии модернизации. Здесь нет архаичного прошлого или выдуманных традиций, но есть тоска по образу момента, по послевоенному изобилию *trente glorieuses*, по расово и гендерно признанному образу патриотичного промышленного рабочего (национальный рабочий Бифо также можно назвать *национальным* или *расовым фордизмом*, который, как ни странно, подавляет государственное регулирование, которое предполагает его собственная фантазия). В этой ностальгии по современности промышленный рабочий-гражданин, авторизованная эмблема деполитизированной послевоенной современности, теперь вновь появляется - скорее в желаниях, чем на деле, без сомнения, или раздражающей мизансцене угольных рабочих, обступающих Трампа, когда он отменяет экологические нормы, - в облике "забытых людей", "несинхронных людей" политического настоящего. Если это и утопия, утопия без трансцендентности, без какого-либо "фанатично-религиозного" элемента и в лучшем случае со слабым бессознательным или невысказанным избытком народной энергии.

Так же как мы должны пересмотреть концепцию Блоха о фашистской темпоральности, учитывая современную ностальгию по ффордистской современности (то, что мы можем назвать несинхронностью синхронного), мы обязаны исправить другую гетеродоксальную теорию фашизма, которая также критиковала чрезмерный рационализм марксистского и коммунистического антифашизма - теорию Жоржа Батая. Батай диагностировал привлекательность психологической структуры, символики и форм ритуализированной организации фашизма в терминах его манипуляции тем, что он называл *гетерогенностью*. Этим понятием, ключевым для его философской антропологии непроизводительных расходов, Батай назвал то, что несоизмеримо с систематическим самовоспроизводством капиталистического общества.

порядка, будь то снизу в виде массового избытка, сверху в виде неподотчетного суверенитета или извне в виде сакрального опыта. Как поясняет Джон Бренкман:

Гетерогенность, эта аффективность и энергия, которая концентрируется в субъективности рабочего класса, но проявляется во всем населении, утверждал Батай, использована фашистским движением. Однако фашизм, в свою очередь, привязал эту взрывную аффективность к существующим социальным отношениям с помощью набора символических форм, институтов и политических представлений, которые были одновременно антибуржуазными и антимарксистскими. Фашизм нашел свою поддержку в силе гетерогенности, а свою согласованность - в фиксации этой гетерогенности в авторитарных

структуры. Таким образом, фашизм - это отрицание своих собственных аффективных источников.¹³

Фашистские тенденции современности имеют в лучшем случае слабое отношение к такому общесистемному либидинальному избытку, разве что деградирующей, пережиточной форме того, что мы могли бы назвать, по аналогии с психоаналитическим понятием "непристойного отца", "непристойным лидером" - или в опосредованном цифровыми технологиями распространении маскулинистских группировок, языческое позирование которых насыщено атрибутикой неолиберальной предпринимательской культуры и субъективности, от бодибилдинга до хакеров по почте.

Это также связано с отсутствием одной из ключевых исторических детерминант фашизма, а именно революционной угрозы капиталистическому порядку, которая стояла за требованием прививать себе однородность "императивным" избытком (или его симулякр), чтобы выжить. Как отметил Батай в своем эссе 1934 года "Психологическая структура фашизма":

Как правило, социальная однородность - это шаткая форма, подверженная насилию и даже внутреннему несогласию. Она формируется спонтанно в процессе организации производства, но должна постоянно защищаться различных непокорных элементов, которым производство не выгодно, или недостаточно для них, или просто не терпит сдержек, которые однородность налагает на беспорядки. В таких условиях защита однородности заключается в том, что она прибегает к императивным элементам которые способны уничтожить различные непокорные силы или подчинить их себе.

контроль порядка.¹⁴

Ограниченное значение массовых движений в современной фашистской динамике - что еще больше подчеркивается тем фактом, что современные расово-националистические правые при каждом удобном случае рекламируют свой характер движения - также можно рассматривать как свидетельство этого дефицита гетерогенности и несинхронности, слабой роли или полного отсутствия утопического и антисистемного, священного или чрезмерного в сегодняшних зародышах фашизма.

Фальшивый фанатизм, или Психология масс и ее превратности

Чтобы развить эту интуицию дальше, стоит подробнее рассмотреть актуальность прошлых дебатов о массовой психологии фашизма для нашего времени. Не только Батай в своих работах 1930-х годов, но и многие представители Франкфуртской школы рассматривали эссе Фрейда "Психология масс и анализ "Я"" 1922 года как переломный момент в изучении связи между коллективной политикой и индивидуальными желаниями, и не в последнюю очередь в анализе Фрейдом психической жизни лидерства и следования. Влияние текста Фрейда было огромным и разнообразным, но я рассмотрю его на примере послевоенного текста Адорно "Фрейдистская теория и схема фашистской пропаганды" (1951), который также может быть воспринят как своего рода корректив к спасению

Прочтение фашизма, выдвинутое Блохом и Батаем⁽¹⁵⁾ Актуальность текста Адорно только усиливается тем, что он связан с исследованиями - а именно с его собственным участием в коллективном проекте *"Авторитарная личность"* и с книгой Лёвенталь и Гутермана об американских фашистских агитаторах *"Пророки обмана"*, - которые были справедливо восстановлены для

Осветить восхождение Трампа и связанные с ним явления⁽¹⁶⁾

Лёвенталь и Гутерман обосновывают свою критическую теорию фашистского агитатора эмоционально и интеллектуально парализующей дезориентацией, которая характеризует социальную жизнь, поработленную капитализмом и страдающую от "обезличивания и постоянной неуверенности". Они окрестили это состояние *недомоганием*, рода "вечным подростковым беспокойством", к которому агитатор "тяготеет... как муха".

в навоз".¹⁷ Это недомогание проистекает из катастрофического обеднения способности к подлинному опыту, о чем свидетельствует тот факт, что "люди научились жить по шаблонам" и склонны "некритически принимать целые системы мнений и взглядов, как будто им навязывают продажу идеологических привязок", становясь "стереотипными придатками той или иной большой культурной или политической монополии". Если фашизм у власти эксплуатирует в промышленных масштабах "связь между потенциальной материальной бедностью и реальной духовной нищетой", агитаторы *"Пророков"* делают это в более ремесленном, если не сказать кустарном, стиле.

менее зловещая, мода⁽¹⁸⁾

Фашистская агитация - это пародия на социальные изменения, "нечто среднее между трагическим речитативом и клоунской пантомимой, а не политической речью". Недомогание аудитории отражается, дразнится, усиливается, приукрашивается и в конце концов обращается к козлу отпущения или врагу, "призыве к охоте". И, "страдая от своего рода вечного беспокойства, агитатор, кажется, никогда не найдет окончательного и совершенного образа врага"; в "стриптизе без конца" агитатор и его аудитория находят "временное " в

Они ищут цель в "еврее, который подтверждает фантастический сплав безжалостности и беспомощности". Что делает злобную пантомиму агитатора коварно эффективной, так это тот факт, что он "не противостоит своей аудитории извне; он скорее похож на человека, возникающего из ее среды, чтобы выразить ее сокровенные мысли" .¹⁹ Особенно в своем заговорщическом регистре агитация приобретает

В значительной степени его сила обусловлена тем, что он не предлагает никакой теории, а скорее - в захватывающих, сальных или садистских деталях - кажется просто зеркальным отражением или подтверждением собственных (худших) инстинктов слушателя.

Как пронизательно замечают Лёвенталь и Гутерман:

Агитатор, казалось бы, продолжает дело наглецов, смело раскрывая причины, по которым силы, правящие миром, хотят оставаться скрытыми. Но, принимая как бы за чистую монету представления аудитории, преувеличивая до фантастики ее подозрения в том, что она является игрушкой анонимных сил, и указывая на таинственных личностей, а не анализируя социальные силы, агитатор фактически обманывает свою аудиторию в ее любопытстве. Вместо того чтобы поставить диагноз

Болезнь он объясняет как результат порочности злого духа.²⁰

Это лишь один из способов, с помощью которых агитация является, по яркой фразе Лёвенталья, формой "психоанализа наоборот"; другими словами, совокупностью "более или менее постоянно манипулируемых устройств, чтобы держать людей в постоянном психическом рабстве, увеличивать и усиливать невротическое и даже психотическое поведение, кульминирующее в вечной зависимости от "лидера" или от институтов или продукты" .²¹ Эта связь между индустрией культуры и фашистской агитацией представляет собой нечто большее, чем просто параллель или аналогию, особенно если следовать замечанию Адорно о том, что

способ "продажи идеи" принципиально не отличается способа продажи мыла или безалкогольного напитка. Социально-психологически магический характер слова "лидер" и, соответственно, *харизмы фюрера* - не что иное, как чары коммерческих лозунгов, взятых на вооружение органами непосредственной политической власти.²²

Адорно тоже стремился теоретизировать это протофашистское и явно антисистемное, но в конечном счете консервативное усиление недомогания, которое соединяет чувство агентивного бессилия с дезориентацией униженного индивида перед лицом загадочной тотальности, представляемой как безграничный заговор. То, что он находит - особенно если это касается форм фашизма в послевоенном, то есть *постфашистском*, контексте, - более поучительно для настоящего времени, чем межвоенная философская рефлексия о фашизме как революционном феномене. Адорно хочет перейти от агитационных приемов, выделенных в "*Пророках обмана*" - , которые как их

'неотъемлемые ингредиенты... постоянное повторение и нехватка идей' - к психологическим структурам, лежащим в их основе.⁽²³⁾ Как отметил Питер Гордон, размышления Адорно одушевлены его пониманием фашизма как явления, связанного с кризисом буржуазной индивидуальности, понимаемой одновременно как психический опыт и социальная форма.⁽²⁴⁾ Или, по диалектическому выражению Адорно: "[Мы] можем, по крайней мере, рискнуть выдвинуть гипотезу, что психология современного антисемита в некотором смысле предполагает конец самой психологии".²⁵ Что касается Фрейда, Адорно отмечает, что он "развил в монадологических рамках личности следы ее глубокого кризиса и готовность беспрекословно подчиниться мощным внешним, коллективным агентствам".²⁶

Адорно сосредоточился на проблеме либидинальной связи, которой требует фашизм, как по вертикали по отношению к лидеру (особенно в виде игры нарциссизмов, когда последователь находит свое отражение в самопоглощении лидера), так и по горизонтали, по отношению к расово близким или товарищам, определив это как ключевую (психо-)техническую проблему фашистской стратегии. Комментируя нацистскую одержимость прилагательным "фанатичный" и избегание Гитлером роли любящего отца, Адорно замечает: "Одним из основных постулатов фашистского руководства является удержание первичной либидинальной энергии на бессознательном уровне, чтобы направить ее проявления в нужное русло.

политические цели".²⁷ Эта либидинальная энергия с необходимостью персонифицируется как "эротическая связь" (в терминах Фрейда), и она действует через психоаналитический механизм идентификации (опять же, как по горизонтали, так и по вертикали).

На психоаналитическом уровне фашизм противоречие между самосохраняющимся *конатусом* эго и его постоянно фрустрируемыми желаниями.

Это конфликт, который

приводит к сильным нарциссическим импульсам, которые могут быть поглощены и удовлетворены только через идеализацию как частичный перенос нарциссического либидо на объект [т.е. лидера]... Делая лидера своим идеалом, он любит себя, как бы, но избавляется от пятен фрустрации и недовольство, которые омрачают его представление о собственном эмпирическом "я".²⁸

Более того, "чтобы позволить нарциссическую идентификацию лидер должен предстать сам абсолютно нарциссическим... лидера можно любить только тогда, когда он сам не любит".²⁹ Даже в использовании языка лидер зависит от своего психологического сходства с последователями, сходства, проявляющегося в режиме растормаживания, а точнее, в "раскованной, но во многом ассоциативной речи".³⁰ В итоге

Нарциссическая *выгода*, которую обеспечивает фашистская пропаганда, очевидна. Она постоянно и иногда довольно коварными способами внушает последователям, что просто благодаря принадлежности к ин-группе лучше, выше и чище, чем те, кто исключен. В то же время любая критика или

Самосознание переживается как нарциссическая потеря и вызывает ярость.³¹

Однако тот факт, что фашистский лидер часто предстает в образе "хама-актера" и "асоциального психопата", говорит о том, что вместо суверенной возвышенности он должен направлять чувства неполноценности своих последователей; он должен "большим маленьким человеком". Здесь показателен комментарий Адорно:

Психологическая амбивалентность помогает сотворить социальное чудо. Образ лидера удовлетворяет двойное желание последователя - подчиняться авторитету и самому быть авторитетом. Это вписывается в мир, в котором осуществляется иррациональный контроль, хотя он и утратил свою внутреннюю убежденность благодаря всеобщему просвещению. Люди, подчиняющиеся диктаторам, также чувствуют, что они лишние. Они примиряются с этим противоречием, полагая, что сами являются безжалостными

Угнетатель.³²

Эта утрата "внутренней убежденности" в авторитете - главная мысль размышлений Адорно о фашистской пропаганде, и именно она ему выйти за пределы фрейдистской рамки, все еще скованной опорой на реакционную психологическую энергетику "*Психологии толпы*" Гюстава Ле Бона 1895 года. Это снова относится к гипотезе "конца психологии", то есть кризиса определенной социальной формы индивидуальности, которую Адорно рассматривает как эпохальный антропологический контекст для возникновения фашизма. Лидер-агитатор может использовать свою собственную психологию для воздействия на психологию своих последователей ("рационально использовать их иррациональность"), поскольку он тоже является продуктом массовой культуры, которая лишает автономию и спонтанность их смысла. В отличие от Батая и Блоха, сосредоточившихся на искажающем захвате фашизмом революционных и утопических энергий, для Адорно его психосоциальный механизм зависит отказа всего что требовало бы социального или психического выхода за пределы *статус-кво*.

Фашизм здесь изображается как своего рода *консервативная политика антагонистического воспроизводства*: воспроизводство одних против других, и, в пределе, воспроизводство, основанное на невоспроизводстве или устранении других, иных. Вместо освободительной заботы о равенстве фашизм пропагандирует "репрессивный эгалитаризм", основанный на идентичности подчинения и братстве ненависти: "Подводные камни злобного эгалитаризма, братства всеобъемлющего унижения являются компонентом фашистской пропаганды и самого фашизма" - они представляют собой его "единство трюк".³³ В самокритике психологического индивидуализма, который управлял

В книге *"Авторитарная личность"* Адорно утверждает, что фашизм не имеет психологических причин, но определяет "психологическую область", общую с нефашистскими явлениями, которую можно эксплуатировать и использовать в государственных и капиталистических интересах, "присваивая массовую психологию". Другими словами, фашизм осуществляет "экспроприацию бессознательного посредством социального контроля вместо того, чтобы сделать субъектов сознательными в отношении их бессознательного". Это "поворотный пункт, где психология отстывает". Почему? Потому что перед нами не диалектика выражения или подавления между индивидом и группой, массой или классом, а "постпсихологическая де-...

индивидуализированные атомы, образующие фашистские коллективы".³⁴ И хотя эти коллективы могут казаться "фанатичными", их убежденность не имеет под собой почвы, и от этого еще более опасна. Здесь кроется "фальшь" фашистского фанатизма, который, по мнению Адорно, уже действовал в нацизме, несмотря на его непрекращающееся вещание о рвении, с которым он осуществлял национальную и духовную революцию:

Категория "фальшивости" применима как к лидерам, так и акту идентификации со стороны масс и их предполагаемому безумию и истерии. Так же мало, как люди в души верят в то, что евреи - это дьявол, они полностью верят лидера. На самом деле они не отождествляют себя с ним, но разыгрывают это отождествление, исполняют свой энтузиазм и таким образом участвуют в представлении своего лидера. Именно через этот спектакль они устанавливают равновесие между постоянно мобилизуемыми инстинктивными побуждениями и исторической ступенью просвещения, которой они достигли и которую нельзя отменить произвольно. Возможно, именно подозрение в фиктивности собственной "групповой психологии" делает фашистские толпы такими беспощадными и неприступными. Если бы они остановились хоть на секунду, вся

Представление пойдет, и они останутся в панике.³⁵

Этот потенциально убийственный "фальшивый фанатизм" отличается от "истинно верующего" (вспомним, какие проблемы революционные фашисты, от национал-большевиков до футуристов, часто создавали для своих собственных режимов); он предупреждает нас о роли перформативности и недобросовестности спектакля фиктивного единодушия которые так необходимы для трюка единства фашизма.

Размышления Джейруса Банаджи о современном фашизме в Индии могут дополнить эту анатомию фашистской фальшивости, выдвинув первый план место насилия в ней. Банаджи проницательно опирается на размышления Жан-Поля Сартра в его *"Критике диалектического разума"* 1960 года о "манипулируемой серийности" - атомизированной множественности, находящейся во власти внешнего контроля. Фашистская "суверенная группа" действует, превращая серийное существование индивидов в обществе - то, что Адорно называл "постпсихологическими деиндивидуализированными атомами" - в ложную тотальность, будь то нация, партия или раса (а часто и все три вместе).

раз). Манипулируемая серийность - это сердце фашистской политики", - утверждает Банаджи, потому что фашизм не *просто* массу, а *направленную на другого* массу, которая никогда не "сливается" в группу, массу, которая должна производить макроэффекты по указке "направляющей" группы, оставаясь при этом рассеянной d.³⁶ В этом и заключается проблема фашизма: как многие могут действовать

без обретения коллективной власти и, прежде всего, без отмены направляющей власти немногих (группы)? Банаджи проницательно использует категориальный аппарат Сартра для осмысления фашистских преследований и погромов, которые преследуют Нарендру Моди и индуистский националистический проект BJP со времен резни в Народа Патия в 2002 году:

Погром - это особый случай "систематической направленности на другого", когда группа "намеревается действовать на серию так, чтобы извлечь из нее тотальное действие в самой изменчивости". Направляющая группа старается "не допустить того, что можно было назвать организованным действием в рамках инертных собраний". *"Настоящая проблема на этом уровне - извлечь органические действия из масс", не нарушая их статуса как рассеянной молекулярной массы, как серийности.* Таким образом, Сартр описывает погром как "пассивную деятельность направленной серийности" - анализ, в котором термин "пассивная" только подчеркивает, что ответственность командования является решающим фактором в массовом коммунальном насилии, поскольку индивиды, вовлеченные в дисперсные акты насилия, являются инертными инструментами суверенной или направляющей группы. Таким образом, для Сартра пассивное соучастие, поддерживающее массовую базу фашизма, - это серийное соучастие, "серийная ответственность", как он ее называет, и в принципе нет разницы, участвовали ли индивиды этой серии в зверствах в рамках организованной волны погромов или просто одобряли это насилие "серийном измерении", как он .³⁷

То, что Сартр считал серийность критически важной для самой конституции современного государства и его практик суверенитета, также позволяет предположить, что границы между фашистской и нефашистской инаковостью могут быть более проницаемыми, чем предполагает либеральный здравый смысл. Однако можно также сказать, что фашизм преуспел в систематическом манипулировании серийностью, порождаемой капиталистической социальной жизнью, формируя из нее псевдообъединения и ложные тотальности, скрепляемые дискурсами расового, этнонационального и религиозного превосходства.

Симулякры классовой борьбы

Но как фальшивый фанатизм и серийное соучастие проявляются на арене, которая, казалось бы, определяет капиталистическое общество как непоправимо расколотое и не поддающееся объединению, - на классовой? Если фашизм действует через серийность, как политика которая одновременно направлена на другого и в которой горизонтальные отношения представляют собой псевдоколлективность и псевдоединство - где я интериоризирую команду Другого как свою одинаковость с некоторыми другими - тогда нам следует опасаться

анализируя его с помощью категорий, *предполагающих* существование реальных тотальностей или даже связных групп. Вот почему критические (или, более того, антифашистские) левые обязаны прекратить потакать эмбиентной риторике белого избирателя из рабочего класса как субъекта, который якобы должен проголосовать за фашистско-популистский вариант. И дело не только в социологической сомнительности избирательного аргумента, или в том, что он дает огромный пропуск среднему и высшему классу, или в том, что он позволяет определенным академическим или журналистским комментаторам или читателям безвкусные формы самодовольной снисходительности, или даже в том, как он определенных левых предаваться фантазиям "если бы только мы могли мобилизовать их" и "если бы только у нас был правильный лозунг". С политической зрения, рабочий класс как коллективное тело, а не как манипулируемая последовательность, не существует (*пока*).

Приписывать субъективность исторического агентства ложной политической тотальности - значит не только невольно повторять трюк единства фашистской пропаганды, но и предполагать, что в социальной жизни *латентно* присутствуют освободительные политические формы и энергии. В качестве провокации мы могли бы адаптировать процитированное ранее высказывание Адорно следующим образом: "Мы можем, по крайней мере, рискнуть выдвинуть гипотезу, что классовая идентичность современного избирателя Трампа в некотором смысле предполагает конец класса как такового". Признаком этого является прилипчивость расового классификатора *white* в слове *white working class*. Ален Бадью как-то заметил по поводу фразеологии исламского терроризма, что

Когда предикат приписывается формальной субстанции... он не имеет никакой другой последовательности, кроме той, что придает мнимое содержание этой форме. В "исламском терроризме" предикат "исламский" не имеет никакой другой функции, кроме той, что придает кажущееся содержание слову "терроризм", которое является сам по себе лишен всякого содержания (в данном случае политического).³⁸

Здесь белизна - не только на уровне дискурса, но, я бы сказал, на уровне политического опыта - является дополнением к политически пустому или призрачному понятию рабочего класса; именно она позволяет псевдоколлективной агентности быть наделенной (токсичным) психосоциальным содержанием. Это тем более очевидно, если мы заметим, что как в публичных дебатах, так и в псевдологической "экспертизе" белизна кажется обязательным условием принадлежности к "рабочему классу", в то время как любое детерминированное отношение к средствам производства в лучшем случае необязательно.

Расовый опыт класса не является автономным фактором возникновения фашистских тенденций в капиталистическом государстве; он является проекцией этого государства, *манипулируемой серийностью*, а значит, опытом

отличается по своему характеру от политического классового сознания. В своем остроумном и по-прежнему актуальном анализе Этьен Балибар однажды определил расизм как дополнение национализма:

Расизм - это не "выражение" национализма, а его дополнение или, точнее, дополнение, внутреннее для национализма, всегда избыточное, но всегда необходимое для его конституции и все же недостаточное для реализации его проекта... Как дополнение партикуляризма, расизм сначала представляет себя как сверхнационализм. Простой политический национализм воспринимается как слабость, как примирительная позиция вселенной конкуренции или безжалостной войны... Расизм видит себя как "интегральный" национализм, который имеет смысл (и шансы на успех), только если он основан целостности нации, целостности как снаружи, так и изнутри.³⁹

Многие современные интерпретации национально-популистских "восстаний" против "глобализма" (например, мечта о "Лексите") рискуют превратить класс в дополнение к расизму и национализму, застряв в эхо-камерах сериализирующейся пропаганды. Нет пути, ведущего от ложной тотальности расового класса, ориентированного на другого, к возрождению классовой политики, нет способа превратить электоральную статистику и плохо продуманные исследования "популистского субъекта", "забытых мужчин и женщин", в отправные точки для переосмысления вызова капиталу или для анализа и оспаривания самих основ фашистского дискурса. Любая подобная практика должна быть дистанцирована от псевдоклассового субъекта, который появился на политической сцене.

Это ложное возрождение классового дискурса само по себе является частью аферы и еще одним напоминанием о том, что не последнюю опасность для фашизма представляют очарование и путаница, которые его безграничный оппортунизм сеет в рядах своих противников. Труд и производство вернулись в качестве объектов ностальгических *воздыханий*: надстройка как мечта о базисе. Вместо того чтобы думать, что полностью сформировавшийся рабочий класс нужно отвоевать у фашизма, нам лучше отвернуться от этой ложной тотальности и переосмыслить состав класса, который мог бы отказаться стать носителем расового (белый) или национального (британец) предиката. Класс не как носитель фашистского вируса, а как его антитело.

Реакционный троп о покинутом рабочем классе является наследием захвата, интеграции и продвижения класса как важнейшего оператора в работе национально-социального государства двадцатого века, чья реальность и репрезентация продолжают формировать и ограничивать наше настоящее⁽⁴⁰⁾ Послевоенный "фордистский" компакт не может быть понят без учета в . национализации и расизации рабочего класса, и не обращая внимания на

на многочисленные границы, которые отделяли работников с социальными правами от лишних и подчиненных. Дело не только в том, что, как знаменито утверждал Маркс, класс - это продукт буржуазной историографии и политэкономии. Защита рабочего класса вполне может быть сформулирована в исключаяющих и реакционных терминах, которые не могут быть должным образом идеями "предательства" некоего естественного прогрессивного импульса или незапятнанной истории освободительной борьбы - того, что Лео Лёвенталь однажды назвал

'Миф о спонтанных и творческих силах эксплуатируемых' .⁴¹

Противоречивая, внутренне антагонистичная история рабочего класса - это не только история солидарности борьбе с трудностями, сизифовых усилий по цивилизации капитала и эпических восстаний с целью его уничтожения. Это также история "забастовок ненависти" в расово эксклюзивных, страстной привязанности к империи, шовинизма, подкрепленного идеологией труда, антииммигрантских требований о национальных предпочтениях на рынке труда, фашизма, принявшего мантию "пролетарской нации".

Именно эту антиэмансипационную историю мы видим в ленинских выступлениях против социал-империализма и рабочей аристократии, в непреходящем диагнозе Дю Буа о психологической расплате за белизну, в радикальном феминизме и феминизме стран третьего мира, выступающих за оплату домашнего труда и раскрывающих тесные связи между патриархатом, расизмом и капиталом. Класс - не просто название для социального и политического разделения; он сам должен быть разделен, прослежены его исторические линии разлома, выявлены его этические разрывы.

Отделить любую концепцию пролетариата от мелочной психологии масс особенно важно, когда наше политическое воображение по всему спектру насыщено странными репликами и преломлениями "классической" классовой борьбы, которая остается объектом ностальгического желания и неправильного узнавания, миражом синхронности в времени. Классовая политика как практическое отрицание массовой психологии: этот горизонт остается глубоко, болезненно современным.

Один ценный ключ к такому разделению можно почерпнуть из сноски к неиссякаемо влиятельному эссе Вальтера Беньямина о произведении искусства в эпоху его воспроизводимости. Созвучно коммунистическому определению мелкой буржуазии как ключевого проводника политики фашизма и в то же время новаторски, Беньямин использует детурне антисоциалистических теорий толпы, чтобы утверждать, что современную толпу составляют не пролетариат, люмпены или бедняки, а пугливая, реактивная, компактная группа, лучше всего отраженная в фигуре мелкой буржуазии. Как отмечает Беньямин:

Масса [или толпа] как непроницаемое, компактное образование, которое Ле Бон и другие сделали предметом своей "массовой психологии", - это мелкая буржуазия. Мелкая буржуазия - это не класс, это, по сути, всего лишь масса. И чем сильнее давление, оказываемое на нее двумя антагонистическими классами - буржуазией и пролетариатом, - тем более компактной она становится. В этой массе эмоциональный элемент, описанный в психологии масс, действительно является определяющим фактором... Демонстрации компактной массы, таким образом, всегда носят панический характер - дают ли они

Военная лихорадка, ненависть к евреям или инстинкт самосохранения.⁴²

В своем проницательном эссе "Класс" Андреа Каваллетти охарактеризовал Бенямина в следующих терминах:

Когда нет ни солидарности, ни сознания, нет и класса; есть только мелкобуржуазная масса, с ее хорошо воспитанной психологией... Мелкая буржуазия, как учит нас Бенямин, не классом: лишь сжатая масса между богатой буржуазией и пролетариатом. Из этого некласса каждый фашизм будет производить свой "народ", маскируя это простое сжатие в

Архаичные и неразделимые названия общины, родины, работы, крови, вождя.⁴³

С этой точки зрения, классовое различие между пролетариатом и мелкой буржуазией - это *политическое* различие, несводимое к стратификации по доходу или дифференциации по занятости. Предположение Бенямина о том, что классовое сознание следует понимать в терминах *ослабления*, а не становления компактности, и что классовая солидарность противопоставляется идентичности и принадлежности, подтверждает похвальные слова Адорно в его резко критическом комментарии к незавершенной работе его друга о Бодлере и парижских аркадах: "Твои несколько предложений о распаде пролетариата как "массы" - одно из самых глубоких и сильных заявлений политической теории, с которыми я сталкивался со времен чтения *"Государства"* [Ленина].

Революция ."⁴⁴ Бенямин однажды знаменито сказал о том, чтобы сделать понятия "непригодными для целей фашизма". Наш текущий момент делает эту операцию актуальной и для класса.

2

Расовый фашизм

Свастики расцвели в чикагских парках как злополучные сорняки.

- Мартин Лютер Кинг, "Поход за ликвидацию трущоб" (1967)

Нет ничего важнее, чем остановить фашизм, потому что фашизм остановит всех нас.

- Фред Хэмптон (1969)

Очень трудно признать, что стандарты, которые почти убили вас, на самом деле являются меркантильными. Они основаны на хлопке; они основаны на нефти; они основаны на арахисе; они основаны на прибыли.

По сей день. По сей .

- Джеймс Болдуин и Никки Джованни, *Диалог* (1971)

Фашизм - это чудовище, родившееся от капиталистических родителей. Фашизм стал конечным продуктом многовекового капиталистического скотоложства, эксплуатации, господства и расизма - в основном за пределами Европы. Очень важно, что многие поселенцы и колониальные чиновники проявляли склонность к фашизму.

- Уолтер Родни, *Как Европа недоразвила Африку* (1972)

Давайте вспомним, что прежде чем найти окончательное решение, должно быть первое решение, второе и даже третье.

- Тони Моррисон, "Расизм и фашизм" (1995⁽¹⁾)

Это случилось здесь.

Подобно тому, как после президентских выборов 2016 года в США и за их пределами развернулись научные и активистские дискуссии о фашизме, бешеное ускорение новостного цикла в преддверии конкурса 2020 года вновь сопровождалось многочисленными попытками проверить авторитарный пульс Америки. Несмотря на смертельный фарс "белого бунта" 6 января (американский путч с пивным кальяном), уход сорок пятого президента позволил в некоторых кругах поспешно возобновить дебаты о нативном (или, лучше сказать, нативистском) фашизме. Черные радикальные взгляды на фашистскую проблематику, рассмотренные на следующих страницах, - с их обычно игнорируемым настаиванием на структурирующей роли фашистского потенциала для американской телесной политики - предложили бы нам не отвлекаться на проблемы, которые ненадолго заставили даже некоторых либеральных сторонников американской исключительности задуматься о том, что фашизм не является ужасным анахронизмом, завезенным Старого Света; что вместо этого, перефразируя Х. Рэпа Брауна, он может быть таким же американским, как вишневый пирог, глубоко вплетенным в историю порабощения и истребления, лишения собственности и господства, которая продолжает формировать настоящее США, материально и идеологически.

В то время как в 2016 году внимание было приковано к органическим и идеологическим связям будущей администрации с крайне правыми (Бэннон, Миллер, Спенсер и др.), контекст массового гражданского восстания против полицейских убийств и расового террора - восстание Джорджа Флойда - изменил тон и актуальность ссылок на фашизм таким образом, что они должны получить резонанс вне зависимости от смены места в Овальном кабинете. В месяцы, предшествующие выборам 2020 года, системный вызов, брошенный массовыми движениями чернокожих против расового и карцерального государства, был перенесен правительством США на знакомую фигуру (белого) анархиста (или коммуниста), а "Антифа" стала целью Министерства юстиции Уильяма Барра (до сих пор не определившегося, является ли она "иностранный террористической организацией" или внутренней "подстрекательской" группой). В то же время фауна правой агитации стала еще более странной и зловещей благодаря QAnon, движению Boogaloo, Oath Keepers и Proud Boys - которые явно восприняли президентское указание "отступить и не вмешиваться" очень буквально. Исключительные полномочия государства - эта надежная матрица исторических фашизмов - проявились в сценах, когда неизвестные федеральные агенты затаскивали протестующих в арендованные фургоны без опознавательных знаков, и в стрельбе американского полицейского Майкла Рейнола.

Оперативная группа маршалов, даже если дальнейшая эскалация не привела к⁽²⁾ Тем временем на идеологической сцене "критическая расовая теория" (наряду с

New York Times "1619 Project") был громко провозглашен "идеологическим ядом", который должен быть "быстро уничтожен"; Управление по управлению и бюджету исполнительной власти разослало всем федеральным агентствам меморандум с требованием "прекратить и воздержаться от использования долларов налогоплательщиков для финансирования... раскольников, неамериканских пропагандистских тренингов"; а указ осудил антирасистских критиков за продвижение "видения Америки, которое основано на иерархии, основанной на коллективной социальной и политической идентичности" - смехотворный случай проекции, если таковой когда-либо существовал. К этой совсем недавней истории не следует относиться как к причудливому всплеску; напротив, как показывает устойчивость политики и кадров, которые сделали ее возможной (не в последнюю очередь на уровне законодательных органов штатов, которые активизировали свои проекты расового бесправия, лишения собственности и экоцида), она требует признания как показатель укоренившегося и, возможно, растущего политического потенциала.

Несмотря на меняющуюся ситуацию, разговоры о фашизме в целом придерживаются привычной колеи, а именно спрашивают, являются ли нынешние явления аналогичными тем, которые привели к возникновению межвоенных европейских фашизмов.⁽³⁾ Скептики сравнения подчеркнут, что аналогия фашизма либо рассматривает нынешний момент как исключительный, замазывая бумагой американскую историю авторитаризма, или, наоборот, настолько широкое, что не позволяет определить, что уникального есть в нашем нынешнем положении. Сторонники аналогии вместо этого будут указывать на необходимость выявить семейное сходство с деспотиями прошлого, пока не слишком поздно, часто выдвигая в качестве аргумента некий идеально-типичный контрольный список, будь то *элементы* фашизма или *шаги* к нему. Но что, если бы в наших разговорах о фашизме не доминировал вопрос об аналогии?

Обращение к долгой истории чернокожей радикальной мысли о фашизме и антифашистском сопротивлении - то, что Седрик Робинсон назвал "черным конструированием фашизма", альтернативой "историческому производству фашизма как отрицания западного *гейста*" - может послужить выходу дискуссии о фашизме из тупика аналогового мышления, предоставляя ресурсы для противостоять нашему нестабильному межцарствию.⁽⁴⁾ Задолго до того, как нацистское насилие стало восприниматься как нечто несравнимое, черные радикальные мыслители стремились расширить историческое и политическое воображение антифашистских левых, подробно описывая, как то, что с точки зрения европейца или белого может восприниматься как радикально новая форма идеологии и насилия, на самом деле является непрерывной историей (поселенческого-)колониального отчуждения и расового рабства.

Панафриканистский интеллектуал и активист Джордж Падмор, порвавший с Коммунистическим Интернационалом из-за его неспособности задуматься о взаимосвязи

между "демократическим" империализмом и фашизмом, писал в книге *"Как Британия правит Африкой"* (1936) о поселенческо-колониальном расизме как "питательной среде для того типа фашистского менталитета, который сегодня распускается в Европе". В Южной Африке он видел "классическое фашистское государство", основанное на "единстве расы в противовес классу".⁵ Анатомия Пэдмора - это то, что

он назвал "колониальным фашизмом", тем самым предвосхитив памятное изображение фашизма как эффекта бумеранга европейского империалистического насилия в *"Рассуждениях о колониализме"* Сезера. Этому также вторили тунисский еврейский писатель Альберт Мемми и гайанский историк и революционер Уолтер Родни, когда он писал о "фашистском потенциале колониализма" с конкретной ссылкой на поддержку поселенцами режима Виши

и усилия *pied-noir* по дестабилизации либерального правления в метрополии.⁽⁶⁾ Антиколониальное убеждение, согласно которому позиция объектов расового насилия позволяет говорить об исключительности внутриевропейского фашизма, нашло отклик и у афроамериканских интеллектуалов. Выступая в Париже антифашистском Международном конгрессе писателей в 1937 году, поэт Лэнгстон Хьюз заявил: "В Америке неграм не нужно рассказывать, что такое фашизм в действии. Мы знаем. Его теории нордического превосходства и экономического

подавление уже давно стало для нас реальностью".⁷ Этот урок можно извлечь и из монументального исторического переосмысления расового капитализма в США, которым является *"Черная реконструкция"* Дю Буа 1935 года. Как предположил Амири Барака, свержение Реконструкции привело в действие "расовый фашизм", задолго до гитлеризма использовавший расовый террор, кооптацию бедных белых и страстные инвестиции в превосходство белой расы среди широких слоев населения.

капиталистического класса, как финансового, так и промышленного.⁽⁸⁾ Прочтение настоящего через эту призму позволяет понять, как и почему "институционально историческая мебель, заполняющая политическое пространство Америки, уже расставлена таким образом, что она всегда оставляет открытой перспективу развития еще более авторитарных форм, таких как фашизм".⁹

С этой точки зрения, американский расовый фашизм мог оставаться незамеченным, поскольку действовал по ту сторону цветовой линии, точно так же, как колониальный фашизм происходил в пространственном и эпистемическом удалении от имперской метрополии. Как заметил Жан Жене 1 мая 1970 года на митинге в Нью-Хейвене за освобождение председателя партии Черных пантер Бобби Сила: "Меня беспокоит еще одна вещь: фашизм. Мы часто слышим, как партия Черных пантер говорит о фашизме, и белые с трудом воспринимают это слово. Это потому, что белым приходится

приложить большие усилия воображения, чтобы понять, что чернокожие живут под гнетом фашистского режима .'¹⁰

Фашизм, тюрьмы и освобождение чернокожих

Во многом благодаря Пантерам или, по крайней мере, в их орбите, "фашизм" вернулся на передний план радикального дискурса и активизма в конце 1960-х и начале 1970-х годов - конференция Объединенного фронта против фашизма, состоявшаяся в Окленде в 1969 году, собрала на широкий круг старых и новых левых, а также азиатско-американских, чикано и пуэрториканских активистов, которые разработали свои собственные взгляды на американский фашизм (например, по

В качестве яркого особенностей и преемственности американских антифашистских традиций, среди главных планов конференции было реформистское требование общинной или децентрализованной полиции - убрать белых расистов из черных кварталов и обеспечить контроль за соблюдением законов на местах. Однако за теориями о природе позднего фашизма США мы должны обратиться не к ведущим членам Партии черных пантер, а к политическим заключенным, близким к "Пантерам". В то время как дебаты о "новых фашизмах" поляризовали радикальные дискуссии в Европе, письма и переписка Анджелы Й. Дэвис и Джорджа Джексона наметили возможность теоретизирования фашизма на основе непосредственного опыта насильственных действий.

связь между карцеральным государством и расовым капитализмом⁽¹²⁾

В одном из своих тюремных писем о фашизме, опубликованном в сборнике *"Кровь в моих глазах"*, Джордж Джексон высказал следующее размышление:

Когда я беру интервью у представителя старой гвардии и указываю бетон и сталь, на крошечное электронное подслушивающее устройство, спрятанное в вентиляционном отверстии, на фалангу головорезов, подглядывающих за нами, на его едва функционирующий пластиковый магнитофон, который стоил ему недельного труда, и говорю, что все это проявления фашизма, он неизменно пытается опровергнуть меня, определяя фашизм просто как экономическую геополитику, где только одной стороне позволено существовать над землей.

и не допускается оппозиционная политическая деятельность.¹³

Вслед за Джексонем мы можем спросить: что происходит с поворотами и возвратами теоретических дебатов о фашизме и (нео)авторитаризме, когда они претерпевают гештальт-сдвиг и берут расовое капиталистическое государство и его карцеральный аппарат в качестве точки опоры, в чем-то вроде *"выстрела под углом снизу"*, который может раскрыть *"панораму пережитого насилия"* ?¹⁴ Как сказал Жак Деррида

об этом говорится в неотправленном письме Жану Жене, датированном одним днем до убийства Джексона снайпером-охранником в Сан-Квентине:

В тюрьме - этой и других, - где, как ей казалось, она заковала себя в цепи, система (западного-белого-капиталистического-расистского) общества благодаря этому акту сделала возможным анализ своего функционирования, практический анализ, который является самым непримиримым, самым отчаянным, но и самым утвердительным.¹⁵

В дискуссиях о фашизме стало обычным делом порицать 1970-е годы как своего рода когнитивный надир, когда фашизм превратился из категории исторического анализа и таксономии в универсальное политическое оскорбление, что привело к ужасным последствиям. Далее я хочу взять на себя неосторожное пари, что в кажущемся преувеличении или раздувании фашизма контексте радикализма и политики освобождения семидесятых есть своя польза и смысл. Но я особенно хочу подчеркнуть, что рассмотрение фашизма через призму черных радикальных интеллектуальных традиций может перенаправить наши современные дебаты в плодотворное и важное русло. Что могло бы произойти с нашими концепциями фашизма и авторитаризма, если бы мы отталкивались не от мнимых аналогий с европейской межвоенной сценой, а, например, от материальности тюремно-промышленного комплекса, от "бетона и стали", от устройств и персонала слежки и репрессий? Исследуя аналитическую связь фашизма и расового капитализма, созданную в ходе освободительной борьбы 1970-х годов, мы также можем связать ее с анализом фашизма, появившимся у черных теоретиков в межвоенный период, и с последующим развитием фашизма конце XX и начале XXI века.

В своих письмах и переписке, отмеченных различиями в интерпретациях, переплетающимися с глубоким товариществом, и Анджела Й. Дэвис, и Джордж Джексон определяли государственный аппарат США как место возрождения или, более того, совершенствования некоторых черт (европейских) исторических фашизмов. Большая часть их теоретических рассуждений пронизана дебатами о природе монополистического капитализма, империализма и капиталистических кризисов, а также, в случае Джексона, попыткой пересмотреть классическую историографию фашизма. Примечательно и актуально для современности то, что расовая призма - расовое господство и расовый капитализм - проливает особый свет на связь фашизма и демократии, и как она может помочь нам пересмотреть и вытеснить нормативное убеждение об абсолютной противоположности между фашистским деспотизмом и либеральной демократией. Джексон и Дэвис глубоко осознают дисанalogии между нынешними формами

В то же время они оба утверждают эпистемологически привилегированную точку обзора, предоставляемую взглядом *изнутри* карцерально-судебной системы, которую можно справедливо назвать расовым государством террора. можно представить, они передают и перекодируют тот основополагающий жест антирасистского и чернорадикального антифашизма, который был сформулирован в "*Рассуждениях о колониализме*" Сезера. Как рассказывает мартинианский поэт и политик: "И вот в один прекрасный день буржуазия пробуждается от потрясающего эффекта бумеранга: гестапо заняты, тюрьмы , мучители стоят вокруг.

стойки изобретают, совершенствуют, обсуждают."¹⁶

Но новая форма американского фашизма, которую анатомируют Джексон и Дэвис, - это не нежелательное возвращение из другого пространства колониального насилия; она берет свое начало в лоне самой либеральной демократии. Тюремны уже переполнены. И вместо бумеранга генерализация расистского карцерального террора в обществе в целом - что является одной из главных черт нового фашизма - представляет собой гораздо менее драматичный или внезапный процесс просачивания, проникновения в социальное пространство реально существующего либерализма моделей и устройств, изобретенных, отточенных и обсуждаемых среди бетона и стали. Как справедливо замечают Маллен и Виалс:

Для цветных людей в различные исторические моменты опыт расизации в рамках либеральной демократии может иметь валентность фашизма. Иными словами, хотя фашистское государство и белая супрематистская демократия имеют совершенно разные механизмы власти, опыт расового бесправия в рамках либеральной демократии может сделать различие между ней и фашизмом мутным на уровне жизненного опыта. Для тех, кто расово отброшен за пределы системы прав либеральной демократии, слово "фашизм" не всегда вызывает в воображении далекий и чуждый социальный порядок.¹⁷

Как и Дэвис, Джексон также подчеркивает рассматривать фашизм не как статичную форму, а как процесс, на который оказывают глубокое влияние политические и экономические условия и конъюнктура. Отсюда вытекает ограниченность моделей, аналогий или идеальных типов. Джексон отмечает "недостатки попыток анализировать движение вне его процесса и последовательных связей. Вы получаете лишь обесцвеченный проблеск мертвого прошлого"; он отмечает, что исторически фашизм "развивался от нации к нации из *различных* уровней из традиционалистского капитализма".¹⁸ И так, хотя для автора "*Брата Соледада*" фашизм глубоко связан с реструктуризацией капиталистического государства, он также является в своей основе контрреволюционной формой, проявляющейся насилием, с которым он отвечает на любую существенную целостности государства капитала. Тем не менее, поучительно отметить, что,

Повторяя анализ Никоса Пуланцаса в книге *"Фашизм и диктатура"*, фашизм Джексона не отвечает напрямую на восходящую революционную силу; он является своего рода отложенной контрреволюцией, паразитирующей на слабости или поражении антикапиталистических левых. Таким образом, "противостояние слабой социалистической революции" является общей чертой для различных фашизмов (в исторических работах Джексона чувствуется обвинительный упрек в адрес современных левых).

аллюзия)⁽¹⁹⁾В двух словах: "Фашизм следует рассматривать как эпизодическую логическую стадию социально-экономического развития капитализма, находящегося в состоянии кризиса. Он является результатом слабого и неудачного революционного порыва - сознания, которое пошло на компромисс d."²⁰Если смотреть с точки зрения США, этот компромисс неизбежно связан с устойчивой моделью

расизация класса, определяющая американскую историю со времен контрреволюции белых против чернокожих в Реконструкции, или даже со времен восстания Бэкона и сопутствующего "изобретения белой расы" .²¹Как замечает Джексон: "Определение Марксом истории как изломанного, извращенного, грязного спектра классовой борьбы подтверждается американской историей труда."²²

Фашизм в Соединенных Штатах достиг своего рода совершенной формы для Джексона - тем более коварно гегемонистский из-за брака монопольного капитала с (расово) атрибутами либеральной демократии. Как он заявил:

Фашизм утвердился в этой стране самым замаскированным и эффективным образом. Он чувствует себя настолько уверенно, что лидеры позволяют нам роскошь слабого протеста. Однако стоит зайти слишком далеко, и протест покажет свое другое лицо. Двери будут выбиты ночью, а пулеметы

Огонь и картечь станут средством обмена.²³

Несмотря на национальную и конъюнктурную изменчивость фашизма, Джексон провокационно утверждал, что (экономическая) реформа может быть идентифицирована как "рабочее определение фашистских движущих сил", которое особенно подходит для политических проявлений монополистического капитала США.

В параллельном анализе Анджелы Й. Дэвис карцеральная, либералистская перспектива фашизма как уточняется, так и смещается. Для Дэвис американский фашизм в начале 1970-х годов принял форму, которую лучше всего описать как *превентивную и зарождающуюся*. Терминология была заимствована и адаптирована у ее бывшего учителя Герберта Маркузе. В интервью Хансу Магнусу Энценсбергеру в 1970 году Маркузе предложил перевернуть привычную политическую последовательность и рассматривать фашизм как реактивный не только по социальному содержанию, но и по временной форме - будь то немедленная реакция на

потенциально победоносного революционного восстания или, опосредованно, уже побежденного или ослабевающего вызова капитализму. Не реакция, а предвкушение оживляет эту новую фигуру фашизма. Как Маркузе говорит Энциенсбергеру:

Я считаю, что существует нечто вроде превентивного фашизма. В последние десять-двадцать лет мы пережили превентивную контрреволюцию, чтобы защититься от боязливой революции, которая, однако, не и не на повестке дня в данный момент. Таким же образом возникает превентивный фашизм.²⁴

Вопрос о возможности фашизма в Соединенных Штатах, широко обсуждавшийся освободительными движениями и крайне левыми в 70-е и 80-е годы, для Маркузе глубоко связан с конкретными формами "превентивной контрреволюции" как основного стратегического императива капиталистического истеблишмента, а также с конкретными формами "превентивного Контрнасилия".²⁵ Специфика этой предвосхищающей логики также тесно связана характерными дезаналогиями между "зарождающимся фашизмом" и его межвоенными европейскими предшественниками. Как размышляет Маркузе:

Вопрос в том, захватывает ли фашизм власть в Соединенных Штатах. Если под этим понимать постепенное или быстрое упразднение остатков конституционного государства, организацию военизированных отрядов, таких как Minutemen, и предоставление полиции чрезвычайных юридических полномочий, таких пресловутый закон "без стука", отменяющий жилища; если посмотреть на судебные решения последних лет; если знать, что в США готовят специальные войска - так называемый контрповстанческий корпус - к возможной гражданской войне; если посмотреть на почти прямую цензуру прессы, телевидения и радио: то, насколько я понимаю, можно с полным основанием говорить о зарождающемся фашизме... Американский фашизм, вероятно, будет первым, который придет к власти демократическим путем и при демократической поддержке".²⁶

Фашизм здесь определяет набор репрессивных тактик, а также всеобъемлющий политический и идеологический процесс, который дифференцированно нацелен на расовые и подчиненные группы населения, само существование и социальность которых воспринимаются как угроза - от проницаемых границ между "преступником" и "политическим заключенным". Это процесс, в котором - если воспользоваться характеристикой Джексона "контракта угнетения", лежащего в основе американского капитализма, - "накопление презрения [к угнетенным] является [основным] условием выживания".

техника'.²⁷

Дэвис развивает маркузинский тезис о том, что "фашизм - это превентивная контрреволюция социалистического преобразования общества", уточняя это преобразование с точки зрения жизненного опыта расистов.

²⁸Для государства наиболее угрожающая черта революционной политики черных принимает форму не столько вооруженной борьбы, на которую ссылается Джексон, сколько "программ выживания", анклавов автономного социального воспроизводства, практикуемых "Черными пантерами" и другими боевыми и активистскими группами. В более широком смысле из рассказа Дэвиса можно сделать вывод о различной видимости и опыте как фашизма, так и демократии. В этом отношении она может помочь нам обратить внимание на то, как раса и пол, наряду с классом, могут определять модальность, в которой Фашизм в прямом эфире d.²⁹

Существует вид повседневного фашизма, который отмечает взаимодействие цветных людей с государством и который, выступая в качестве репрессивной инфраструктуры либеральной демократии, все еще хранящей наследие превосходства белой расы, также сигнализирует о возможности или тенденции к генерализации зарождающегося или превентивного фашизма на население в целом. Как предупреждает Дэвис, фашизм начала 1970-х годов "в основном ограничивается использованием правоохранительного, судебного и карательного аппарата для пресечения явных и скрытых революционных тенденций среди национально угнетенных народов, завтра он может напасть на рабочих

³⁰Но последние, увы, вряд ли смогут в полной мере воспринять это явление, как из-за того, что его *объект* - карцеральное пространство с его "тоталитарными устремлениями" - становится невидимым, так и из-за растянутого характера его разворачивания, его времени.⁽³¹⁾ Вид фашизма, диагностируемый Дэвисом, - это "затяжной социальный процесс", чей "рост и развитие носят раковый характер".

³²Анализ Дэвиса направляет нас к тюрьме как расовому анклаву или лаборатории для фашистских стратегий и тактик контрреволюции, которые, в свою очередь, понимаются в терминах молекулярного социального процесса. Как в пространственном, так и во временном отношении, восприятие Фашистская реальность и потенциальные возможности заслоняются непрозрачностью их социальной и политической инфраструктуры. Как позже напишет Дэвис в контексте своей аболиционистской деятельности:

Опасная и поистине фашистская тенденция к постепенному увеличению числа скрытых, заключенных в тюрьму людей сама становится невидимой. Все, что имеет значение, - это преступности, а от преступности можно избавиться, избавившись от людей, которые, в соответствии с преобладающими расовыми

здорового смысла, являются наиболее вероятными людьми, которым приписывают преступные деяния.³³

Дилан Родригес мощно запечатлел оригинальность и вызов "проблемы фашизма", которую Дэвис и Джексон выковали из политического насилия заключения. Несмотря на их частично расхождения.

оценки, называя фашистское настоящее в Соединенных Штатах (зарождающееся или свершившееся), они разделяют "теоретический и символический политический жест, который способствует эпистемологическому разрыву с общепринятым представлением о превосходстве белой расы в США и режиме государственного насилия, на котором оно основывается" ³⁴Этот жест имеет двоякий характер. С одной , он закрепляет расовую принадлежность, Карцеральное и контрповстанческое насилие в политической экономии - не только путем выявления инструментария жестоких репрессий для воспроизводства классовых отношений, но и путем усиления фэноновского понимания того, что мы должны рассматривать насилие "*как первичную и продуктивную* (а не просто репрессивную) артикуляцию определенных социальных формаций" ³⁵С другой стороны, в Переформулирование фашистской проблематики с точки зрения расовой политической инкарнации имеет долговременное достоинство, поскольку ставит под сомнение идеологически неизбежное противопоставление фашизма и (либеральной) демократии. Как остроумно спрашивает Родригес: "Как могло бы измениться или разрушиться наше политическое понимание Соединенных Штатов, если бы мы концептуализировали фашизм как *восстановление* либеральной гегемонии, выход из кризиса, а не как *симптом* кризиса или *распада* "демократии" и "гражданской общество"? ³⁶

Как всегда, реартикуляция анализа и этиологии фашизма также вносит изменения в стратегическое воображение антифашизма:

Динамичные, стратегические отношения насилия, конденсирующиеся в американской социальной формации в разное время и в разных местах, не являются ни случайными, ни чрезмерными, и задача этой переосмысленной проблематики фашизма состоит в том, чтобы осмыслить социально воспроизводящие способности

технологий принуждения и (прото)геноцидной практики в рамках существующего порядка.³⁷

С другой стороны, Нихил Пал Сингх освещает историческую связь между "превентивными войнами", которые ведет американский империализм, и фашистским потенциалом, присущим колониализму поселенцев и рабству рабов. Как он пишет:

Поэт Лэнгстон Хьюз однажды назвал жертв американской экспансии, рабства и сегрегации жертвами "наших родных фашизмов"; как подтверждают внимательные ученые, фашизм был в значительной степени отклонением демократических режимов. Таким образом, хотя демократический либерализм постоянно переосмысливает фашизм как своего чудовищного Другого, фашизм лучше понимать как его двойника - исключаящую волю к власти, которая регулярно возрождается, проявляясь в: (1) зонах внутреннего исключения в либерально-демократических обществах (плантации, резервации, гетто и тюрьмы); и (2) местах, где экспансионистский импульс и универсализирующая сила либерализма смогли обойти свои собственные "конституционные

ограничения" (граница, колония, чрезвычайное положение, оккупация и противоповстанческая деятельность).³⁸

Как мы рассмотрим далее в следующей главе, углубление в расовый и колониальный фашизм - и в европейский "исторический фашизм" как "последний крупный двигатель европейских колониальных авантюр в двадцатом веке" - делает понятным внешне парадоксальное понятие "фашистской свободы" (и субъективности либералов-герренволков и демократов, которые продвигают *ее*).

³⁹Если фашизм также является продуктом долгой истории "расовых войн", то мы не можем понять фашистский потенциал американского нативизма, не обращая, как это делает Сингх, внимания на индейские войны и на то, как поселенческо-колониальная организация насилия над лишенцами наделила "простых граждан расширенной полицейской властью".⁴⁰ В отличие от классических европейских фашизмов, расовый фашизм США и поселенческо-колониальный фашизм не проявляется однозначно как апофеоз суверенитета, как Левиафан в сапогах. Скорее, как отмечает Сингх:

Например, конструкция расистского индивидуализма и свободы поселенцев, которая отличала джексоновскую демократию, идеализированную [Стивом] Бэнноном, поощряла слабый контроль централизованного правительства, связанный с насилием, осуществляемым на его границах и окраинах, что казалось хаотичным, нестабильным и неупорядоченным из контролирующего места власти. С этой точки зрения администрация Трампа вряд ли нуждается в организованных военизированных формированиях для выполнения своих приказов, учитывая нормативные, исторические и институциональные способы, с помощью которых полицейские полномочия в Соединенных Штатах действуют как делегированные и суверенные прерогативы для овладения и контроля над коренным населением и экзогенные другие.⁴¹

Аргументы в рамках черного марксизма

Какую связь мы можем проследить между проблемой фашизма, по-разному сформулированной Джексоном и Дэвисом, с одной стороны, и более ранними теоретизациями фашизма черными радикальными интеллектуалами с другой? В лекции 1990 года, которая была опубликована совсем недавно и стала результатом незавершенного книжного проекта *"Черный ответ фашизму"*, Седрик Робинсон выдвинул предположение, что хроническое пренебрежение автономными традициями чернокожего радикального теоретизирования препятствует вовлечению в "черную конструкцию фашизма", которая альтернативна, более того, антитетична "благозвучному пересказу фашизма" в Теории мейнстрима.⁽⁴²⁾ Опираясь на критическую анатомию западной историографии Хейдена Уайта, Робинсон исследует банальности и несоответствия современного академического анализа фашизма, чтобы выявить основополагающую концепцию, "образцовый нарратив", где фашистский враг подтверждает существенное превосходство западного либерализма и его Духа, ручаясь за "существование

эпистемический Запад" и "философское тождество между западной цивилизацией, западной культурой и человеческой судьбой".⁴³ И наоборот, с точки зрения незападных народов и чернокожих радикальных движений, как это было сформулировано Сезером в его *"Рассуждениях о колониализме"*, фашизм

был не более исторической аберрацией, чем колониализм, работорговля и рабство. Фашизм был и остается современной социальной дисциплиной [господства], которая, как и ее генетические предшественники, христианство, империализм, национализм, сексизм и расизм, средства восхождения к власти и ее сохранения для элиты.⁴⁴

Но в соответствии с аргументом, сформулированным в *"Черном марксизме"* автономии черной радикальной традиции от марксистской теории, Робинсон вынужден утверждать, что большинство черных радикальных теоретиков фашизма (включая К. Л. Р. Джеймса, Джорджа Падмора и Оливера Кромвеля Кокса) остались в плену "евромарксистской конструкции фашизма", которая подчинила цивилизационную и расификационную преемственность между западным колониализмом и

фашизма к экономическому детерминизму и классовому сознанию.⁽⁴⁵⁾ Исключением из этого, по мнению Робинсона, был Дю Буа, который утверждал "культурную идентичность между фашизмом и предполагаемыми демократиями", предвосхищая Сезера в утверждении, что "предпосылкой для фашизма была цивилизация, глубоко травмированная рабством и расизмом."⁴⁶

Есть что-то интригующее и симптоматичное в выводе Робинсона о том, что наиболее убедительное и резонансное изложение Дю Буа преемственности между историей белого расизма и фашизма "парадоксальным образом... совпало с тем моментом, когда Дю Буа оказался под наибольшим влиянием марксизма".⁴⁷ Действительно ли парадокс? По собственному признанию Дю Буа, два десятилетия назад

Ранее "африканские корни" Первой мировой войны установили связь между капиталистическим стремлением к империи и расистским угнетением, что перекликалось с современной ленинской трактовкой империализма; точно так же новаторский рассказ об автономных черных организациях ("всеобщая забастовка" поработенных) и понимание капиталистической инфраструктуры расизма в *"Черной реконструкции"* убедительно показывают, что понимание расовых и капиталистических истоков западного

Дисциплины господства были постоянной заботой Дю Буа.⁽⁴⁸⁾ Сказать, что для Дю Буа "сущность фашизма была расовой", убедительно только до тех пор, пока это не призвано опровергнуть мнение, что сущность фашизма была "также" капиталистической.⁽⁴⁹⁾ Другими словами только если "расовый капитализм" не сводится к культурной или цивилизационной детерминанте этого массового, если спектрального дискурса.

сущность, которой является "Запад", что она может быть артикулирована в новых феноменологиях

фашизма, который стремились исследовать Джексон и Дэвис, причем так, чтобы не отделять повстанческие черные движения от марксистских теорий.⁽⁵⁰⁾

Живой опыт государственного насилия чернокожих политзаключенных и его теоретизирование обосновывает теорию американского фашизма и расового капитализма, способную прервать узкие и клишированные образы фашизма в мейнстримной политической мысли. Она все еще может служить противоядием против соблазнов и ограничений аналогий, которые пронизывают и омрачают основные дебаты. Как показало движение BLM, не угроза "возвращения 1930-х годов", а реалии расового государственного террора вдохновляют массовую антифашистскую энергию, которая не может быть сведена к необходимой, но недостаточной задаче противостояния идеологии и действиям более или менее самоназванных фашистов. Это не означает сведение фашизма к капиталистическому государству и игнорирование автономной угрозы, которую представляют собой самозванные фашистские и ультраправые движения в их меркантильных сменах.

от лояльности системе к оппозиции системе и обратно.⁽⁵¹⁾ Но стоит задуматься и о том, почему теоретические взгляды на фашистский потенциал, сформулированные цветными людьми, опирающимися на живой опыт расового бесправия, часто делали наибольший теоретический и стратегический акцент на организованном государственном и капиталистическом насилии, а не на движениях ультраправых - что иногда приводило к критическим разногласиям антифашистской левой, которая рассматривала эти движения как основной резервуар для возможности фашизма (что ни в коем случае не умаляет долгой истории воинственной самообороны расовых и иммигрантских сообществ).

против ультраправого негосударственного насилия).⁽⁵²⁾

Восстановление дебатов 1970-х годов, которые так часто клеймили за их преувеличения, не здесь аргументом в пользу простого возвращения к фашистской проблематике, выработанной чернокожими политзаключенными и теоретиками. Несмотря на прочную связь между тюремным заключением, расизмом и капиталистической властью, исторические дисанalogии остаются очевидными, и не в последнюю очередь, что современный авторитаризм, увы, лучше всего рассматривать не с точки зрения его предотвращения или реакции на революционные тенденции - хотя мы можем рассматривать его как ответ на реформистские шаги или на угрозы, которые представляют для расового порядка городские бунты и восстания. Нам также будет полезно вспомнить предупреждение Стюарта Холла, сделанное им в контексте анализа тэтчеризма и авторитарного статизма, о сомнительном и саморазрушительном удовольствии определенного антифашизма:

Появление организованного фашизма на политической сцене, кажется, решает для левых все проблемы. Оно подтверждает наши самые худшие подозрения, пробуждая знакомые призраки и приведения. Фашизм и экономический спад вместе, кажется, делают прозрачными те связи, которые чаще всего остаются непрозрачными, скрытыми и вытесненными. Прочь все эти тратящие время теоретические спекуляции! ... Что мы должны объяснить, так это движение к "авторитарному популизму" - исключительной форме капиталистического государства, - которая, в отличие от классического фашизма, сохранила большинство (хотя и не все) формальных представительных институтов, и

которая в то же время смогла создать вокруг себя активное народное согласие.⁵³

Видимые фашисты могут отвлечь нас от более устойчивых и регрессивных трансформаций, предполагает Холл, в то время как их отсутствие может также служить минимизации глубоко насильственных и "фашистских" мутаций в государстве, которые могут быть невидимы для самопровозглашенного большинства, но при этом обрушиваются на наиболее уязвимых, как намекает Дэвис. Но неужели, размышляя о нашем настоящем, мы так и застрянем в альтернативе между двумя позициями, обе из которых кажутся совместимыми с сохранением либерально-демократических институтов, какими бы этиологизированными или искаженными они ни были? С одной стороны, *фашисты без фашизма* (Великобритания конца 1970-х годов, по мнению Холла), с другой - *фашизм без фашистов* (что можно было бы определить как Соединенные Штаты того же десятилетия, с точки зрения их чернокожих политических заключенных). Возможно, чтобы преодолеть эту антиномию, нам нужно задуматься о связи между видами "зарождающегося фашизма", выявленными Дэвисом, - в случае США это усиление форм террора и упреждающих репрессий против расового и подчиненного населения - и появлением откровенно фашистских движений и идеологий. Другими словами, мы должны обратить внимание на посредничество между крайними уровнями классового и расового насилия, которые сопровождают фактически существующие либеральные демократии (вспомните, например, административное и военное насилие, которое пронизывает так называемые "миграционные кризисы"), и появлением движений и идеологий, которые парадоксальным образом утверждают, что государство и культура были левыми, что дискриминация теперь осуществляется по отношению к ранее доминировавшим этнонациональным большинствам и что дерационализированные элиты вступили в сговор с жалкими людьми земли и другими девиантами, чтобы уничтожить полноценное *национальное* население, которое может быть спасено только реваншистской политикой безопасности и протекционизма.

Кризис и идеология

Наш поздний фашизм - это идеология кризиса и упадка. В мощном эссе, написанном после восстания в Лос-Анджелесе в 1992 году, Рут Уилсон Гилмор

прозорливо соединил чернорадикальные теории фашизма, созданные на фоне подавленных революций 1960-х и 1970-х годов, с анализом мутаций расового капитализма в эпоху так называемого неолиберализма. Сочетая интернационализм Робинсона с настойчивым стремлением Джексона и Дэвиса проанализировать связь государства и капитала, Гилмор утверждал, что анализ террора, развязанного американским кризисным государством, должен рассматриваться с точки зрения его сочленения с геоэкономическим порядком, в котором Соединенные Штаты теряют гегемонию, а также способность осуществлять умиротворяющее перераспределение имперских дивидендов. Продолжая традицию исторической ревизии Дю Буа о психологической расплате за белизну, Гилмор опосредует реваншистские идеологии белого супремасизма, выкристаллизовавшиеся вокруг суда над офицерами полиции Лос-Анджелеса, жестоко расправившимися с Родни Кингом, и сопутствующий тупик, в который зашли США.

Империализм⁽⁵⁴⁾ Белый национализм здесь проявляется как идеология кризиса, что также назвать реваншистской виктимологией, "идеей и воплощением победы, явного доминирования на фоне местной реальности уменьшения семейного благосостояния, страха безработицы, угрозы бездомности и повышенной вероятности ранней, мучительной смерти от многочисленных токсинов капитализма".⁵⁵ Расовый

Идеологии выполняют политико-экономическую работу, поскольку цивилизационные нарративы подпитываемые чувствами, находят выход в политических платформах, эксплуатирующих "потребность во враге, угроза которого обязывает бесконечно рассматривать бюджет" - написано в последующей истории массового лишения свободы.⁽⁵⁶⁾ Психические зарплаты и расовые дивиденды, заложенные в долгой продолжительности либеральной демократии *Херренволка*, поддерживают жестоко неравный режим накопления, вовлекая тела и психику в бесконечные культурные войны, которые одновременно продлевают и затушевывают продолжающуюся социальную войну внутри и бесконечные войны снаружи.⁽⁵⁷⁾

На уровнях, которые одновременно являются аффективными, идеологическими, политико-экономическими, и планетарный, зарождающийся фашизм возвращается сюда как негативный горизонт антикапиталистической политики освобождения или упразднения против расового капитализма и его авторитарных инвестиций, катализируя потребность в боевых контр-идеологиях. Как отметил Гилмор, в терминах, которые продолжают резонировать с современностью:

Сам кризис, который мы должны использовать - сырье для глубоких социальных изменений, - это тенденция к фашизму через романтику идентичности, выкованную во всегдашнем американском национальном проекте. Наша работа заключается в том, чтобы заново сформулировать наши собственные связи в новых (и пугающих) перспективных шагах, чтобы описывать, продвигать, организовывать, торговаться в политических арены.⁵⁸

Как это неоднократно происходило в прошлом в США (Вудро Вильсон/Клан/Рождение *нации* в 1910-х годах; Джордж Уоллес/Ричард Никсон/"южная стратегия"/"закон и порядок" в конце 1960-х - начале 1970-х годов; Рейган и всплеск ультраправых начале 1980-х годов), современности наблюдается зловещий коннубиум между мейнстримным неоавторитаризмом, с одной стороны, и белыми националистическими или неонацистскими уличными и идеологическими движениями, с другой - причем последние часто функционируют как инкубатор или заступник для бывших.⁽⁵⁹⁾

Учитывая рекомбинантный и плюралистический характер современной авторитарной политики, стоит напомнить себе о некоторых методологических уроках, извлеченных из предыдущих исследований фашизма, расизма и государства. Особенно актуальным для нашего момента является предупреждение Пуланцаса о том, что не стоит ожидать от фашистских идеологий идеологической сплоченности или единообразия. Напротив, то, что греческий теоретик-марксист назвал "народным влиянием" фашизма, проистекает из его способности модулировать свой дискурс, чтобы привлечь и зарядить энергией различные классовые фракции а также захватить, отвлечь и развратить их.

народных чаяний.⁽⁶⁰⁾ Или, как заметил драматург Дэвид Эдгар в своей анатомии британского фашизма: "Сами противоречия доктрины и их иррациональное разрешение лежат в основе ее функциональной эффективности как мобилизатора поддержки".⁽⁶¹⁾ Теперь, если Пуланцас анализировал исторический фашизм, намеренно играющий через классовые регистры, то современная экология авторитарных ультраправых - в том числе в многообразии их векторов коммуникации - можно рассматривать как воспроизведение "плюрализма" фашизма в менее централизованной форме, позволяющее тактически и стратегически сближать авторитарные имажинации, которые на бумаге могут показаться несовместимыми. При таком подходе, подчеркивающим составной характер фашизма как кризисной идеологии, которая обретает эффективность благодаря своей противоречивости (а не слабости, которую рационалистические левые могут принять таковую), присутствие в современном авторитаризме неолиберальной рациональности вместе с (расиализированной) ностальгией по "рабочему классу" или неприятием "глобализма" представляется менее загадочным, чем это могло бы быть в противном случае.

Понимание Пуланцасом дискурсивного плюрализма фашизма может быть критически усилено вниманием к чернорадикальным взглядам на фашизм и авторитаризм, которые заставляют нас реинтегрировать то, что основная критическая теория часто разделяет на части. Так, например, рассматривать расистские авторитарные популизмы как "следствия неолиберального разума - его расширения области и притязаний частного как для людей, так и для корпораций, и его

отказ от политической и социальной (в отличие от рыночной) справедливости" - значит отделить реально существующий неолиберализм от его слияния с меняющимися императивами расового капитализма и реконфигурации расового государства в "антигосударственное государство".⁶² Сказать, что "энергия обиженной власти", которая объединяется в современные неоавторитарные и белые националистические

идеологии "оставались на политической периферии до последних лет" - а именно до тех пор, пока "либеральный или социал-демократический порядок" не был уничтожен неолиберальными причинами, - подразумевать периодизацию, которая была бы в значительной степени неузнаваема для чернорадикальных теоретиков и движений, рассмотренных выше.⁶³ Во-первых - и не сбрасывая со счетов то, как аспекты либерализма или социал-демократии

Расистские идеологии и практики никогда не были на "задворках"; свидетельством тому является тот факт, что "фашизм" стал объектом интенсивного теоретизирования и споров в радикальных черных (а также азиатских и латиноамериканских) движениях в США в период, который сейчас ретроспективно представляется как расцвет либерализма. Во-вторых, политическое становление неолиберализма как дискурса государственных менеджеров (а не восставшей интеллектуальной элиты) при Рейгане и Тэтчер с самого начала было глубоко, если не сказать коварно, расовым, и в значительной степени определялось повестками дня "закона и порядка", которые развивались в явном противостоянии с радикальным

повстанческие движения конца 1960-х и начала 1970-х годов.⁶⁴

Чернорадикальные взгляды на авторитарную политику, рассмотренные в этой главе, могут способствовать преодолению методологического заблуждения, которое заставляет нас проецировать типологию на историю, рассматривая "либерализм", "социал-демократию", "неолиберализм" или даже "фашизм" как политические порядки, которые могут быть исчерпывающе определены и признаны действующими в определенных пространствах и временах. Что, если эти остранные перспективы заставят нас признать, что политический порядок не является "единым" - признать, что, например, Соединенные Штаты "*переживались* как нечто неуловимо похожее [на фашизм] цветными людьми, живущими вне системы их прав" в различные периоды.

Полностью принять дифференцированный, локальный опыт авторитарных политических порядков и идеологий - это предпосылка критической, рефлексивной антиавторитарной политики, которая сталкивается с материальными препятствиями на пути к коалиционным возможностям. В самом деле, именно этот горизонт солидарностей и их тупиков заставил "Черных пантер", "Коричневых беретов" и других в конце 1960-х и начале 1970-х годов обратиться к дискурсу антиавторитарной политики.

фашизм.⁽⁶⁶⁾ Эта корректировка нашей точки зрения также влечет за собой перекалибровку нашего представления об истории фашизма. Опираясь на богатый архив чернокожих радикальных теорий фашизма, мы можем начать видеть настоящее в гораздо более длинной исторической дуге, периодическим повторением расового фашизма как способа реакции на любой случай того, что Дю Буа однажды назвал "демократией отмены", будь то против Первой Реконструкции, Второй Реконструкции или того, что

Некоторые, надеюсь, начали идентифицировать себя как Thir d.⁶⁷

Если одной из отличительных черт фашизма как межклассовой политики господства - то, что я назвал его "плюрализмом", - является циничная амальгама противоречивых устремлений, нелепое, но фатальное слияние различий, то творческое освоение антифашистских и антиавторитарных традиций сегодня неизбежно требует проработки того факта, что господство не является однородным, поскольку оно не является однородным в своем осуществлении. на этом фоне мы можем политически работать, чтобы заново сформулировать наши связи.

3

Фашистская свобода

Фашистская любовь к свободе

В то время как практической работе по остановке и обращению вспять катастрофического марша правых все еще не хватает стратегии и силы на слишком многих фронтах, недавние международные дебаты о новых лицах реакции были яркими, если не всегда продуктивными. В этой главе я рассматриваю некоторые проблемы, возникающие при пересмотре теоретических дебатов о фашизме в эпоху, чья правящая идеология и стратегия доминирующего класса, по мнению многих, все еще лучше всего идею неолиберализма - каким бы мутантом, рекомбинантом или терминалом он ни был.

Как, хочу спросить я, мы должны концептуализировать связь между новыми вариантами того, что Карл Полаanyi когда-то назвал "фашистским вирусом", и изменчивыми инстанциями неолиберализма, помимо привычного, хотя и ошибочного предположения о базовой несовместимости этих двух комплексов политических идей и практик⁽¹⁾ Может ли более тонкая теоретизация места Государство в фашистской и неолиберальной практике дает некоторое представление о фашистском потенциале, который таит в себе наш сегодняшний момент? И как эта теоретизация может соотноситься со спорным статусом свободы в фашистском дискурсе?

Согласно общепринятому мнению, в основе исторических фашизмов лежит яростная неприязнь к либерализму во всех его обличьях, одухотворенная

бесконтрольное поклонение государству как священному средству национального и расового возрождения через внутреннее и внешнее насилие. Фашизм, как утверждал философ Джованни Джентиле - министр образования в первые два года правления режима и автор-призрак "Доктрины фашизма" Муссолини 1932 года, - был бы, таким образом, "статолатрией".² И наоборот, здравый смысл

в отношении неолиберализма изображали его как движимый настоящей фобией государства, стремлением ограничить интервенционистские помехи последнего свободе рынка и устремлениям собственнического индивида или предпринимательского субъекта.

В бесконечной череде аналогий и дезаналогий, занимающей большую часть общественных и академических дебатов о современности фашизма, понятие свободы играет немаловажную, хотя порой и приглушенную или неявную роль. Либеральные описания элементов фашизма часто выделяют в качестве основных симптомов возвеличивание государства и отрицание свободы, считая, что современные движения и идеологии ультраправых лишены этих признаков. Сегодняшние обновленные авторитарные популизмы порождают разнообразные Партии свободы, и свобода является их лейтмотивом - свобода *от* так называемого "медицинского тоталитаризма", от права собственности или как маркер цивилизационного отличия от мигрантов и их религий. Примеры этой тенденции можно найти в грозной панораме зарождающегося "ископаемого фашизма" Андреаса Мальма и Zetkin Collective:

Доктрина "энергетического доминирования" была дополнена классическими американскими словами о свободе, когда Министерство энергетики в 2019 году начало называть ископаемый газ "газом свободы", который можно экспортировать без ограничений по всему миру. Официальные документы этого министерства,

все еще возглавляемый Риком Перри, говорил об ископаемом топливе как о "молекулах свободы США".³

В другом месте мы встречаем Райнера Крафта, представителя по вопросам климата ксенофобской "Альтернативы для Германии", который осуждает тот факт, что ведущие партии в Германии "угрожают концом света и разжигают массовую истерию, чтобы люди согласились с тем, что все больше и больше их собственности и свободы крадут".⁴ Но являются ли либеральные, неолиберальные и либертарианские партии

отмечает в современном дискурсе ультраправых маркеры непреодолимого разрыва с межвоенными историческими фашизмами?

Я хочу кратко рассмотреть предположение о том, что в некоторых отношениях концепции свободы (как на индивидуальном, так и на коллективном уровне) не были (и не являются) чуждыми фашизму, и что мы можем выиграть в нашем понимании фашистских потенциалов и субъективности, если задержимся на этом очевидном.

оксюморон, *фашистская свобода*. Как я буду утверждать, для этого необходимо отказаться от нашего коленного отождествления фашизма с монолитным, бюрократическим государством и его противостояния либерализму во всех его формах. Отношения фашизма с либерализмом и свободой гораздо более мучительны и менее утешительны, чем кажется из их предполагаемых антитез. Пересмотр наших привычных представлений о месте свободы и государства в фашистских формациях может также проложить путь к более тонкому пониманию фашистского потенциала в рамках неолиберализма и того, как он может быть заложен расовыми представлениями о капиталистическом порядке.

В своей недавней книге *"Белая свобода: The Racial History of an Idea"* покойный историк Тайлер Стовалл, проследив расовые пути идеологии свободы в европейском империализме, поселенческом колониализме и плантационном рабстве, справедливо замечает, что "идеи свободы сыграли значительную роль в идеологии фашизма" - что, возможно, не должно удивлять, учитывая, что эти исторические явления господства сформировали

Самосознание фашизма.⁽⁵⁾ В 1941 году на страницах *"Исследований по философии и социальным наукам"*, англоязычного журнала Института социальных исследований в изгнании, Герберт Маркузе заявлял, что "в условиях террора, который сейчас угрожает миру, идеал сжимается до одной единственной и в то же время общей проблемы. Столкнувшись с фашистским варварством, каждый знает, что такое свобода".⁽⁶⁾ К сожалению, это не всегда так.

Дубинка ночного сторожа

Отношение итальянского фашизма к либерализму не было безоговорочно антагонистическим. В первые годы режима Муссолини даже такой деятель, как Луиджи Эйнауди, ставший впоследствии членом неолиберального Общества Мон-Пелерин и президентом Италии, приветствовал усилия фашистского правительства по сбалансированию бюджетов и сокращению социальных расходов, назвав их "плодотворным возвращением итальянского налогообложения".

системы к ее классическим либеральным традициям".⁽⁷⁾ В 1923 году Джентиле, вступая в фашистскую партию, написал самому Муссолини:

Я пришел к убеждению, что либерализм, как я его понимаю и как его понимали славные правые, возглавлявшие Италию эпохи Рисорджименто, либерализм свободы в законе, а значит, в сильном государстве и в государстве, воспринимаемом как этическая реальность, не является *today* у представленных в Италии либералами, которые более или менее открыто выступают против вас, но, именно, против вас.⁽⁸⁾

Сам Муссолини позже заявит: "Если свобода должна быть атрибутом живых людей, а не абстрактных манекенов, придуманных индивидуалистами.

либерализм, то фашизм выступает за свободу, и за единственную свободу, которую стоит иметь, свободу государства и личности государстве .⁹

Итальянский фашизм ранний идентификация с либеральными концепциями о

Экономическая свобода проявилась в мифологизированном зарождении его режима. 29 октября 1922 года Муссолини пришел к власти в результате Марша на Рим, открыв *фашистскую эру*. В 1927 году режим официально признает этот день первым днем первого года фашистского календаря. Как и любое другое основополагающее событие, "Марш" был также постановкой спектакля и созданием легенды. Будучи ранним и конъюнктурным читателем книги Жоржа Сореля "*Размышления о насилии*", Муссолини был убежден, что политика неотделима от мифотворчества, что она является своего рода мифопоэзисом. В своей речи в Неаполе за несколько дней до Марша он заявил:

Мы создали свой миф. Миф - это вера, страсть. Не обязательно, чтобы он был реальностью. Он становится реальностью в той мере, в какой он является стимулом, надеждой, верой, мужеством. Наш миф - это нация, наш миф - это величие нации. И этому мифу, этому величию - которое мы хотим воплотить в реальность - мы подчиняем все остальное. Ведь Нация - это прежде всего Дух, а не только территория.¹⁰

Миф о нации, о ее утраченном и будущем величии продолжает вдохновлять возрождающихся ультраправых по всему миру. Возьмем, к примеру, речь, произнесенную в октябре 2022 года новым премьер-министром Италии Джорджией Мелони перед успешным голосованием о доверии Палате депутатов. Следуя знакомому сценарию, призывы к национальному возрождению сопровождалась пениями в адрес свободы, выдвинутыми в качестве противоядия от затянувшихся подозрений в авторитаризме. Речь идет не о свободе, понимаемой как эмансипация или освобождение, а о рыночной свободе, связанной с тем, что Мелони, цитируя Папу Иоанна Павла II, назвал свободой "права делать то, что должен". Не торопясь проводить шаткие аналогии, пересмотр истоков фашизма может также послужить усложнению его широко распространенного восприятия, защищаемого Мелони, как антитезы либерализму.

Марш как миф - как дерзкая и мужественная демонстрация силы, породившая фашистское государство, - не только вбивался в фашистскую агиографию или в ретроактивную *мизансцену* Выставки фашистской революции, впервые проведенной в 1932 году. Она также служила моделью - *последовательным* мифом - для союзников и поклонников Муссолини, прежде всего для нацистов. В "застольной беседе" Гитлера 1941 года записано следующее утверждение о "героическом эпосе" "сестринской революции" национал-социализма:

Коричневая рубашка, возможно, не существовала бы без черной. Марш на Рим в 1922 году стал одним из поворотных моментов истории. Сам факт того, что что-то подобное можно было попытаться осуществить и добиться успеха, придал нам импульс... Если бы Муссолини марксизм, не знаю, удалось ли бы нам . В тот период

Национал-социализм был очень хрупким ростом. ¹¹

Настолько хрупкой, что когда Гитлер предпринял попытку собственного путча в 1923 году, итальянская пресса отнеслась к ней как к "нелепой карикатуре" на своего фашистского героя.

В отличие от этой мифологии, исторические описания "Марша" склонны преуменьшать его значимость. Роберт Пакстон в своей ясной и синтетической книге *"Анатомия фашизма"* приписывает его успех слабости и неумелости итальянских политических классов. Не сила фашизма решила вопрос", - пишет он, - "а нежелание консерваторов рисковать своей силой" против силы *Иль Дуче* и его людей. "Марш на Рим" был гигантским блефом, который сработал и до сих пор работает в восприятии широкой публики.

Захват власти" Муссолини .¹² Сальваторе Лупо в своем исследовании политической истории итальянского фашизма также отмечает, что с мартовским,

провинциальная Италия *сквадрисмо* хотела наложить руку на ту огромную часть либерально-консервативного, монархического, военного и *капиталистического* истеблишмента, которая смотрела на чернорубашечников с симпатией, но которой необходимо было почувствовать себя

угрожающее давление, чтобы отказаться от варианта правоцентристского правительства.¹³

В этом свете поход на Рим был не героической эпопеей, а достижением "максимального результата при минимальном риске", по формулировке Эмилио Джентиле⁽¹⁴⁾

Хотя полезно разрушать самодостаточные мифы фашизма, мы должны следует остерегаться превозносить его паразитизм слабости его врагов и соучастии его бенефициаров. Тем самым мы рискуем представить его как несущественное, почти необъяснимое явление. Склоняя палку несколько в другую сторону, поучительно обратиться к трактовке "Марша" вдохновенным и неоднозначным летописцем своей эпохи Курцио Малапарте. В своей книге 1931 года *"Техника государственного переворота"*, которую Муссолини запретил, чтобы не вызывать недовольства Гитлера (который подвергся нелестным сравнениям с *дуче*), Малапарте, ранний участник *сквадризма* и "левый" фашист, непочтительно замечает, что Муссолини мог управлять "фашистской инсurreкционной машиной" так, как он это делал, только из-за своего "марксизма". Под этим Малапарте извращенно подразумевает признание Муссолини стратегического .

важно победить рабочий класс - победить так, чтобы уничтожить все силы сопротивления внутри государства.

В итоге Малапарте описывает нечто вроде *тактики пустоты*. Как он замечает:

Речь шла не только о предотвращении всеобщей забастовки, но и об объединенном фронте правительства, парламента и пролетариата. Фашизм столкнулся с необходимостью создать вокруг себя пустоту, *tabula rasa* из каждой организованной силы, будь то политическая или синдикалистская, пролетарская или буржуазная, , кооперативы, рабочие кружки, биржи труда.

(*Camere del lavoro*), газеты, политические партии.¹⁵

Фашистская машина восстания была грозным аппаратом для организации дезорганизации, гиперполитического навязывания мертвящей деполитизации - то, что она осуществляла параллельных путях прямого насилия и коридорных заговоров. Малапарте рассказывает о логистике, которая легла в основу тактики того, что *gazeta The Guardian* в то время назвала "бескровной революцией". Не столько улицы или наиболее заметные центры власти, сколько различные материальные и институциональные узлы - ключевые точки в сети политической энергии Италии - были в центре внимания *squadristi* подготовительных Марша. Как вспоминает Малапарте:

Чернорубашечники захватили врасплох все стратегические пункты города и страны органы технической организации, газовые заводы, , центральные почтовые отделения, телефонные и телеграфные станции, мосты, железнодорожные станции. Политические и военные власти были застигнуты врасплох этим внезапным нападением.¹⁶

Отсюда меланхоличная проницательность Джованни Джолитти, долгое время занимавшего пост премьер-министра Италии первые два десятилетия XX века: "Я обязан Муссолини тем, что понял: государство должно защищаться не от программы революции, а от ее тактики."¹⁷

Но какая программа сопровождает эту тактику? Именно здесь начинает рассыпаться простая антитеза между фашизмом и либерализмом. Исследователь Грамши Фабио Фрозини недавно составил прекрасную критическую антологию речей и трудов Муссолини с 1921 по 1932 год под названием "*Строительство нового государства*". Высказывания, предшествовавшие Маршу, во многом перекликаются с концепцией Малапарте. Насильственные методы *Squadristismo* подкреплялись псевдо-ницшеанским аристократизмом, который противопоставлял преобразующую силу воинственных элит пацифистским тенденциям

пролетариата. В своей инаугурационной речи в Палате депутатов Муссолини провозгласил, что

уже не вызывает сомнений, что на почве насилия трудящиеся массы потерпят поражение
...рабочие массы по природе своей, я бы осмелился сказать, по благословению, миролюбивы, потому что
они всегда представляют собой статические резервы человеческих обществ, в то время как риск,
опасность, вкус к

Авантюры всегда были задачей и привилегией небольших аристократий.¹⁸

Это "антропологическое" отрицание способности масс к борьбе сопровождалось отречением от марксизма, понимаемого как сплав государственного социализма и теории классовой борьбы как исторического двигателя: "Мы отрицаем существование двух классов, потому что существует гораздо больше, мы отрицаем, что вся человеческая история может быть объяснена экономическим детерминизмом". В "синтезе противоположностей" фашизма - класса и нации - интернационализм должен был получить решительный отпор. Для Муссолини, в формуле, которая находит множество отголосков в риторике современной реакции, интернационализм был "предметом роскоши, которым заниматься только высшие классы, в то время как

Люди отчаянно привязаны к своей родной земле".¹⁹

Но *modus operandi* фашизма до Марша на Рим не просто войной против классовой войны. Отбросив свой прежний республиканизм ради оппортунистического прославления армии и короля, он выкристаллизовался проект *публичного насилия в интересах частного капитала*. Хотя строительство фашистского государства в конечном счете повлекло за собой значительное движение в сторону административной централизации и вовлечения в экономическую сферу, Муссолини 1921-22 годов был категоричен в отношении фундаментально *либеральной* экономической философии фашизма. В своей инаугурационной парламентской речи Муссолини заявил своим левым оппонентам, что ревизионистская социалистическая литература внушила ему убеждение, что "только сейчас начинается настоящая история капитализма, потому что капитализм - не только система угнетения, но и отбор ценностей, координация иерархий, а также

более развитое чувство индивидуальной ответственности".²⁰

Вера в жизнеспособность капитализма поддерживала плановое сокращение государства, которого изначально требовал фашистский лидер. Спасение государства, утверждал он, требует "хирургической операции". Если у государства было сто рук, то девяносто пять требовалось ампутировать, учитывая "необходимость свести государство к его чисто юридическому и политическому выражению". Читая отрывки, подобные приведенным ниже, вряд ли можно понять, почему Людвиг фон Мизес приветствовал приход фашизма как спасение либерализма:

Пусть государство даст нам полицию, чтобы уберечь джентльменов от негодяев, армию, готовую к любым обстоятельствам, внешнюю политику, соответствующую национальным потребностям. Все остальное, и я даже не исключаю среднего образования, принадлежит частной деятельности человека. Если вы хотите спасти государство, вы должны упразднить коллективистское государство... и вернуться к манчестерскому государству.²¹

На Третьем национальном фашистском конгрессе 8 ноября 1921 года Муссолини вновь заявил, что в вопросах экономики фашисты "декларируют антисоциализм", то есть "либерализм".²²

Этическое государство" понималось как враг монополиста и бюрократическое государство, как государство, которое свело свои функции к самому необходимому. Муссолини даже подчеркнул необходимость "вернуть железные дороги и телеграфы частным предприятиям, потому что нынешний аппарат чудовищен и уязвим во всех своих частях". В Удине, за месяц до марша, он заявил:

Все атрибуты государства рушатся, как декорации старой оперетты, когда отсутствует внутренняя убежденность в том, что человек выполняет свой долг, а лучше миссию. Вот почему мы лишим государство всех его экономических атрибутов. Хватит с нас государства железнодорожников, государства почтальонов, государства страховщиков. Хватит государства, работающего за счет всех итальянских налогоплательщиков.

и усугубляя истощение финансов Италии.²³

Обоснование такого сокращения государства до его репрессивных и идеологических аппаратов было не только прагматическим, но и идеалистическим: "Пусть не говорят, что государство, опустошенное таким образом, остается маленьким. Нет! Оно остается очень большим, потому что сохраняет полное господство над душами [*spiriti*], в то время как отказывается от полного господства над материей".²⁴

Сегодня, когда мы боремся с последствиями и повторениями фашизма, вспомнить, что чуть более ста лет назад он пришел к власти не как форма "тоталитаризма", объединившая политическое и экономическое, а как особенно яростная форма антигосударственного антистатуса. И поначалу его приветствовали многие либералы, от Эйнауди до Бенедетто Кроче. То, что Муссолини представлял как моральный, освобождающий, решающий проблемы характер "хирургического" насилия фашизма, в 1921-22 годах было четко сформулировано как антидемократическое насилие, направленное на спасение нации и государства, основанных на частном накоплении. Как он заявил на Национальном фашистском конгрессе: "Мы поглотим либералов и либерализм, потому что методом насилия мы похоронили все предшествующие методы".²⁵

Это обещание либерализма нелиберальными средствами было не в последнюю очередь причиной того, что то, что привело фашизм к власти (как в 1922, так и в 1933 году), в конечном итоге не было

восстание, а приглашение к формированию правительства суверенными конституционными властями (король Витторио Эмануэле III, президент Пауль фон Гинденбург). Как заметил Даниэль Герен в своей книге *"Фашизм и большой бизнес"*, первоначально опубликованной в 1936 году, здесь заключалось "жизненно важное различие" между социализмом и фашизмом, когда речь шла о захвате власти: первый был классовым врагом буржуазного государства, "в то время как фашизм находится на службе у класса, представленного государством" - или, по крайней мере, был принят вначале.

и финансово поддерживается как таковая.⁽²⁶⁾Размышляя о разрушительных последствиях неолиберализма как гражданской войны в начале XXI века, мы не должны забывать, что фашизм впервые пришел к власти в гражданской войне за экономический либерализм.

Исполнение немецкой свободы

В своем исследовании нацистских истоков послевоенных теорий и практик управления *"Свободные подчиняться"* (*Libres d'obéir*) французский историк Йоханн Шапуто проницательно раскрыл глубокий пласт национал-социалистической интеллектуальной продукции, возглавляемой молодыми юристами, некоторые из которых членами СС, что ставит под сомнение центральную роль государства в проекте расового империализма (что уже отмечал Франц Нейман в *"Behemoth"*, с

⁽²⁷⁾Для интеллектуалов, исследованных Шапуто, государство было контрселективным препятствием для "немецкой свободы", понимаемой как своего рода расовая спонтанность, способная создать свое собственное имманентное право или закон.⁽²⁸⁾Такая свобода могла служить руководством для гибких, изобретательных, целеустремленных "выступлений", которые офицеры проводили.

в оперативной свободе и автономии в отношении выбранных ими средств. Немецкая свобода - старый лейтмотив немецкого национализма, восходящий к "свободе лесов", противопоставленной сухим, абстрактным, безличным ("иудео-римским") законам, - здесь продуктом расового государства *sui generis*, предвещающего возвращение к исконно германским моделям сообщества вне индивидуализма, вне государства и вне современного суверенитета. Как подробно описывает Шапуто в книге *"Закон крови"*:

Согласно немецкому позитивному праву, существовавшему до 1933 года, "человек" определялся его "свободой". [Нацистский юрист Карл] Ларенц осуждал эту "свободу" как совершенно "абстрактную и негативную", поскольку она часто представлялась как защита субъекта от государства и от других людей. Ларенц утверждал, что свобода конкретна и позитивна. Он утверждал, что вместо того, чтобы быть связанной со статусом, понятием, укорененным в статичном понимании закона, свобода

это вопрос положения, "правового положения индивида, который уже не человек, а конкретное существо-член".²⁹

В легкомысленном, на первый взгляд, но не менее тревожном журнале "*Deutsche Leibesucht*", журнала нацистского движения нудистов, упорно утверждалось, что "нагота на природе ни в коем случае не является аморальной... Освободившись от оков, наложенных на них цивилизацией и культурой", люди могут ощутить "свободу" и "здоровье" во всех местах, которые может предложить природа."³⁰

Этот преднамеренный регресс был совместим с преодолением бюрократических принципов управления в направлении полностью *управленческой* концепции осуществления власти (и насилия). Как недавно заметил Шапуто:

Национал-социалисты хотя бы делали вид, что люди, воплощавшие их идеи в жизнь, свободны в своей работе. Здесь мы снова видим образ, который является основой нацистской идеологии: "Мы, немцы, свободны". На Востоке, в СССР - это Азия - жили недочеловеки, которые были управляемые евреями с кнутом. Мы, германцы, другие, мы свободны."³¹

Когда один из главных нацистских интеллектуалов в области права и организации, Райнхард Хён, стал играть столь заметную роль в послевоенный период, изменения были не столь радикальными: "Преимущество Хёна заключалось в том, что он предложил теорию управления с моделью Гарцбурга, которая была адаптирована духу времени. Его идеи доминировали в немецком пространстве: "Мы свободны как производители, так же как и как избиратели или потребители. Мы свободны, в то время как те, над там - при коммунизме - несвободны".³²

В управленческой системе, которую, по мнению Шапуто, продвигало нацистское негосударство, "немецкая свобода" определялась принципом производительности (*Leistungsprinzip*). Отдельный офицер СС получал максимальную инициативу и гибкость в выполнении своей миссии, а сообщество людей определялось как *Leistungsgemeinschaft*, "сообщество достижения".³³

Дискурс о "тоталитаризме" исключает саму возможность фашистской свободы - и тревожный императив размышлений о неизменных потенциальных возможностях белых, поселенческо-колониальных, собственнических, маскулинных фигураций свободы. Это справедливо даже для наиболее философски и исторически генеративного варианта последнего, а именно "*Истоков тоталитаризма*" Ханны Арендт, в которой признается эффект бумеранга колониализма

должна была обратить ее внимание на расовую переопределенность свободы.⁽³⁴⁾ Для Арендт определено, что "тоталитарное господство... направлено на ликвидацию

Свобода, даже устранение человеческой спонтанности вообще, и ни в коем случае не ограничение свободы, какой бы тиранической она ни была ."³⁵ Хотя это, конечно, относится к феноменологии фашистского террора, лагеря, представление Арендт о том, что тоталитаризм - в его логической принудительности и стирании

Пространство для человеческого движения и взаимодействия - враг спонтанности, той прирожденной способности к "новому началу", которая понимается как источник свободы, - в конечном счете слишком утешительна. Она освобождает нас от противостояния спонтанности и удовольствиям, которые фашизм предлагает своим менеджерам, боевикам или приспешникам. Если "свобода как внутренняя способность человека тождественна способности начинать, так же как свобода как политическая реальность тождественна пространству движения между людьми", как предполагает Арендт, то уверены ли мы, что

Фашизм - это чисто и просто другая свобода, ее абсолютное отрицание?⁽³⁶⁾

Но если мы намерены разобраться в извращенной связи свободы и фашизма, нам, вероятно, придется глубже проникнуть в психическую жизнь последнего. В этой связи показательно, что попытка изобразить "психологию нацизма" как настоящий апофеоз многовекового "бегства от свободы" - титульная концепция книги Эриха Фромма военных лет - содержит также размышления о том, что кажется очень современным социально-психологическим типом - *авторитарном бунтаре*. По мнению Фромма, такие бунтари

выглядят как личности, которые, опираясь на свою внутреннюю силу и целостность, борются с теми силами, которые блокируют их свободу и независимость. Однако борьба авторитарного персонажа с властью - это, по сути, вызов. Это попытка самоутверждения и преодоления чувства собственного бессилия путем борьбы с авторитетом, хотя стремление к подчинению остается, сознательно или бессознательно. Авторитарный персонаж никогда не является "революционером"; я бы хотел назвать его "бунтарем". Есть много людей и политических движений, которые вызывают недоумение у поверхностного наблюдателя из-за того, что кажутся необъяснимым переходом от "радикализма" к крайнему авторитаризму. Психологически эти люди - типичные "бунтари"... Авторитарный характер любит те условия, которые ограничивают

Свобода человека, он любит быть покорным судьбе.³⁷

Является ли фашистская любовь к свободе просто обходным путем на пути к подчинению - тому, что Маркузе назвал не свободой, а "попустительским правом" ?³⁸ Это вопрос, которым, как мне кажется, антифашистской теории еще предстоит поразмышлять, не в последнюю очередь в качестве момента для прояснения собственной философии освобождения.

Негосударства и антигосударства: между фашизмом и неолиберализмом

Несмотря на свои восхваления тотального государства, но в некотором смысле и благодаря им, фашизм можно понимать как одновременную интенсификацию и демонтаж современной фигуры государства. Не гоббсовский Левиафан, а, если воспользоваться названием новаторского анализа нацистского негосударства, Бегемот - нестабильное, поликратическое агентство расового империализма, ускоряющее социальные противоречия монополистического капитализма в "форме общества, где имеет место прямое господство над населением, господство, основанное на отрицании посредничества, вытекающего из существования относительно независимой и стабильной власти, такой как государство"; "иррациональное, хаотичное, незаконное анархическое состояние господства, без последовательной политической теории, без государства, которое насильственно поддерживает экономику ради накопления власти лидера и прибыли крупной промышленности

капиталистов.⁽³⁹⁾ Не случайно Нойманн создавал свой анализ в идеологической борьбе со своим бывшим собеседником Карлом Шмиттом, который в своей работе 1933 года *"Государство, движение, народ"* пытался придать доктринальную форму этой сублимации независимости государства *фюрерпринципом* и его онтологией расы и силы - при этом отрицая капиталистический гангстеризм и рэкет, которые Нойманн так безжалостно описывает. Близкий друг Ноймана Герберт Маркузе поддержал эти идеи, опровергнув тезис своих коллег по Институту социальных исследований Фридриха Поллока и Макса Хоркхаймера, согласно которому нацизм породил исторически новую и потенциально стабильную форму авторитарного государственного капитализма.

Для Маркузе нацизм фактически упразднил различие между государством и обществом, от которого зависело понятие первого, что привело к нестабильной ситуации, основанной на "прямом и непосредственном самоуправлении господствующих социальных групп над остальным населением" - *фактическом* упразднении не современной фигуры государства, но и современного права, которое Маркузе находит узаконенным и мистифицированным в аргументе Шмитта о "множественности порядков", отменяющем любую даже условную трансцендентность юридического. Хотя здесь все еще можно говорить о тоталитаризме, в ситуации, где доминировал тройной суверенитет капитала, партии и армии и где Гитлер действовал как локус компромисса, не было такого понятия, как *тоталитарное государство* - государство, таким образом, становилось просто "правительством гипостазированных экономических, социальных и политических сил". Не тоталитарное государство а *машинное состояние*, производительность которого измеряется его эффективностью.⁽⁴⁰⁾

По мнению Маркузе, государство-машина здесь "движется по собственной необходимости и остается гибким и послушным малейшим изменениям в устройстве правящих групп. Все человеческие отношения поглощены объективной работой по контролю и экспансии".⁴¹ Вместо того, чтобы повторять довольно недиалектическое сопоставление рыночного общества и тоталитаризма, которое некоторые члены

Франкфуртской школы в изгнании, о которых он говорил в то время, Маркузе указал на сложную генетическую и структурную связь между фашизмом и либеральным капитализмом - то, что он уже начал обрисовывать в эссе 1934 года "Борьба против либерализма в тоталитарном взгляде на государство", где он также цитировал печально известную ссылку Людвига фон Мизеса в его "Либерализме" 1927 года на фашизм как на спасителя западной цивилизации, хотя и

"чрезвычайный импровизированный порядок", который должен быть вытеснен укрепленным либеральным порядком.⁽⁴²⁾ Как заявил Маркузе в 1942 году:

Появление Третьего рейха - это появление самого эффективного и безжалостного конкурента. Национал-социалистическое государство - это не разворот, а завершение конкурентного индивидуализма. Этот режим высвобождает все те силы жестокого своекорыстия, которые демократические страны пытались обуздать и совместить с интересами свободы. Как и любая другая форма индивидуалистического общества, национал-социализм действует на основе частной собственности на средства производства. Соответственно, он состоит из двух полярных слоев: небольшого числа тех, кто контролирует производственный процесс, и основной массы населения, которая прямо или косвенно зависит от первых. При национал-социализме наиболее радикально изменился статус индивида в этом последнем слое. Однако и здесь изменения привели к скорее реализуется, чем противоречит определенным тенденциям индивидуалистического общества.⁴³

Вместе с нашими краткими раскопками раннего самовосприятия итальянского фашизма как насильственного национализма, нацеленного на насаждение экономического либерализма, это понимание нацистской Германии как "негосударства" - изменчивой арены политической и экономической конкуренции за власть, движимой и легитимированной расовым империализмом - должно помочь разрушить нашу нерасчетливую зависимость от парадигмы тоталитаризма, которая рассматривает фашизм и либерализм как простые антонимы. Фашизм не может быть полностью и адекватно понят ни как *государство*, ни как подчинение рынков государству. Либерализм, в свою очередь, отождествляется только с ограничением

государственной и политической власти ценой отказа от ее исторической реальности.⁽⁴⁴⁾ А как насчет представления о том, что неолиберализм может быть адекватно воспринят как

фобии государства, как экономической военной машины, нацеленной на демонтаж государственного потенциала? Эта полезная басня была развеяна всеми серьезными недавними исследованиями интеллектуальной и политической истории неолиберализма. В своей мощной полемической истории неолиберализма "*Гражданская война*" (*Le choix de la guerre civile*)

("Выбор гражданской войны") Пьер Дардо, Хауд Геген, Кристиан Лаваль и Пьер Советр излагают эту позицию с пронзительной ясностью: как свидетельствует их история от Сантьяго-де-Чили до Маастрихта, от Бразилиа до Вашингтона, *"не существует неолиберализма, кроме как авторитарного"*, поскольку в его основе лежит "суверенитет частного права, гарантированный сильной властью" - сильное государство для свободного рынка. Это "политический проект нейтрализации социализма во всех его формах и, помимо этого, всех форм требования равенства, проект, осуществляемый теоретиками и эссеистами, которые с самого начала являются также *политическими предпринимателями*". С этой целью "неолиберальная социальная конструкция реструктурирует отношения между государством и обществом, но не с целью ослабления государства, а скорее с целью укрепления государственных институтов, которые создают и укрепляют дисциплинарную власть".

рынков.⁴⁵

Но если мы хотим обратить внимание на фашистский потенциал неолиберализма, то необходимо обратиться к анализу, который выдвигает на первый план формирующую функцию расы и расизма в развитии и насаждении неолиберальной политики и идеологии. Точнее говоря, я думаю, мы можем сказать, что фокусирование на расовых режимах неолиберализма дает несравненное доказательство тезиса о том, что он осуществляет *дифференцированное* усиление государства, которое, в свою очередь, усугубляет и рефункционирует те "фатальные связи власти и различий", которые, по словам Стюарта Холла, создание, снятие и переделку

расы.⁽⁴⁶⁾ В этой связи я считаю, что многое можно сделать, изучив концептуальную и аналитическую формулу, выдвинутую Рут Уилсон Гилмор в рамках ее продолжающегося политико-географического исследования связи государственных возможностей, классовой войны и расизма в "тюремно-промышленном комплексе- *антигосударственное государство*".⁽⁴⁷⁾ В эссе 2008 года, написанном в соавторстве с Крейгом

Гилмор, "Повторяя очевидное", Гилмор предлагает нам несколько ключевых элементов для материалистического анализа места государства в реакционном политическом цикле, в котором мы находимся. Я хотел бы кратко остановиться на трех из них, чтобы предложить их в качестве инструментов, с помощью которых можно осмыслить настоящее и его фашистские потенциалы.

Во-первых, аналитическое разграничение между государством и правительством. Государство здесь определяется как "территориально ограниченный набор относительно специализированных институтов, которые развиваются и изменяются со временем в разрывах и трещинах социальных конфликтов, компромиссов и сотрудничества", в то время как правительства - это "движущие силы - политика плюс персонал - которые приводят в движение государственный потенциал и оркеструют или принуждают людей в своей юрисдикции к проведению своих

жизни в соответствии с централизованными и принудительными правилами".⁴⁸ Государство фундаментально понимается в терминах возможностей, то есть материально осуществленных и принудительных полномочий - распределять или иерархизировать, развивать или отменять, заботиться или криминализировать. Одна из главных целей неолиберализма (особенно в его чрезмерной одержимости рыночного порядка) - "вписать" свои принципы в сами эти государственные возможности, так что даже номинально социалистическое или социал-демократическое правительство все равно будет вынуждено проводить неолиберальную политику.

Во-вторых, в государствах, структурированных долгим наследием и изменчивыми расового капитализма, государство также является расовым государством, которое вполне может действовать административно и юридически через явную приверженность "цветовой слепоте". Как пишут Гилморы, в отрывке, который прекрасно отражает достоинства историко-материалистического географического чувства, когда речь идет о связи политики и расы:

Управление государством расовыми категориями аналогично управлению автомобильными дорогами, портами или телекоммуникациями: расистские идеологические и материальные практики - это инфраструктура, которую необходимо периодически обновлять, модернизировать и модернизировать: именно это и подразумевается под расиализацией. И само государство, а не только интересы или силы, внешние по отношению к государству, строится и укрепляется с помощью этих практик. Иногда эти практики приводят к "защите" определенных расовых групп, а в других случаях приводят к их жертвоприношению.⁴⁹

В-третьих, хотя государство, конечно, было неотъемлемым материальным и символическим партнером на протяжении всей истории капитализма, современность определяется особой *риторикой* - связанной с траекторией неолиберализма, но и превосходящей ее - а именно риторикой антигосударства, государства, обещающего свою гибель и использующего это обещание для увеличения, интенсификации и дифференциации своих возможностей, своей власти. Боевая версия - вспомните изречение Рональда Рейгана: "Девять самых страшных слов в английском языке - это: Я из правительства, и я здесь, чтобы помочь" - удваивается фаталистической академической апологией; вспомните усталые мантры о "глобализации" как затмении государства. В отличие от видения массового лишения свободы как стремления к приватизации, экстраординарный расовый рост тюрем является внутренним и символизирует трансформации в государстве, в составе его агентов и ресурсов, которые одномерное понимание неолиберализма - "низколетящего экономизма", по выражению Стюарта Холла, - часто затушевывает. Как отмечают Гилморы:

Поскольку тюрьмы и заключенные являются частью структуры государства, они позволяют правительствам утверждать государственную легитимность посредством претензий на социальную "защиту" в сочетании с их

монополию на делегирование насилия. Государство устанавливает легитимность именно *потому, что* насильственно доминирует над определенными людьми и тем самым определяет их (и делает их видимыми для других) как людей, которыми следует помыкать. Моделируя поведение политики, государство

Антигосударство натурализует насильственное господство.⁵⁰

Говоря о сплетении тюремно-промышленного комплекса с антигосударством как о "государстве, которое растет под обещание сократиться", Гилморы ссылаются на новаторский анализ *кризисного государства*, проведенный Антонио Негри, и особенно на его остроумное утверждение о том, что:

Контрреволюция капиталистического предпринимателя сегодня может действовать только строго в контексте увеличения принудительных полномочий государства. Идеология *laissez-faire* "новых правых" подразумевает в качестве своего следствия распространение новых методов принуждения и государственного вмешательства

в обществе в целом.⁵¹

Но то, что Негри, возможно, не смог понять с его точки зрения - массовые мобилизации и ползучая гражданская война в Италии 1970-х годов - и на чем нам следует остановиться, чтобы разглядеть фашистский потенциал в антигосударственном государстве, - это субъективные инвестиции в натурализацию насильственного господства, которые сопровождаются продвижением собственнических и расистских концепций свободы. Здесь нам нужно задуматься не только о том, что неолиберализм действует через расовое государство, или о том, что, как начали признавать и детализировать комментаторы, он сформирован расистскими и

Цивилизационное воображаемое, которое разграничивает, *кто* способен на рыночные свободы.⁽⁵²⁾ Мы также должны обратить внимание на то, что антигосударство могло стать объектом народной привязанности или, лучше сказать, популистских инвестиций, только через посредничество расы.

В своем зародышевом анализе тэтчеризма Стюарт Холл показал - и это по-прежнему актуально для нашего времени - как авторитарный популизм зарождался в 1960-х и 1970-х годах вокруг конкатенации расовых моральных паник. Этот процесс сыграл ключевую посредническую, консолидирующую и воспроизводящую функцию для прихода неолиберализма к политическому господству. Расизм в этом смысле был своего рода внутренним дополнением неолиберализма. В терминологии Грамши Холла, он позволил (в специфических условиях охваченной кризисом Англии) нейтрализовать "противоречие между народом и блоком государство/власть и [завоевать] народную интерпелляцию, чтобы

решительно за правых".⁵³ Авторитарный популизм, соответственно, можно понимать как

центральный для политики тэтчеризма проект обоснования неолиберальной политики непосредственно в обращении к "народу"; укоренение его в эссенциалистских категориях здравого смысла и практического морализма - и таким образом конструирование, а не просто пробуждение классов, групп и интересов в конкретное определение "народа".⁵⁴

Эта конструкция была и остается расовой - через сменяющие друг друга фигуры не-людей или не-людей (в Великобритании - от молодых чернокожих пролетариев, представляемых как "грабители", до мусульман на пути к "радикализации" и, совсем недавно, восточноевропейских рабочих, угрожающих "британским рабочим местам"). В своем английском варианте неолиберализм у власти впервые был сформулирован как национальный популизм (а в фолклендской авантюре - как возрожденный *социальный империализм*), и таким он в основном и остается. Отсюда и критическая функция исчезающих посредников, таких Энох Пауэлл, чья более открытая и боевая расистская риторика породила более емкого преемника (динамика, параллельная отношениям между Голдуотером и Никсоном в США или роли Национального фронта в ускорении правого дрейфа основной французской политики).

По мнению Холла, идеологический крестовый поход середины 1970-х годов - контрреволюция капиталистического предпринимателя Негри - требовал проникновения в "некоторые из основных и коренных социальных идей населения" и постановки своего рода народного "чревовещания", которое могло бы опираться на "реальные материальные источники народного недовольства", закрепляя людей за практикой доминирующего блока и опираясь на "массовую консервативную силу" "традиционного и некорректируемого здравого смысла". В этом отношении, в отличие от своего социал-демократического (лейбористского) предшественника, авторитарный популистский неолиберализм совершил своего рода пассивную революцию, основанную на "непрерывных усилиях по созданию движения к более авторитарному режиму на основе массовой популистской базы". Другими словами, неолиберализм должен быть популистским, потому что он

не может быть народно-демократическим.⁽⁵⁵⁾

Холл, как мы уже вкратце видели при обсуждении расового фашизма, выдвигал первый план специфику тэтчеризма, критически противопоставляя его легкомысленной левой позиции, которая сводила весь авторитаризм к знакомому фашистскому призраку, - урок, который остается актуальным и сегодня. Однако не лишним будет спросить, как неолиберализм, пришедший к власти как националистический или даже неоимпериалистический популизм, инструментализирующий расистскую моральную панику и расовую (и гендерную) классовую борьбу, подготовил современное возрождение ультраправых, которые по-прежнему опираются на "не отмену, а завершение конкурентный индивидуализм".⁵⁶ Как показывают сценарии США, Великобритании, Бразилии, Германии и других стран, между боевыми действиями нет *санитарного кордона*

неолиберализма и многочисленных вариантов современной реакции, включая нео- и постфашистские. Здесь полезно вспомнить утверждение Дардо и др. о том, что неолиберализм "не может быть позитивно определен конкретным политическим режимом":

Здесь кроется *суть* авторитарного измерения неолиберальной политики: структура государства может быть разной, политический состав и его поведение тоже, главное, чтобы власть была достаточно сильной, чтобы навязать конституционализацию частного права и тем самым ограничивают поле того, что можно .⁵⁷

Может ли реваншистский правый популизм, сознательно или нет, угрожать этой конституционализации, неясно - даже сегодняшние протекционистские жесты в основном соблюдают пограничные условия неолиберализма и его классовых императивов. Возможно, вместо этих доктринальных вопросов - часто размытых идеологической гибкостью и оппортунизмом правых - нам следует обратить внимание на социальные и политические траектории, которые связывают возможности возрождения фашизма с болезненными симптомами неолиберализма.

Здесь полезно вспомнить недавний анализ Грегуара Шамаю, посвященный рождению в Европе "авторитарного либерализма" в роковом 1932 году и его тревожным отголоскам в настоящем, а именно в том, что он называет

Аустерианско-авторитарный механизм [*engrenage*]: социально катастрофические последствия отвергнутой экономической программы [правительства] подточили ту хрупкую политическую основу, на которую оно еще могло опираться, так что вскоре оно уже не могло продолжать двигаться в том же направлении, разве что повысив градус своего авторитаризма, чтобы навязать меры того же рода, которые привели к тем же последствиям, и так далее.⁵⁸

Антигосударство не только проявляется как "серия карательных ответов на хаос, которому оно способствовало", но и, как убедительно показал Уго Палхета на примере Франции, затяжные кризисы гегемонии и социального воспроизводства, вызванные неолиберальной политикой, способствовали расцвету фашистского потенциала.⁽⁵⁹⁾ Кризис 2007-8 годов стал особым примером.

В этом отношении во Франции и момент, показавший, что неолиберализм не способен генерировать социально приемлемые решения, что все, что он может предложить, - это кажущийся бесконечным горизонт жесткой экономии, стагнации, снижения уровня жизни, растущего неравенства, накопления за счет лишения собственности, организованного отказа от собственности и репрессивного ужесточения государства против любого вызова или альтернативы. Рекомбинации неолиберализма проявляются в ужесточении авторитарных тенденций, в контексте господства без гегемонии, в котором правящие классы подвергаются процессу радикализации, в контексте, в котором

В этом случае их господство зависит от сокращения демократических прав и возможностей.

Здесь трудно не вспомнить сентенцию Карла Поланьи о том, что "для того, чтобы понять немецкий фашизм, мы должны вернуться в рикарданскую Англию", и связанное с ней наблюдение, которому фашизм "всего лишь результатом взаимной несовместимости демократии и капитализма в наше время". Фашизм, по мнению автора *"Великой трансформации"*, - это "та революционная

решение, которое сохраняет капитализм нетронутым".⁶⁰ За этим стоял тезис о длительном существовании фашистского потенциала основанного на "возрождении старой враждебности капитализма к народному правительству"

.⁶¹ Безжалостная враждебность к субстанциональному, социально-экономическому понятию демократии, такому как у Поланьи, не является

просто то, что антигосударство, как риторика и практика неолиберализма, разделяет с новыми лицами реакции. Расовая антидемократическая враждебность неолиберализма создает материальные и идеологические условия для усилий по завоеванию народной интерпелляции для ультраправых, на электоральной арене и за ее пределами d.⁶² Модальность, через которую фашистские потенциалы

или траектории, возникающие из "разрушительных напряжений" неолиберализма, включают в турбонаддув присущих неолиберальному порядку черт - растраты природы ради прибыли, нападки на распределение социальной зарплаты, прославление собственнического индивидуализма и хищнического предпринимательства - под прикрытием вызова к некоторым его якобы определяющим.

.⁶³ Антистатизм современной реакции объединяет темы культурной войны и корпоративные диктаты, особенно диктаты ископаемого капитала - вспомните печально известный призыв Стива Бэннона к "деконструкции административного государства".⁶⁴

Сегодняшние крайне правые объединяют цинично избирательный антигосударственность с

реваншистский этнонационализм, страстно привязанный к символике и реальности репрессивного государства - вспомните "тонкую синюю линию" американского флага, лозунги "синие жизни имеют значение" и тому подобное. Таким образом, поздний фашизм - одновременно и реакция против некоторых аспектов неолиберального момента (тех, которые кодируются и иногда расифицируются как "глобалистские"), и страстная чрезмерная идентификация с принудительными измерениями антигосударственного государства. Он выводит на чистую воду дезавуированную неолиберализмом опору на цивилизационные нарративы о превосходстве белых, одновременно продлевая противоречивую модернизацию и ремонт инфраструктуры расового государства. Этот поздний фашизм, появившийся *после* пустых пророчеств о неолиберальной нейтрализации политического, представляет собой своего рода второго порядка или рефлексивное подтверждение авторитарности неолиберализма .

подноготной. Она поддерживается размыванием границ между либеральными концепциями свободы и индивидуализма (как свобода рынка, свобода владения, свобода от вмешательства в индивидуальный суверенитет) и тем, что мы могли бы назвать фашистским видением свободы (свобода доминировать, властвовать) - оба тяготеют к агрессивным представлениям о конкуренции или "пригодности" и отталкивают солидарность, заботу, уязвимость.

Тем, чей горизонт остается нацеленным на коренную трансформацию государства, понимаемого как сгусток и проводник классовой власти и социального насилия, - тем, кто, как коммунисты, стремится к "негосударственному государству", - придется бороться с вкраплением фашистских потенциалов в антигосударственное государство. Такие потенциалы могут во время кризиса организоваться вокруг новых форм того истребительного и предпринимательского насилия, которое определяло нацистское чудовище как *негосударственное*.

4

Призрак со стальными конечностями

Тот, кто не хочет говорить о капитализме, должен молчать и о фашизме.

- Макс Хоркхаймер, "Евреи и Европа" (1939)

Кровь восстает против формального понимания, раса против рационального стремления к цели, честь против прибыли, узы против каприза, называемого "свободой", органическая тотальность против индивидуалистического распада, доблесть против буржуазной безопасности, политика против примата экономики, государство против общества, *Volk* против индивида и массы.

- Эрнст Крик, *Nationalpolitische Erziehung* (1933)⁽¹⁾

Фашизм и реальная абстракция

Исследовав фашистские представления о свободе, их явные и неявные связи с разновидностями либерализма и неолиберализма, мы все еще должны бороться с образами капитала, которые обуславливают фашистскую политику. Как я утверждаю в этой главе, отношение фашизма к капитализму лучше всего исследовать с точки зрения его борьбы с экономическими, юридическими и политическими абстракциями.

Если одни критики видели в фашизме страсть к абстракциям, то другие диагностировали фобию абстрактного как одну из его ведущих черт. Эти точки зрения не обязательно несовместимы. Например, коллаборационистский режим Виши во Франции военного времени заменил революционный универсализм "*либерте, эгалите, братство*" на "*труд, семья, отечество*" - свобода была заменена работой, равенство - семьей,

братство по отечеству. Как заметил Ален Бадью: "Фашизм неизменно заменял субъективную универсальность процедур истины (политического изобретения, художественного творчества и т. д.), которую он ненавидел, обозначением великих референтных коллективов: нации, расы, Запада."² Как мы видели в предыдущей главе, "одна и та же" абстрактная идея, свобода, может быть лишена своего

"субъективной универсальности" и приписывается одному из этих коллективов ("немецкая свобода"), либо лишается всякого эмансипационного содержания ("свобода подчиняться"). Но для того, чтобы уловить неоднозначное отношение фашизма к абстракции, недостаточно исследовать его отношение к абстрактным политическим сущностям и знакам. Нам также необходимо изучить реактивное отношение фашизма к "реальным абстракциям" капитала, отношение, которое кристаллизуется в расовых рамках

Романтический антикапитализм.⁽³⁾ В следующей главе, опираясь на эти аргументы, мы рассмотрим связь между социальными формами капитала и темпоральностью фашизма.

В то время как самый дотошный теоретик реальной абстракции, а именно немецкий философ-марксист Альфред Зон-Ретел, внес важный вклад в эмпирическое исследование связи между фашизмом и капитализмом, теоретическое развитие артикуляции между фашизмом и реальной абстракцией следует искать в основном на задворках творчества его единственного настоящего философского собеседника Теодора В. Адорно, а также в практически забытой теории фашистской идеологии, изложенной Норбертом Гутерманом и Анри Лефевром в их книге 1936 года *"Мистифицированная совесть"* (*"La conscience mystifiée*

Consciousness).⁽⁴⁾ Прежде чем исследовать эти теоретические нити, необходимо объяснить центральную роль фобии абстракции в фашистской и, более конкретно, нацистской идеологии. Как мы увидим, страх и ненависть фашизма к абстрактному связывают воедино капитал, закон и расу, в то время как его демократические последыши также могут быть поняты как патология капиталистической абстракции.

Сделать абстракцию еврейской

В книге *"Закон крови: Мыслить и действовать как нацист"* Иоганн Шапуто проанализировал реакцию национал-социалистов на кумулятивные "отчуждения" и "денатурации", вызванные христианством, Иудейско-азиатская теория спасения", которая для нацистов шла рука об руку с узурпацией теллурических корней немецкого правосудия "иудейско-римским" аппаратом абстрактного права (дополняя весь конспирологический комплекс "иудео-большевизма", который связывал революционные абстракции коммунизма с

Еврейский номадизм, космополитизм и подрывная деятельность)⁽⁵⁾ Отчуждение немецкого *народа* понимается идеологами национал-социализма как вытеснение естественной, укорененной морали *права*, выражения жизненной и расовой нормативности, множеством абстрактных *законов*.⁽⁶⁾ Именно такой перспективой был продиктован девятнадцатый из двадцати пяти пунктов

Программа НСДАП 1920 года: "Мы требуем замены римского , служащего материалистическому миропорядку, немецким общим правом".

Резюмируя идеологический *Weltanschauung*, выдвинутый нацистскими юристами и историками права, Шапуто пишет, что для них,

Евреи были существами абстрактными, ибо ненавидели реальность. Эта ненависть заставила их изобретать хитрости, укрываться в том, чего не существует, в фантазмагориях, надуманных в их бедных больных головах. Именно евреи писали законы: они были "людьми Закона", потому что не были способны жить и мыслить по Закону - естественному Закону, то есть тому, что было чистое выражение мира природы, которому они бросали вызов.⁷

Проявляя симптоматическое использование противоречий, столь распространенное в фашистской идеологии, предполагаемое стремление евреев к абстракции "биологически" объяснялось тем, что они были настолько расово смешанными, что представляли собой нерасу (*Unrasse*) или контррасу (*Gegenrasse*). Со смертельной миметической иронией бессвязность расистской идеологии проецируется на якобы неестественную субстанцию ее объекта, которая, в свою очередь, представлена как противоречивая, *потому что* она нечиста, но также ищет убежища и стабильности в абстрактной формальности и нормативности как противояд от отсутствия стабильной субстанции. Выступая в 1936 году на конференции "Еврейство в науке права", Карл Шмитт выкристаллизовал этот аргумент, что смешанная онтология еврея ("еврейский хаос", в его терминах) требует противовеса на юридическом и эпистемологическом уровне (в "еврейской законности"), таким образом соединяя "грубо

материалистический сенсуализм и самый абстрактный морализм".⁸ Как резюмирует Шапуто это направление расистской мысли:

Эта бесформенность заставила евреев искать убежища в формализме: поскольку их онтология была лабильной и неопределенной, они находили успокоение и структуру жесткости непререкаемых и императивных норм. Евреи были людьми закона, потому что нуждались в его нормативной опоре для жизни. Однако этот закон не побуждал их к построению космоса; напротив, он повелевал им действовать в соответствии с его природой, которая заключалась в том, чтобы сеять хаос и разрушение. Бесформенный, деформированный, еврей деформировал и разрушал, в отличие от арийца, который информировал и соответствовал. В этом свете понятна необходимость изгнать немецкую правовую жизнь от всех еврейских элементов. Еврейский ум должен был быть , а практикующие иудаизм

Безжалостно изгнанный.⁹

Эта формалистическая бесформенность начинается с навязывания того, что нацистские юристы рассматривали как "иудаизированное" римское право. Резюмируя принципы национал-социалистического правового мировоззрения в 1934 году, Шмитт сформулирует нацизм как критику разделения, его великое дело - "преодоление раскола и стрижки, которые стояли на службе определенных политических тенденций в течение многих веков". Против "всей этой системы антитез", этих "систематических разделений" - "тела и души, духа и материи, права и политики, права и экономики, права и морали" - необходимо было тот факт, что (цитируя анонимного американского правоведа): "Сегодня мы переживаем банкротство *генеральных идей*". Таким образом, перед нацистским правовым движением стояла задача отменить "монополию юридического", снести "нормативистскую Вавилонскую башню и поставить на ее место здоровый, конкретный порядок мыслей". Поэтому Шмитту необходимо признать продолжающиеся последствия "определенного историко-правового события, а именно *рецепции римского права*", которое, начавшись в конкретных формах жизни римских крестьян, *патеров* и солдат, "становится самой бессмысленной, самой скандальной, самой опасной вещью в мире, когда отрывается от конкретной реальности, переносится на другой порядок *фолька*, когда абстракция его отстраненных максим выдается за единственную чистую юридическую и научную мудрость". Эта опасность ярко проявится в солидарности между юридическими абстракциями римского права и "идеологически-абстрактным призрачным монизмом", выдвинутым советским коммунизмом. Решающее значение для коррупции, которой отмечена рецепция римского права, по мнению Шмитта, имеет посредничество "экзистенциально нормативного" еврейского народа, который, будучи вечным *метисом*, нуждается в "расчетливо эффективной норме", абстрагированной от конкретного. Как выразился Шмитт, остроумно и ксенофобно: "Иностранец хочет иметь расписание, чтобы знать, когда и где он может сойти. В результате он ставит на место справедливости закон в смысле заранее определенной, просчитываемой нормы". Политический антисемитизм и "борьба с римским правом", таким образом, более чем факультативно близки. С ростом "конкретного порядка мышления" в противовес "абстрактно-нормативному" немецким юристам придется выбирать, и "им не поможет отступление на тающий лед старых форм конвульсивного нормативизма и позитивизма".¹⁰

Современное шествие бесформенного формализма против расовой конкретики еще более усугубляется с точки зрения нацистской критики абстракции Французской революцией, которая изображается как своего рода расовой войны, охотившейся за

аристократической (и *a fortiori* германской, арийской) чистоты, заменяя ее аморфной, неопределенной, гибридной. Денежная и финансовая абстракция сами по себе рассматриваются как союзники этой долгой революции бесформенного.⁽¹¹⁾ Для нацистского философа Альфреда Розенберга, выступавшего время оккупации Парижа, война против Англии была войной между кровью и золотом,

понимался "как финансовый инструмент - как количественный, демократический, универсальный уравниватель, который уничтожал все иерархии, особенно расовые и кровные".¹² По мнению нацистского историка юридической философии Курта Шиллинга, манию абстракции можно проследить вплоть до стоиков в Древней Греции, Руссо и эпохи Просвещения.

века квантификации и математической демократии, основанной на абстракции, враждебной жизни.⁽¹³⁾ Итальянский философ и оккультист Юлиус Эвола, писавший в журнале *Difesa della razza* ("В защиту расы"), аналогичным образом доказывал сопоставление "еврейской склонности к математической абстракции" и древнего арийского видения бытия, пропитанного космическим и солнечным *Weltanschauung*.⁽¹⁴⁾ Противопоставление математики равенства и биологии различий выдвигал и правовед Густав Адольф Вальц, для которого за приматом логики всегда скрывался биологический сбой или тайное политическое мессианство, само по себе сводившееся к

расовой причинности. В конечном счете, современная эпоха должна была восприниматься как культурная и интеллектуальная война на уничтожение против нордической расы, в которой римское право, естественное право, экономический либерализм, индивидуализм и капитализм были в союзе (а капитализм в конечном итоге объединится с коммунизмом в войне абстрактного универсализма против национально-расовой конкретики).

Эта надуманная война с абстракцией получила свое воплощение в "Исследовательском проекте по антисемитизму", опубликованном последнем, англоязычном томе *"Zeitschrift für Sozialforschung/Studies in Philosophy and Social Science"* за 1941 год - и в этом нет ничего удивительного, учитывая не только интеллектуальную известность Шмитта, но и тот факт, что

что один из членов Института, Отто Кирххаймер, учился у него.⁽¹⁵⁾ Вместо того чтобы чисто отрицать антисемитизм как манипуляцию или предрассудок, Институт стремился подробно описать, как определенные черты еврейского социального характера, выявленные, превознесенные и искаженные антисемитом, "находят свои корни экономической жизни еврея, в его особой функции в обществе и в последствиях его экономической деятельности". Во-первых, это представление о том, что евреи выполняют "грязную", нематериальную работу капитала, а именно - выполняют функцию "посредников". Что

Это критический компонент любой исторически обоснованной теории внутриевропейского "расового капитализма", который отсутствует в новаторской работе Седрика Робинсона "*Черный марксизм*", как и, наоборот, глубокие связи между расиализацией ислама, античерным расизмом и антисемитизмом не получили достаточного внимания в работах Франкфуртской школы.

Как отмечается в "Исследовательском проекте", "с давних времен практика предоставления кредитов не позволяла антагонизму между обладателями власти и экономически угнетенным населением приводить к повторяющимся катастрофам", но в условиях кризиса еврей становится воспринимаемым фактором обнищания.⁽¹⁶⁾ Возрастающее значение посреднических функций для Современный капитал становится основой для "маневра отвлечения", который представляет еврейский по своей сути "непроизводительный капитал" как источник социальных бед. Эмблемой этой операции является воображаемый мир "*Кольца*" Рихарда Вагнера, в котором "героический производительный Зигфрид, смесь боеприпасов, кондотьера и ряженого, противопоставляется карлику, символу владельцев, купцов и возмущенного, вечно жалующегося пролетариата". Борьба нацистов с римским правом затем прослеживается в политической экономии еврейской жизни при капитализме и ее идеологических последствиях:

С момента своего возникновения в Риме гражданское право было правом кредиторов. Поскольку оно не признает различий между группами или отдельными лицами, а направлено всеобщую защиту собственности, оно априори антагонистично по отношению к должнику. Исторически сложилось так, что из-за роли кредитора, которую евреи играли в качестве банкиров и купцов, они обычно выступали на стороне Рационального права. Их противники, напротив, выступают за туманное естественное право, основанное на "здравом инстинкте народа".¹⁷

Эта принадлежность к юридическим абстракциям, основанная на исторических тенденциях, определяющих социальное положение некоторых евреев в рамках европейского расового капитализма, затем представляется как дальнейшее основание для ассоциации евреев с абстрактным интеллектуальным трудом *tout court*.⁽¹⁸⁾ "Исследовательский проект" был, помимо прочего, попыткой обосновать анти

Семито-фашистская фобия к абстракции в искаженном преломлении некоторых реальных социальных процессов в истории европейского расового капитализма. Более того, опираясь на метод исторического материализма, она вычленила освободительное ядро из смертоносного стереотипа еврея как носителя абстракции, лишаящей жизни:

Психологическая способность абстрагированию развивалась вместе с коммерческой и финансовой функцией. В товарной экономике люди сталкиваются друг с другом как равные, а не в соответствии с различиями рождения или религии. Не важно, кто они, а важно лишь то, какой товар они хотят купить или продать.

Абстрактное понятие вещи как товара соответствует абстрактному понятию человека. Нет разницы, чем торговать - предметами искусства, хлопком или оружием... Даже если допустить, что "рационализм" является основным направлением среди евреев, нет никаких оснований склоняться к вердикту, который выносят антисемиты на основании этого предположения. Выравнивание, которое происходит в абстрактного мышления, является необходимым условием развития мира в подлинно человеческом смысле, поскольку этот тип мышления избавляет человеческие отношения и вещи от табу и переводит их в сферу разума. Поэтому евреи всегда стояли в первых рядах борцов за демократию и свободу. Изучение так называемого еврейского менталитета объясняет, почему евреев обвиняют одновременно в капиталистическом и революционном, релятивистском и догматическом, толерантном и нетерпимом "мышлении". Такие противоречивые обвинения на самом деле отражаются не на евреях, а состоянии человечества в настоящий исторический период. Евреи - лишь носители противоречивости общества.¹⁹

Занимая место антисемитизма в самой нацистской идеологии, "Исследовательский проект" стремится обосновать саму возможность нацистской политики в отношении евреев политико-экономическим переходом от рыночной экономики, отчуждением немецкого капитализма от анонимных абстрактных и безличных принуждений рынка.⁽²⁰⁾ Этот тезис согласуется с более широкой и проблематичный набор аргументов, связывающих рыночную экономику и либеральную идеологию с буржуазным индивидуализмом - тем что Франкфуртская школа порой не уверена, стоит ли отчаянно пытаться сохранить или предать забвению. Как утверждается в "Исследовательском проекте", в разделе под названием "Изменение функции денег":

В экономике предприниматель мог увеличению или уменьшению денежного капитала, вложенного им в то или иное предприятие, определить, насколько оно полезно для общества. Если фабрика или любое другое предприятие не могло идти в ногу с общим экономическим развитием, это выражалось в его финансовых отчетах и, наконец, в исчезновении самого предприятия... В тоталитарном государстве свободный рынок упраздняется, и способность денег "заявлять" перестает существовать... Рынок, анонимный и демократический трибунал, заменяется командованием и планом власть имущих... Падение значения сфер экономической деятельности, в которых были заняты в основном немецкие евреи, является основой того, что они стали ненужными. Их экономическое существование было тесно связано с либеральной системой экономики, с ее судебными и политическими условиями. При либерализме ... непригодные устраняются благодаря эффективности механизма конкуренции, независимо от того, как их зовут и какими личными качествами они обладают. В тоталитарной же системе отдельные люди или целые социальные группы могут быть отправлены на виселицу в любой момент по политическим или иным причинам. Замена рынка плановой экономикой государственной бюрократии и упадок

Власть денежного капитала сделала возможной политику против евреев в Третьем рейхе.²¹

Здесь, как и в других работах Института социальных исследований в изгнании (а также после его возвращения во Франкфурт), связь между товарной абстракцией и политико-юридической ("демократической") абстракцией гражданина или человека иногда артикулируется таким образом, что остается на прежнем уровне.

В этом случае, например, Адорно в своих "Замечаниях об *авторитарной личности*" говорит о "распаде индивидуальности, вызванном упадком свободной конкуренции и рыночной экономики".²³ Это предполагает слишком линейную концепцию отношений между денежным абстракцией и абстракцией буржуазного гражданина-субъекта. При этом весь вопрос о связи фашизма с расовым капитализмом становится непрозрачным из-за недialeктического разграничения экономического насилия рынка ("непригодные устраняются эффективностью механизма конкуренции") и политического насилия тоталитарного государства, как будто расизация отсутствует при рыночном правлении, а капиталистические принуждения отсутствуют в нацистском расовом империализме. Несмотря на глубокую ограниченность этого противопоставления либерализма и тоталитаризма, работы Института остаются поучительными в своей попытке поставить проблему связи между исторически меняющимися модальностями капиталистической абстракции, с одной стороны, и политическими формами господства и расизма, с другой.

Стереопат

А как соотносятся абстракция и *потенциальная*, а не *актуальная* возможность фашизма? Этот вопрос затрагивается, в частности, в качественном анализе Адорно из "*Авторитарной личности*", а именно в разделе этого масштабного коллективного исследования под названием "Билетное мышление и персонализация в политике". Адорно пытался раскопать нити, связывающие невежество и путаницу в политических вопросах с объективными социальными основаниями для психологической предрасположенности к фашизму. Проблема очень похожа на ту, которую Фредрик Джеймсон позже назовет "когнитивным картированием", а именно на проблему (не)возможности создания ситуативного представления своих отношений с капиталом как тотальности.⁽²⁴⁾

Адорно рассматривает фашизм в терминах скалярного, эпистемологического и материального отчуждения индивида от динамики и рычагов капиталистической власти. Именно на этом уровне Адорно помещает возникновение "определенных техник ориентации", чтобы справиться с парализующей тревогой, порожденной абстрактной непрозрачностью, свойственной современному капитализму, необходимостью генерировать "заменители знания". Эти когнитивные суррогаты принимают две полярные, но специфические формы: неуместная абстрактность, которая носит название

стереотипы (которые Адорно рассматривает как инструмент и шрам) и неуместную конкретизацию под видом персонализации. В основе этих приемов лежит объективный социальный дрейф в сторону интегральной стандартизации или овеществления социальной жизни - тот самый, который тематизируется в параллельных Адорно "товарного прослушивания" и "затыкания" в популярной музыке и в его полемике против видимости свободы и импровизации, определяющей "джазового субъекта".

Именно достигнутая тенденция к интегральной реификации делает возможным метод "*Авторитарной личности*", поскольку социальное и психологическое в конечном счете разрушается в устаревании буржуазной индивидуальности и автономии, в конце так называемого "опыта". Это ситуация, в которой "чем более стереотипной становится сама жизнь, тем больше стереопат чувствует себя правым, видит, что его образ мышления подтверждается реальность".²⁵ Подражая той самой холодности и чуждости общества, которая изначально вызвала тревогу, стереотипия и стереопатия направляют субъекта к своего рода эрзац-конкретности. Они способствуют персонализации, определяемой как

тенденция описывать объективные социальные и экономические процессы, политические программы, внутренние и внешние тенденции в терминах некоего лица, отождествляемого рассматриваемым случаем, вместо того, чтобы потрудиться выполнить безличные интеллектуальные операции, которых требует абстрактность самих социальных процессов.²⁶

В :

Стереотипизация упускает реальность в той мере, в какой она уклоняется от конкретного и довольствуется предвзятыми, жесткими и слишком обобщенными идеями, которым индивид приписывает некое магическое всемогущество. И наоборот, персонализация уклоняется от реальной абстрактности, то есть от "овеществления" социальной реальности, которая определяется отношениями собственности и в которой сами являются бы придатками. Стереотипизация и персонализация - это

две расходящиеся части фактически неопытного мира.²⁷

То, что Адорно характеризует эти полюса как "непримиримые", вызывает некоторое недоумение, если мы подумаем о том, как расистская мысль в целом и антисемитизм в частности, как стигматизирующие *персонализации абстракций*, действуют как мощный синтез этих ложных компасов для овеществленного общества.⁽²⁸⁾ В позднем фашизме стереотипы и персонализации сходятся, чему способствуют алгоритмические архитектуры.⁽²⁹⁾

Демократические пережитки фашизма

После возвращения во Франкфурт Адорно вновь занялся проблемой фашистских потенциалов. В основном это было теоретическое осмысление эксперимента *Gruppenexperiment*, проведенного вместе с Поллоком и другими с целью эмпирического исследования немецкого восприятия вины за войну.⁽³⁰⁾ Понятие реальной абстракции снова подняло голову, теперь уже в качестве своеобразного объяснения последствий

фашизм. В знаменитой лекции "Смысл работы над прошлым", впервые прочитанной в 1959 году, Адорно заявил, что считает "выживание национал-социализма в рамках демократии потенциально более опасным, чем выживание фашистских тенденций против демократии".³¹ Сохранение фашистских тенденций под видом забвения не было вопросом немецкого психопатологии, но специфически капиталистической социальной структуры и социального бессознательного. Атрофия исторического сознания, сделавшая возможным гитлеризма, - заявил Адорно,

обязательно связано с развитием буржуазного принципа. Буржуазное общество повсеместно находится под действием закона обмена, обмена по принципу "подобное на подобное", когда счета совпадают и не оставляют никаких остатков. По своей сути обмен - это нечто вневременное; как и само *соотношение*, как и операции математики в их чистом виде, они устраняют аспект времени.³²

Таким образом, сохранение фашизма в рамках демократии - это вопрос реальных абстракций капитализма, опосредованных массовой психологией. Для Адорно существует интимная солидарность между интернализацией неспособности, передаваемой доминирующей индивидуалистической идеологией, и компенсаторными коллективными фантазиями, которые реализуются в фашистских движениях. Последние, в соответствии с новаторским анализом Фрейда, движимы моделями коллективного нарциссизма, которые сохраняются, несмотря на впечатляющие поражения фашизма и нацизма. Анализ Адорно остается актуальным и в наши поздние фашистские времена. Как он пишет:

Экономический порядок, а в значительной степени и экономическая организация, созданная по его образцу, сегодня, как и тогда, ставит большинство людей в зависимость от неподконтрольных им условий и тем самым поддерживает их в состоянии политической незрелости. Если они хотят жить, то у них не остается другого пути, кроме как приспособиться, подчиниться данным условиям; они должны отрицать именно ту автономную субъективность, к которой апеллирует идея демократии; они могут сохранить себя, только отказавшись от своего "я". Чтобы разглядеть узел обмана, им придется совершить именно то мучительное интеллектуальное усилие, которому препятствует организация повседневной жизни, и не в последнюю очередь раздутая до тотальности индустрия культуры, . Необходимость такой адаптации, идентификации с данностью, статус-кво, с властью как таковой, создает потенциал для тоталитаризма. Этот потенциал усиливается недовольством и яростью, которые порождает и воспроизводит само ограничение адаптации. Поскольку реальность не обеспечивает

автономии или, в конечном счете, потенциального счастья, которое на самом деле сулит концепция демократии, люди остаются равнодушными к демократии, если на самом деле не испытывают к ней тайного отвращения.³³

Вопреки мнению, что его понимание фашизма и антисемитизма все больше отрывается от марксизма, Адорно, поздно вернувшись к этим вопросам на конференции 1967 года, посвященной возрождению правого экстремизма, усмотрел причины сохранения социальных условий для фашизма в постоянно доминирующей тенденции к концентрации капитала и связанных с ней волнах *деклассификации* и

прекарность.³⁴ Огромные массы населения с избыточными доходами стали испытывать колебания привилегий, либидинальным коррелятом которых не просто ощущение, а желание социальной катастрофы (а чего еще желать, предполагает Адорно, если экономические перспективы туманны, а реальных социальных преобразований вы боитесь).

Капиталистическая абстракция и дух фашизма

Как я попытался вкратце показать, следы проблематики реальной абстракции, первоначально сформулированной Сон-Ретелем, можно обнаружить в собственных попытках Адорно теоретизировать как актуальность, так и потенциальные возможности фашизма. В тот же период, в 1936 году Норберт Гутерман и Анри Лефевр в своей работе "Реальность абстракции" разработали марксистскую теорию реальности абстракции на основе воинствующей и теоретической приверженности антифашизму.

*Совесть мистифицированная.*³⁵

Проект Гутермана и Лефевра, первой которого должно было стать "*Мистифицированное сознание*", заключался в формировании науки об идеологиях в условиях нарастания европейского фашизма и (теоретически и политически дезориентированного) коммунистического и социалистического сопротивления ему. Гутерман и Лефевр утверждают, что материалистическое и пролетарское разрушение капиталистического фетишизма должно начинаться с воплощенного подозрения, что человек "является

лишенного живого существования абстракциями и выживаниями".³⁶ Последняя формула указывает на действие реальных абстракций, которыми цинично питается фашизм, и на то, что материальность идеологии представляет собой зачастую беспорядочное накопление и историческое осаждение кажущихся устаревшими форм, верований и практик - тема, которая перекликается со звучащей у Эрнста Блоха диалектикой несовременности, как

а также с концепцией Грамши о "фольклоре".³⁷ Именно в процессе разрушения мистификаций современного "спиритизма" Гутерман

и Лефевр используют терминологию "реальной абстракции". Как они пишут: "Провозглашаемый ныне примат духа означает всего лишь подчинение мифам капитализма и странным реальным абстракциям [*étranges abstractions réelles*]. Это прямое соучастие в огромной лжи, которая приводит к фашизму.^{'38} Как и в основополагающей интуиции Сон-Ретеля о тождестве между

Товарная форма и мыслеформа, эти реальные абстракции должны быть вытеснены и возвращены простому пространственно-временному праксису, который их порождает, - банальному акту обмена и его следствиям. Хотя формулировка Гутермана и Лефевра скорее поэтическая, чем аналитическая, созвучие с тезисами автора "*Интеллектуального и ручного труда*" очевидно: "Кровавые темы сами собой рождаются в наших глазах, наших ртах, наших руках. Мы должны противостоять головокружению. Цикл мистификаций завершен, но рождается всегда и навсегда из этих простых жестов: продажа, покупка,

считать деньги, читать, думать.^{'39}

Согласно *La conscience mystifiée*, в современном человеке мы сталкиваемся с

непомерное абстракций, понятий, мифов... По сути, наше нынешнее сознание состоит из всех переживаний и всех интерпретаций, появившихся в истории человечества, нагроможденных и спутанных без порядка. Здесь можно найти все, но не как моменты в тотальности, а как изолированные элементы, конфликтующие с остальным нашим сознанием. Все

Последовательные образования сохраняются в нас, не преодолеваясь, в хаосе.⁴⁰

Дух" - этот любимый лейтмотив консервативных революционеров и фашистов - это ложное, поверхностное, абстрактное примирение этой бессвязной неоднородности: "Современная метафизика духа выражает только тайну капитала, единственную основу всех тайн этого общества.^{'41} А фашизм, добавим мы более определенно, это реакционное использование осадков в социальная атмосфера капиталистического кризиса, обусловленная реальной абстракцией и ее разрушительными противоречиями. Мы также можем отметить, что "выжившие", о которых говорит *Мистифицированное сознание*, состоят из более ранних "слоев" абстракции, в своего рода геологии (ложного) сознания, которая оказывает формирующее давление на современную практику.

Предвосхищая последующее понимание Адорно потенциально фашистской природы механизмов преодоления и инструментов ориентации в капиталистических условиях, Гутерман и Лефевр понимают фашизм как установление своего рода фиксированности или жесткости, чтобы успокоить тревогу тех, кто живет в психическом "головокружении", возникающем в результате разрушительной, декадентской встречи между "накопленным

абстракций" и "абстрактного финансового капитала" - исторической фазе, когда рухнуло все социальное и политическое доверие (включая доверие к тому, что Гутерман и Лефевр называют "неопределенностью неопределенностей: свобода мысли, демократическая свобода без содержания"). Соответственно, критический (то есть *разрушительный*) анализ фашизма не может ограничиться овеществлением; он должен быть направлен на подвижную и болезненную связь между накопленной абстракцией, которой является Дух (то, что они остроумно называют "паразитом плоти и действия"), и современной абстракцией (паразитического) финансового капитализма - с его инфляцией, спекуляцией, рекламой и "доверием" (или кредитом). В книге, написанной после Великого краха, социальная абстракция предстает как некая нестабильная "нереальная реальность". Но эта абстракция также "реальна" в смысле материального воплощения: финансовый капитал, пишут Гутерман и Лефевр,

никогда не удастся стать независимым и отделиться от капиталиста и от производства. Абстракция, да, но такая, которая предполагает огромную материальную систему и аппарат, абстракция, которая не может вытеснить себя над и вне остального мира, противопоставленного "конкретному", но которая вмешивается, изменяет и конкретизирует себя в действиях... Социальные отношения были захвачены этой странной мифологией капитала... Капитал сметает людей

в этой пугающей машине; это фантом со стальными конечностями.⁴²

Особенно поразительным здесь - не в последнюю очередь учитывая сходство между дебатами о реальной абстракции и "постструктуралистским" увлечением аналогиями, изоморфиями и короткими замыканиями между денежной и знаковой экономиками - является то, как Гутерман и Лефевр подходят к проблеме финансового капитализма и его насилия.⁽⁴³⁾ Они спрашивают: "Что же тогда такое финансы?

капитал, этот господин, более абсолютный, чем древние деспоты, который предстает как высшая реальность? Их ответ: "Это не что иное, как сеть абстрактных знаков, письменных игр. Но вся экономическая и социальная машина, весь огромный аппарат насилия поддерживает эту абстракцию... Таким образом, она одновременно абстрактна и ужасающе конкретна".⁴⁴ Проницательность Маркса в том, как деньги становятся

Единственное "реальное сообщество" в *Grundrisse* также находит отклик, когда Гутерман и Лефевр пишут, что: "Социальная власть анонимна, абстрактна, безлика [*без фигуры*], потому что это власть денег."⁴⁵ Как и у Адорно в "*Авторитарной личности*", объяснение апотропеической привлекательности фашистской идеологии сводится к тому, как психологическое бремя системной непрозрачности

вытесняется, затыкается фашистским решением, в то время как "социальная жизнь никогда не была такой неясной". Как они отмечают:

Этот мир действительно странный. Жестокий, неумолимый своей системой и насилием. И в то же время непостижимый, мимолетный, абстрактный. Ощущаешь вокруг себя грубые силы, судьбы сокрушительной жесткости; и все же впечатление нереальности доминирует над всем. Где находятся *существа*? Кто они? ... Какая огромная человеческая нереальность вокруг и внутри нас. Потому что нет больше ничего, кроме невыразимой пыли человечества, рассыпавшейся и рассыпающейся в многочисленные и многообразные противоречия. Несчастное сознание раздирается прежде всего этим противоречием: бегством от реального среди ярости схватить его, овладеть им... Реальное и иллюзия - для тех, кто не избежал увлечения в сторону революции, - ужасно смешаны. Капитал предстает как реальность - или как мираж. Он поглощает реальность, размывает ее, сам не являясь ничем; но в то же время он жестоко навязывает себя как реальность; он подавляет сознание социального и человеческого реальность и позволяет осознать иллюзию.⁴⁶

Критика повседневности, за которую Лефевр стал известен в послевоенный период, черпает силы в критике реальной абстракции, вызванной межвоенным фашистским всплеском. Идеологическая борьба с фашизмом не может быть просто, а возможно, даже в первую очередь, борьбой с фашистской идеологией. Потому что "мистификация не может быть делом идеологов... они вышивают на темах, рожденных в повседневной жизни". Изначальная мистификация" происходит в "акте обмена", который не является ни бартером, ни спекуляцией, ни ритуалом, но

конституирование новых социальных отношений, выход на сцену сложного социального процесса... Удваиваясь - отчуждаясь - в меновой стоимости, объект становится количественным фрагментом абстракции: однородного труда, общественного, среднего труда. Через факт обмена (и как только этот факт достаточно обобщен и упорядочен, чтобы существовал рынок) действует всеобщее среднее, противостояние между всеми трудами, которое нейтрализует их в абстрактную, количественную, однородную субстанцию, единственный способ сделать соизмеримыми и сравнимыми качественные труды.⁴⁷

И хотя Гутерман и Лефевр не занимаются формальным генезисом, предусмотренным Сон-Ретелем, они тоже утверждают, что любая наука об идеологиях должна начинаться с рассмотрения акта товарного обмена, закладывая тем самым основу для сопряженного анализа фашизма и фетишизма.

Кроме того, как и одновременная критика эпистемологии Сон-Ретелем, эта наука об идеологиях также является обвинением философии, практиковавшейся в свое время, особенно метафизики, которая, гипостазировав в качестве Духа или Бытия безличность капитала и тем самым закрывая возможность его революционного разрушения, вносит свой собственный порочный вклад в фашистскую ситуацию: "Обезличивая отчуждение, метафизики делают его более близким к фетишу товара, более коммерческим и более манипулируемым, более приемлемым и менее болезненным".⁴⁸ Двойной анализ кризисного капиталистического общества в терминах *абстракции* и *выживания* приходит

инвестировать саму философию, восхитительно изображенную Гутерманом и Лефевром как один из тех замков миллиардеров, построенных из фрагментов соборов. подвергнуть практической критике свои собственные анахроничные амальгамы, спиритуалистическая или метафизическая философия стоит на пути революции, которая, понимаемая как "реализация Духа", предполагает "развертывание и упорядочивание геологически перемещенных и нагроможденных пластов капиталистического общества". Это, как и у Блоха, означает, что никакая ностальгия по буржуазному Разуму невозможна: "Эта абстракция уже была уловкой, туманом, в который завернулся зародыш нового мира, чтобы защитить себя". Позже буржуазия будет использовать то же самое оружие - абстракцию - против нового растущий класс, пролетариат .'⁴⁹

В отличие от Сон-Ретеля, товарную форму и мыслеформу, Гутерман и Лефевр, намечая науку об идеологии, способную противостоять идеологической работе фашизма, - его маршаллингу либидинальных и утопических энергий из многочисленных прошлых и неровных временных периодов, - ищут способ объединить реальные абстракции *и* накопленные выживания, деньги *и* миф (или деньги *как* миф). Другими словами, в отличие от довольно линейной или монолитной истории овеществления и стандартизации, которую разделяют Адорно и Сон-Ретел, Гутерман и Лефевр нам другую философскую антропологию, чувствительную к воплощенной и встроенной роли истории и темпоральности, во всей их неоднородности, в современной идеологии. Не существует единой логики или аппарата абстракции, плавно проходящего через многочисленные масштабы и секторы капиталистического общества, и антифашистская теория как критика реальной абстракции не может действовать только на уровне товара-формы и его времени.

5

Устремляясь в прошлое

Фашизм - это культ архаики, полностью адаптированный к современным технологиям. Его вырождающийся эрзац мифа был возрожден в эффектном контексте самых современных средств воздействия и иллюзий.

Ги Дебор, *"Общество зрелищ"*

Фашистские времена

В 1930-х годах Карл Полаanyi заявил, что *проблема* (а не движение, программа или режим) фашизма существовала с самого зарождения капитализма: это была лаконичная формулировка понимания фашизма как потенции, заложенной в самом мозгу капитала. Фашистский вирус", как назвал его австро-венгерский мыслитель, был в спящем состоянии, но он сопровождал капитализм в его длительное существование.⁽¹⁾ Возрождая эпидемиологическую аналогию, Гарри Арутюнян недавно убедительные аргументы в пользу того, что мы не должны рассматривать фашизм как исторически отдаленное и законченное явление или, наоборот, как просто воспроизводимое в настоящем, а должны постигать его в его историчности, как изменчивый ответ на конкретные социальные и политические конъюнктуры:

Подобно способности чумы к мутациям, повторное появление фашизма будет не точной копией того, что в прошлом, существенным отличием, отражающим конкретный момент. В силу своей аксиоматической связи с капитализмом форма фашизма, его разрушение субъективной автономии, остаются неизменными, но с каждым новым появлением он приносит новые

содержание в различных исторических презентациях, как заметил Примо Леви в 1970-х годах, заявив, что каждая эпоха может ожидать возвращения фашизма в новых и различных материализациях.²

В схожем ключе Джефф Элей высказался за двойное методологическое движение, в котором контекстуализация исторических фашизмов и их "динамики возникновения" дополняется *деконтекстуализацией*, тщательно абстрагирующей от кризисов и конъюнктур, породивших межвоенный европейский фашизм, и создающей "переносную концепцию фашизма". Последняя сосредоточится на отличительной политической модели фашизма, а именно на "принудительно-националистическом обращении к политическому насилию и исключаящему авторитаризму в условиях усугубляющегося давления паралича власти и демократический тупик".³

Такое понимание фашизма несовместимо с аналоговым фреймом, который мы уже критиковали в первой главе. Эта рамка соединяет, путем сравнения, обзор современных политических явлений с прошлыми жестокостями европейской истории между 1922 и 1945 годами, с целью озвучить предупреждение об угрожающем будущем. Сочетая идеально-типичную схему шагов к варварству с диагностическим перечнем его симптомов, она обычно противопоставляется протестам против исторических различий или опровержениям путем дезаналогии, а не постановке сомнения аналогового подхода как такового. Аналогичное представление фашизма, которое часто зависит от веры в экстраординарность последнего, имеет тенденцию затушевывать врожденный потенциал капитализма к насильственному управлению кризисом, а также его историческую и географическую изменчивость. Как я уже утверждал, признание расовой и колониальной детерминации капитала также означает привлечение внимания нашего исторического взгляда к расовому фашизму, который предшествовал и обусловил межвоенные европейские фашизмы. Как предположил Элей, современные дебаты о фашизме приобретут глубину и масштаб, если мы будем осознавать множественность истоков и форм фашизма:

Фашизм зародился как в Восточной Азии, так и в Европе, как в Африке, так и в Америке. Эти фашизмы демонстрировали схожую политическую динамику, идеологическое мировоззрение и практику и имели схожие политические последствия. Их частичный и неравномерно обеспеченный доступ к государственной власти вряд ли лишает их значимости, будь то внутри их непосредственного региона или в более широких транснациональных политических полях. Мы многое упускаем без этого тщательно проработанного глобального понимания... По-настоящему важный момент заключается в том, чтобы отбросить нацистский и итальянский примеры - не для того, чтобы отдаленно принизить их значение, а для того, чтобы яснее увидеть более широкое политическое пространство, которое они занимали. Межвоенные годы выявили схожие обстоятельства политической поляризации и общественного кризиса в самых разных частях света, для которых "фашизм" стал общим политическим языком,

будь то легко принимаемое самописание или ярлык, навешиваемый оппонентами.⁴

Но усложнение или выход за рамки аналогии в нашем исследовании фашизма настоящем времени может потребовать большего, чем аргументированное расширение его географических рамок и исторического диапазона. Это потребует рассмотрения не только истории фашизма, но и его темпоральности. То, как мы определяем место фашизма в историческом времени и обнаруживаем ли мы его в настоящем, также зависит от того, как фашизм воспринимал свое собственное время, свой собственный исторический момент, и как это видение выражало специфическую политику времени. Различия в исторических концепциях и политических темпоральностях могут привилегированную призму для осмысления новых мутаций и материализаций фашизма в настоящем.

Подходя к непростому вопросу о фашизме и времени, возможно, будет полезно выделить три уровня абстракции и анализа. Сознвая, что предлоги вряд ли однозначны, я буду называть эти уровни временем *для* фашизма, временем *в* фашизме и временем фашизма.

Говоря *о* времени фашизма, я имею в виду исторические моменты или конъюнктуры, в которых фашизм предстает как возможность, претендент, решение. Хотя разногласия по поводу фундаментальных детерминант подъема фашизма продолжают пронизывать теоретические и историографические дебаты, существует широкое согласие в том, социальная темпоральность кризиса является центральной для динамики фашизма. Спрашивать о фашизме - значит неизменно спрашивать и о

'кризисы, порождающие фашизм' ⁵. Соответственно это время *для* фашизма можно было бы воспринимать как область объективного социально-экономического анализа. Однако быстро становится очевидным, что темпоральность кризиса - парадигматически определяемая как "момент времени, когда решение должно быть принято, но еще не принято", или как "вынужденность судить и действовать под давлением времени" - никогда не может быть очищена от своего интенсивного нормативного и субъективного заряда, что также можно понять из знаменитых размышлений Антонио Грамши о

Междарствие ⁶ Нельзя также отделить его от того факта, что "кризисы, порождаемые фашизмом", хотя и были связаны с превратностями стоимости и принуждением государства, были также неразрывно связаны с неизбежностью социальной революции, последствиями военного поражения или предвестиями национального возрождения ⁷ Время фашизма, как время кризиса, также является внутренне присущим

антагонистическое время, столкновение темпоральностей.

Но что, если подойти к вопросу о фашизме и времени изнутри? Мы можем говорить о времени для фашистов, или, лучше сказать, о времени *в* фашизме. Хотя ни один из этих уровней, как я только что предположил, не может быть полностью отделен от других, мы, тем не менее, можем попытаться очертить

Субъективное" измерение фашистской темпоральности. Какое место в фашистской идеологии занимают темпоральные имажинации, репрезентации и мифы? Можем ли мы определить нечто вроде феноменологии темпорального опыта, которая была бы фашистской субъективности? Именно здесь мы можем обнаружить дизъюнктивный синтез архаизма и будущности в проектах национально-расового возрождения, определяемых, в свою очередь, экспансивным ускорением конфликта стремлением очистить фашистскую политику от любых препятствий на пути ее будущей самоидентификации.

Посредником между кризисным временем фашизма и видением и переживанием времени в фашизме является третий уровень, который мы могли бы назвать временем фашизма, его объективно-субъективной темпоральностью, его имманентными темпоральными характеристиками. Это измерение, прозорливо открытое Эрнстом Блохом в его раскопках "несовременности" фашизма - уже исследованной в первой главе этой книги, - которое понимать как попытку объединить роль неравномерного и комбинированного развития в динамике возникновения фашизма с неравномерностью, которая отмечает классовые фантазии и субъективности в муках кризиса, порождающего фашизм.

Я не буду рассматривать вопрос о времени фашизма и сравнительную симптоматику ("объективных") кризисов, порождающих фашизм; мое внимание будет сосредоточено на взаимодействии между ("субъективным") временем в фашизме и ("объективно-субъективным") временем фашизма. Прежде чем перейти к особенно поучительному, хотя и ограниченному случаю этого взаимодействия (случай Хайдеггера), возможно, будет полезно синтезировать многочисленные аспекты отношения между фашизмом и временем в относительно переносном виде.

Возникая или вмешиваясь в конъюнктуру кризиса, воспринимаемого также как политическое междуцарствие, следствие неравномерности, сопровождающей накопление капитала и его социальные формы и образования, фашизм мобилизует *несовременность* (идентичности, опыта, фантазий и так далее) вокруг *ностальгического* проекта *регенерации, палингенеза, возрождения*, основанного взгляде на настоящее как на *декаданс, упадок, деградацию*, вытекающие из *поражения*. Фашизм обращается к *множественности времен*, которая соотносится с множественностью его аудиторий. В своей исторической, межвоенной форме он сочетал присвоение и симуляцию революционного времени (например, 1-й год фашистской революции) с *эпохально-миллениаристским* видением (Тысячелетний рейх), подкрепленным мифологией *бездвременья*. Эти утопически-апокалиптические представления о времени отсеивают подчиненность фашизма капиталистической темпоральности (долга, оборота, конкуренции, рабочего времени), противоречия которой он стремится избежать бегстве вперед, *ускорении*, в

тотальной военной экономики, либо *замедление* до устойчивой формы гиперреакционного консерватизма, который лишь эпизодически мобилизует хтоническую энергию консервативной революции.

Прошлое становится будущим: Хайдеггер и современность фашизма

Возможно, наиболее очевидная точка идентификации между фашизмом прошлого и протофашизмом настоящего носит ярко выраженный временной характер. Все более распространенное сочетание риторики катастрофического национального упадка с туманными обещаниями возрождения (MAGA, партия Эрика Земмура *Reconquête*, фетиш Vox на *Реконкисту* и т. д.), спаянное вместе идентификацией инопланетян, виновных в общем отчуждении, привело многих аналитиков современных ультраправых к определению фашизма Роджером Грифффином как "палингенетического ультранационализма". Несомненно, радикально-консервативные лейтмотивы упадка, декаданса, деградации, поражения и обездоленности занимают важное место в современном ультраправом дискурсе, тесно оттеняемые расовыми нарративами о виктимности белых и террористическими реваншистскими фантазиями. Но существуют ли отличительные временные маркеры, которые могли бы провести демаркацию между эмбиентными авторитарными ностальгиями и собственно фашизмом?

В XX веке одной из отличительных черт времени в фашизме, которая держала на расстоянии многих приверженцев традиции, был характер его отношения к прошлому, которое брало за отправную точку радикальную негативность кризиса настоящего - поражение нации, исчезновение традиции, разложение расы. Если прошлое и должно было быть отвоевано, то только в радикально революционизированном будущем. Арутюнян проницательно сформулировал это затруднительное положение:

Фашистские концепции темпоральности были укоренены в прошлом, которое часто перекраивалось в настоящем по тактическим, чем любая другая концепция современности, претендующая на освобождение от бремени своего прошлого. Политика времени, встроенная в современность, касается того как современные общества решают вопрос о прошлом в настоящем и как они решают признать или вытеснить его силу. Воспринимаемая неопределенность эмпирического настоящего и отсутствующего прошлого, которое постоянно вызывается и смешивается с новым, представляет собой не столько, сколько

сопротивление современности как основное условие того, что значит стать современным.⁸

Анри Лефевр, писавший в середине 1930-х годов, уловил эту модернистскую склонность фашизма, отрицаемую большинством его сторонников, в негативной диалектике между нацистским ультранационализмом и существованием немецкого

нации. В явном обращении нацистских идеологов, таких как Альфред Розенберг (полемизируя с проводниками империалистической *Realpolitik*), к мифическому регистру Лефевр усматривает веру в то, что *Германия никогда не была*, а только *становится* посредством священного и идеального насилия, что не существует нации до кровавой работы политического солдата и арийского *кондотьера*. В конечном счете, это признание того, что раса сама по себе - легенда, а нация - это 'полностью фетишизированный'.⁹ Нацистский ультра национализм должен представить нацию как *еще* не существующую, чтобы сделать "национальную идею" динамичной. Миф о невозможно далеком прошлом, повсеместно опровергаемом коррумпированным настоящим и спасаемом только в революционном будущем, определяет специфическую темпоральность, управляемую насильственным проектом очищения себя и истребления другого. Убежденность в том, что "Германии нет, она сделана", требует уничтожения любых реально существующих сообществ и различий, сакрализуя

Расовая нация, которая должна появиться в "быстротечном, но ужасно требовательном будущем".¹⁰ Все, что является культурно прочным, переплавляется в будущее расовой революции:

Настоящая немецкая община находится, таким образом, в полном распаде. Под предлогом возвращения к глубинным силам души, почвы, *Lebensraum* все завоевания немецкой культуры борются и уничтожают ради случайного и примитивного... Национализм может идеологически обосновать себя только на мифе о происхождении, более или менее умело перенесенном в будущее; он непоправимо противостоит национальной культуре.¹¹

Определение Питером Осборном политики времени, присущей фашизму, помогает понять его *футурологическую* ориентацию, даже если она кажется ностальгической или архаичной. По Осборну, фашизм (включая национал-социализм) лучше всего понимать как вариант контрреволюционной идеологии, которой является консервативная революция, что, в свою очередь, можно отразить в формулировке Джеффри Херфа о *реакционном модернизме* - с важной оговоркой, что мы не рассматриваем это просто как *contradictio in adjecto*, а понимаем это как

модернистской темпоральности реакции *как таковой*, когда разрушение традиционных форм социальной власти выходит за определенный предел... С точки зрения темпоральной структуры своего проекта фашизм является особенно радикальной формой консервативной революции. Национал-социализм был реакционным авангардом. Именно здесь кроется его уместность для понимания современности как темпорализации истории.¹²

В диалоге с Осборном Гриффин предположил, что если мы обратим внимание на консервативно-революционный таймкод фашизма, то "основные черты его парадоксальной временности в различных межвоенных проявлениях становятся очевидными".

место", и мы лучше осмыслить "гибридную темпоральность фашизма" .¹³

Цель Осборна - определить временную структуру Фашизм как разновидность консервативной революции - это философский подход, позволяющий прояснить, как можно понять приверженность Хайдеггера нацизму (и его метаполитическую ориентацию до и после 1933-4 гг.) как следствие лежащей в его основе политики времени. Осборн справедливо отмечает, что, несмотря на его доктринальное дистанцирование от консервативных революционеров, таких как Карл Шмитт, Эрнст Юнгер или Освальд Шпенглер - или противопоставление его "духовного" "фрайбургского национал-социализма" нацистскому расовому биологизму - Хайдеггер разделял с жесткими нацистами и консервативными революционерами темпорально-исторический горизонт, а именно "диагноз всемирно-исторической ситуации как ситуации кризиса и упадка, националистическое определение ее политической формы (консервативная революция как *национальная* революция) и надежду на будущее, основанное на совершенно особой революционной темпоральности обновления" .¹⁴ Осборн убедительно доказывает, что темпоральная структура нацизма как политического модернизма и аффинная, хотя и несводимая структура *философского* модернизма Хайдеггера могут дать важные ключи к пониманию политики реакции, не в последнюю очередь с точки зрения перформативного темпорального противоречия, которым отмечен реакционный модернизм как таковой. Этот "плохой" модернизм страдает от "противоречия, внутреннего для его временной структуры". Как утверждает Осборн:

Эта структура - структура радикальной реакции внутри и против современности - с необходимостью противоречива, поскольку одна из вещей, которую она стремится изменить, - это производство той самой темпоральности, которой она сама подчиняется. Радикальная реакция не может не воспроизводить и тем самым перформативно утверждать временную форму той самой вещи, против которой она выступает (современности). Отсюда необходимость для нее исказить для себя свою темпоральную структуру как некое "восстановление" или

'return'.¹⁵

Напротив, определяя условия возможности историчности *Dasein* в схоластически-боевом режиме "предвосхищающей решимости", Хайдеггер обращает "темпоральность современности против нее самой, соединяя чувство будущности как сущности существования (конечной трансцендентности) с идеей судьбы, чтобы произвести радикально реакционную точку зрения" .¹⁶ Для Осборна последнее проистекает не из простого децизионизма (который объединил бы Хайдеггера и Шмитта в категорию "политических экзистенциалистов"), а из специфически темпоральной концепции

Повторение, выдвинутое в "*Бытии и времени*".⁽¹⁷⁾здесь историчность оказывается тайно подписанным и переопределенным идеологией национальной (ист.) истории:

Хайдеггеровское понятие историчности *нарративизирует решимость как повторение*: повторение наследия народа. Тем самым она предоставляет *Dasein* форму исторической идентификации с определенным политическим смыслом. В *аутентичной* историчности возможное всегда (и только) повторяется возможность повторения прошлого... Настоящее повествуется как кризис и упадок (утрата живого смысла), а будущее предстает в горизонте "возвращения к новому началу"... Это ...в специфического национального (и националистического) нарратива о происхождении смысла на экзистенциальную структуру разрешения через повторение, что политика *Бытия и Времени* должна быть найдены.¹⁸

Фундаментальная онтология темпорально выражается как националистическая онтология. Национализация бытия и времени - вместе с ее военно-жертвенной религией смерти переживет разочарование Хайдеггера в реально существующем национал-социализме. Это наглядно видно, например, заключительных замечаниях к его лекциям летнего семестра 1943 года на тему "Зарождение окцидентального мышления: Гераклит":

Как бы ни сложилась судьба Запада, величайшее и истинное испытание немцев еще впереди: а именно, то испытание, в котором они против своей воли будут проверены невежественными людьми на предмет того, согласны ли немцы с истиной *being*, и достаточно ли они сильны в своей готовности к смерти, чтобы спасти невосприимчивых... от духовной нищеты. современного мира.¹⁹

Еще одно измерение того, что Осборн называет "*переопределением онтологического онтического*", философии *sui generis* вариантом палингенетического ультранационализма, было убедительно раскопано Уильямом Альтманом в его исследовании "*Бытия и времени*" как похоронной оратории по немецким павшим в Первой мировой войне⁽²⁰⁾Альтман отталкивается от замечательного

Речь, которую Хайдеггер произнес на на двадцатипятилетней встрече выпускников своей гимназии в Констанце, была посвящена одноклассникам, павшим войне 1914-18 годов, и темпоральными категориями *Бытия и Времени*. По мере того как онтическое шествует вперед в фигуре *Frontgemeinschaft* (фронтового сообщества) и его товарищества, не просто мифическая нация или *Volk* обеспечивает своего рода ретроактивное "содержание" для предвосхищающей решимости, но само боевое сообщество, к которому Хайдеггер не присоединился, к призыву которого он не прислушался. Эмпирическая мимолетность и историографическая фактичность конфликта - вот что должно быть , чтобы отвоевать историчность у просто истории. В своей "похоронной оратории" Хайдеггер делает явным реакционный

Политика повторения и решимости, которую анатомирует Осборн. Как говорит Хайдеггер своим оставшимся в живых одноклассникам:

Ведь Великая война *настигает нас впервые*. Наше пробуждение к двум миллионам погибших во всех этих бесконечных могилах, которые границы рейха и немецкой Австрии носят, как некую таинственную корону, начинается только сейчас. Великая война становится сегодня для нас, немцев, - для нас, прежде всего среди всех народов, - *впервые исторической* реальностью нашего существования. Ибо история - это не то, что было, и даже не то, что , а то, что *предстоит*, и наша задача по отношению к этому.²¹

То, национальная революция Гитлера "сейчас" сделала возможным, "*впервые*", - это актуализация войны 1914-18 гг. *как истории*, с учетом *будущей* задачи или миссии.⁽²²⁾ Как остроумно замечает Альтман, природа будущего, которое повторение делает возможным и "предвосхищающая решимость" актуализирует, выдается за то, что Хайдеггер говорит об "этом гигантском событии, которое мы называем Первой мировой войной".²³ Говорить о *Первой* мировой войне в *1934 году*, когда она настигает "нас" "сейчас" в "*первый раз*", значит совершить еще один чреватый шаг в политике времени, а именно трансформировать неопределенную, травмированную, тревожную, но и облегченную темпоральность послевоенной эпохи (*Nachkriegszeit*) во временную промежуток между двумя войнами (*Zwischenkriegszeit*), в котором можно ответить на призыв к "предвосхищающей [буквально *забегающей вперед*] решимости", то есть к будущей войне, *Второй* мировой войне. Полностью погрузив *Mitsein* (бытие-в-себе) во *фронт* и *Volksgemeinschaft* - в *поколение*, порожденное "этим связыванием себя с волей" фюрера, - Хайдеггер в речи о воссоединении 1934 года прямо предусматривает и призывает к повторению мировой войны:

Мы, принадлежащие к этому всецело мистическому товариществу с нашими погибшими товарищами, наше поколение - мост к духовной и исторической победе в Великой войне. Но только то, что было подготовлено задолго до этого, может строить с нуля для далекого будущего - только то, что было решено и что сохранило себя навсегда в этом решении, способно решать для далеких веков. Простые мнения и теории не действуют, программы и организации не имеют никакой скрепляющей силы, кроме : сердце к сердцу и плечо к плечу!⁽²⁴⁾

Этот боевой китч от бывалого халтурщика, как убедительно доказывает Альтман, тем не менее дает представление о темпоральной структуре довольно грозного §74 "*Бытия и времени*". Хотя *détournement* или повторное занятие последнего в целях нереакционной политики времени не является чем-то невообразимым, важно помнить о том, что брак судьбы и будущего, определяющий историчность *Dasein*, становится возможным не только благодаря

темпоральной структурой консервативной революции, но ориентацией на Великую войну и ее "повторение", которая определяла эту идеологическую тенденцию.⁽²⁵⁾ Речь о воссоединении действительно, кажется, переводит (обратно) неологистические извращения §74 "*Бытия и времени*" на язык *Frontgemeinschaft* (или напыщенное приближение к Хайдеггера).

Трудно не услышать воинственные отголоски, когда Хайдеггер пишет в *Бытие и время*, что

аутентичное повторение возможности существования, которое было - возможность того, что Dasein может выбрать своего героя - экзистенциально обосновано в предвосхищающей решимости; ибо в решимости сначала выбирается выбор, который делает человека свободным для борьбы за то, что , и верности тому, что может быть повторено.²⁶

Читая слова Хайдеггера 1927 года через повторить 1914 год речи 1934 года, Альтман дает важное представление о временной структуре хайдеггеровского консервативного революционизма, его "частного фашизма". Эксплицируя утверждение Хайдеггера о том, что "если судьба составляет изначальную историчность Dasein, то история имеет свой существенный вес в ... аутентичном возникновении существования, которое возникает из *будущего* Dasein", Альтман пишет:

Только благодаря явному выбору повторять своих *Helden* [героев] "передача себя" решительного индивида становится его "судьбой". Темпоральный парадокс, центральный для этого отрывка, возникает из того факта, что повторяющееся прошлое становится будущим для "рокового Dasein"... благодаря явному решению о *Wiederholung* [повторении]. Решение принять *прошлое* становится миссией (*Auftrag*) для *будущего*, миссией, которую просто называют "судьбой". Проще говоря: прошлое становится будущим.²⁷

Это предопределенное будущее - возможно, самая изощренная, хотя и загадочная форма "национализации вечности " ²⁸, которая проходит через консервативную революционную идеологию, о чем также говорил Пьер Бурдьё когда заметил, что:

Словесный кувырок, позволяющий уйти от историзма, утверждая сущностную историчность существующего и вписывая историю и временность в Бытие, то есть в аисторическое и вечное, - парадигма всех философских стратегий консервативной революции в философии. Эти стратегии всегда основаны на радикальном преодолении, которое позволяет всему сохраняться за видимостью всего изменяющегося.²⁹

Различие и повторение в фашизме

Повторение, понимаемое как определяющий акт консервативно-революционного Dasein, лежит в основе проекта уникального немецкого "нового начала".

которую Хайдеггер сохранил до конца войны. *Будущая судьба*, раскрываемая через "свободу-навстречу смерти", - это темпоральный штамп, временной миф его философско-политического модернизма под принуждением.⁽³⁰⁾ Одним из идеологических условий возможности этого метаполитического проекта, как предполагает Осборн, является радикальная нерerefлексивность в отношении темпоральных структур капиталистического мира.

современность, которую консервативная революция и фашизм номинально преодолеть, но которая формирует их на каждом шагу.

Кодзин Каратани предположил, что если в первом томе *"Капитала"* были описаны принуждения к повторению, присущие капиталистическому способу производства, то в *"Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта"* 1851 года Маркс предлагает глубокое понимание принуждений к повторению национального государства - при условии, что мы понимаем, что историческое повторение - вопрос *"формы (структуры)"*.

а не *событие (содержание)"*.³¹ Бонапартизм (и фашизм как его аватара в XX веке) следует воспринимать не просто симптом сохранения *древнего режима*, а как репрезентацию или повторение абсолютистского суверенитета - в том понимании, что "само государство возникает в условиях кризиса представительного парламента или капиталистической экономики. Император и фюрер являются его персонификациями и представляют собой не что иное, как возвращение репрезентации"³². История либеральной демократии остается непонятной, если мы не обратим внимания на эту структуру повторения. То же самое относится и к фашизму, понимаемому как специфическое решение имманентных тупиков политического представительства. Как отмечает Каратани:

Представительная демократия возникает в результате устранения абсолютистского монарха, однако она содержит в себе дыру, которую никогда нельзя заполнить. Принуждение к повторению" в системе современной демократии сталкивается задачей заполнить эту дыру в кризисные времена ... Если вспомнить о фашизме или о нынешней политической траектории, то решающее значение имеет то, что все это возникает

только путем представительства на всеобщих выборах.³³

Проект прорыва в прошлое, *первого* существования первобытной (расовой) нации формируется в противоречивых отношениях с темпоральностью созидательного разрушения капитала, с темпоральностью *настоящего* и *нового*, если воспользоваться приведенными выше различиями. Но мы также должны быть внимательны к тому, как возрождение насильственного желания вернуться, повторение политики повторения, становится возможным

на уровне как капиталистической экономики, так и (ее) национального государства.⁽³⁴⁾ Как предположил Харутунян, это

связь с товарной формой, которая отсутствует в большинстве описаний фашизма и которая предлагает правдоподобное объяснение его способности возвращаться пунктуально, а также его собственного подавления истории ради тайны мифа и происхождения (как и самой нации-формы) и его пристрастия к повторению.³⁵

Если фашизм можно представить как организованное стремление к "капитализму без капитализма", то это, в первую очередь, капитализм, который отказывается от капиталистической темпоральности, перекрывая время товара временем духовной революции, время оборота временем расово-национального возрождения.⁽³⁶⁾ И, можно добавить, что эти отношения и их временные детерминанты также закрыты.

от консервативной революционной и фашистской мысли, которые сами ускользают от времени капитала, скрытно объединяя его в мифических и дьявольски безличных агентов, таких как Машина или Технология, или расовые и конспиративные фантазии о кочевой, "глобалистской", расчетливой рациональности.⁽³⁷⁾

Соответственно, через проблему повторения мы можем связать время в фашизме (фигура полета вперед в архаику, "будущую судьбу" как печать палингенетического ультрационализма) со временем для фашизма, понимаемого в терминах "состояния капиталистического накопления и его склонности порождать кризисы повсюду в форме структурно обусловленной неравномерности, а не просто свидетельствовать о признаках ареста и задержки", и, более конкретно, с прицелом на настоящее, "повторение движущей силы либерализма, который в своем новом неолиберальном аватаре еще более решительно настроен преодолеть "дефекты" незавершенности, прибегая ко все большим мерам, чтобы удовлетворить аппетиты саморегулирующегося рынка, который поощряет

Неравномерность".³⁸ Посредником между фашистскими видениями и порождающими фашизм кризисами является тот объективно-субъективный уровень, который я назвал временем фашизма. Это область социальной и психической жизни неравномерности, которую исследует Арутюнян, и именно здесь темпоральные манипуляции фашизма проявили свою наибольшую силу и очарование - а не в реакционном философско-политическом (и эстетическом) модернизме, который стремился - и не смог вести за собой лидеров, как последние ведут за собой массы.

Ведь если фашизм действительно является идеологией-"мусорщиком", подбирающей "обрывки романтизма, либерализма, новой технологии и даже социализма", то он также отвоевывает и рекомбинирует их временные образы и стили, а также те, что проистекают из смежных или предшествующих идеологических позиций (радикальный национализм, традиционализм, антисемитизм, расовый империализм и так далее).⁽³⁹⁾

Фашизм был (и остается) способным использовать оружие типа структурированного.

В 1921 году Муссолини сам нагло рекламировал "сверхрелятивизм" фашизма, соответствующий современному превосходству, в том числе и особенно в науке, релятивизма над релятивизмом. В 1921 году Муссолини сам нагло рекламировал "суперрелятивизм" фашизма, в соответствии с современным превосходством релятивизма над объективизмом, в том числе и особенно в науке. Его яркая напыщенная декларация показывает, что нет ничего особенно "постмодернистского" в смешении авторитарного насилия с эклектикой и иронией (если только мы не хотим причислить сам фашизм к постмодерну):

Для тех, кто кичится тем, что всегда остается самим собой, нет ничего более релятивистского, чем фашистский менталитет и фашистское действие. Если релятивизм и универсальное движение (*mobilismo*) равнозначны, то мы, фашисты, которые всегда проявляли беспринципное высокомерие (*strafottenza*) по отношению к номинализмам, к которым ханжеские фанатики других партий прибываются, как летучие мыши к стропилам; мы, отважившиеся разбить в пух и прах все традиционные политические категории и называющие себя, в зависимости от момента, аристократами и демократами, революционерами и реакционерами, пролетариями и антипролетариями, пацифистами и антипацифистами, мы действительно релятивисты *par excellence*, и наши действия напрямую резонируют с

самые актуальные движения европейского духа.⁴⁰

Таким образом, мы можем говорить о темпоральном плюрализме и релятивизме фашизма, когда различные ритуализированные или символизированные временные маркеры транслируются различным аудиториям в многочисленных публиках фашизма. Поскольку возвращение капиталистического кризиса вызывает реакционную политику повторения, оно также порождает не всегда согласованное или сплоченное множество переживаний и фантазий об утраченном прошлом порядка и иерархии, поскольку воображаемое разрешение кризиса сопровождает политические шаги по его закреплению для сил капитала. Задача любого фашистского разрешения кризиса - осуществить артикуляцию или дизъюнктивный синтез, позволяющий ему опосредовать время обиды или реваншизма (время идентичности и, более того, расы) со временем накопления (временем стоимости), опираясь при этом на беспорядочный архив осажденных временных воображений и опыта.

Как отметил бразильский литературный критик Роберто Шварц в недавнем интервью, посвященном "неоотсталости" в Бразилии Болсонару, проблема, с которой мы снова сталкиваемся, - это "сочетание в моменты кризиса современного и старого", возрождение "регрессивно-модернизационного решения... которое позволяло капитализму развиваться, в то время как общество продолжало потакать старому неравенству" именно за счет мобилизации кажущиеся анахроничными темпоральные образы.⁽⁴¹⁾ Пытаясь понять темпоральность фашизма, мы не можем просто остановиться на его модернизме под

Но должен обратить внимание на то, как социальная жизнь пересекается с множественными темпоральностями. Классовая структура современного общества находится в тени множества культурных и исторических времен, которые не существуют синхронно, хотя и артикулированы или "формально подчинены" времени капитала. Как мы убедились, обсуждая теорию фашистской темпоральности Блоха в первой главе этой книги, эта несинхронность сама по себе исторически и материально обусловлена, и сегодняшние сплавы архаизма и футуризма - это не те, что были в 1930-е годы. Но прозрения Блоха по-прежнему актуальны. Его целью было противостоять фашизму как мошенничеству с реализацией, серьезно относясь к стремлению к социальному и человеческому изобилию, которое он ухватил и перенаправил на цели господства. Среди сокровищ, вывезенных фашизмом, была и утопия. И фашистскому разграблению должно было противостоять коммунистическое спасение.

Контрреволюция без революции

Хотя нет недостатка в ностальгии по фашистской современности, готовой пастишировать реакционные модернизмы и архаичные футуризмы в новых дискурсивных и коммуникативных экологиях, время нынешних воплощений фашизма - это, пожалуй, не революционное время, а время запоздалое и зарождающееся, как мы исследовали в нашей дискуссии о расовом фашизме. Эта темпоральность может быть понята с точки зрения собирания разрозненных фашистских потенциалов в условиях кризиса, а также в связи формами, которые принимает реакция в неревolutionное время. Как линза несовременности должна быть приспособлена к различным формам неравномерности в нашем настоящем, так и линза зарождения, которая повторяется здесь с разницей.

Что, спрашивается, пытается предотвратить поздний фашизм? Именно здесь надстройка иногда кажется подавляющей базис, как будто силы и фантазии, некогда функционировавшие для воспроизводства господствующего класса и расового порядка, теперь обрели своего рода автономию.⁽⁴²⁾ Никакой непосредственной *политической* угрозы для воспроизводства капитализма не на горизонте, настолько, что Современные фашистские тенденции демонстрируют странное зрелище того, что, варьируя анализ новых лиц фашизма, проведенный Анджелой Й. Дэвис и Гербертом Маркузе в 1970-х годах, можно назвать *превентивной контрреформой* - о чем свидетельствует паника по поводу "критической расовой теории", "гендерной идеологии" и т. п.⁽⁴³⁾

С более оптимистичной точки зрения, прогрессивные или либеральные реформы могут показаться расистам и реакционерам признаками коммунистической антиутопии, которая

Почти уже здесь" можно также интерпретировать как искаженное признание утопических следов, которые требуют вырваться из континуума реформизма. Идеалом для левых может стать то, чем, по мнению их врагов, они уже являются, а именно стратегически изобретательные и систематические усилия по подрыву белой, западной, христианской, капиталистической, патриархальной цивилизации во всех институтах общества.

В той мере, в какой превентивная контрреформа также стремится охватить диффузное недомогание, вызванное патологиями позднего капитализма.⁽⁴⁴⁾ она предстанет в облике протофашизма, что

Стратегия смены классовых альянсов, при которой изначально сильный популистский и антикапиталистический импульс постепенно переадаптируется к идеологическим привычкам мелкой буржуазии, которая сама может быть вытеснена, когда с укреплением фашистского государства эффективная власть снова переходит в руки крупного бизнеса.⁴⁵

Этот протофашизм, который выставляли напоказ реакционные модернисты вроде Уиндэма Льюиса, противопоставлял себя марксизму, "запретной позиции", которую он был вынужден одновременно отталкивать и вытеснять, рассматривая себя "как непримиримую критику различных идеологий среднего класса и парламентской системы, в которой они находят свое представительство".⁴⁶

Вращаясь вокруг фантастических очагов "культурного марксизма" и связанных с ним левых заговоров, с одной стороны, и "глобализма" (или "столичных элит") - с другой, наш поздний протофашизм также действует в двусмысленном пространстве, открываемом структурным несоответствием между его антисистемными позициями и его антиантисистемной враждебностью (антикоммунизм без коммунизма - один из более трагикомичных симптомов "позднего" фашизма). Это пространство, где "критика капитализма может быть смещена и изменена в сторону классической мелкобуржуазной идеологии", характеризующейся регрессивными фантазиями о социальной гармонии, моральных иерархиях и гегемонии собственности без финансируемого капитала. непостижимые абстракции и дестабилизирующая динамика.⁽⁴⁷⁾

Если межвоенный фашизм был "новым движением в спешке", одновременно отчаянно стремившимся к традиции и одержимым "скоростью времени", то его нынешние эпигоны отмечены куда менее однозначным ритмом и импульсом.⁽⁴⁸⁾ Хотя они не лишены своих собственных избитых эпохальных или заговорщических мифов времени ("Четвертый поворот", "Великая замена", "Великая перезагрузка"), в них прорастают в контексте более затяжного кризиса. Даже если не рассматривать наше нынешнее затруднительное положение в контексте длительного спада, начавшегося в 1970-х годах, оно

Стоит отметить, что время, прошедшее между кредитным кризисом 2007-8 годов и сегодняшним днем, совпадает со всей продолжительностью немецкого фашизма. Несмотря на наличие злобного "акселерационистского" фронта, действующего в бессильной уверенности, что зрелищная бойня может вызвать массовые потрясения, время современной фашизации в целом гораздо более вялое, амбивалентное, скорее консервативное, чем революционное в своих фантазиях. Оно заморожено миражом "возрождения с безопасностью" и возвращением не столько к архаичному будущему возвышенной нации и грядущей расы, сколько к остаточной современности послевоенного договора, одним из условий возможности которого, по иронии судьбы, было поражение фашизма.

6

Идеи без слов

Статистически миф находится справа. Там он необходим; упитанный, гладкий, экспансивный, болтливый, он беспрестанно изобретает себя... Угнетенный *творит* мир, у него есть только активный, переходный (политический) язык; угнетатель сохраняет его, его язык пленарный, интранзитивный, жестикуляционный, театральный: это Миф. Язык первых нацелен на преобразование, вторых - на увековечивание.

- Ролан Бартез, *Мифологии*

Составление карты правой культуры

Как и почему нынешняя экология реакции питается в первую очередь конфликтами, а то и "войнами", которые оформляются как *культурные* - даже если, как в лейтмотиве забытого белого рабочего класса, надстройка - не что иное, как лихорадочный сон базиса? В этой главе я хочу подойти к этим вопросам, отстранившись от формулирования этих проблем в терминах моральной паники социальных сетей и их ложной сиюминутности, опираясь вместо этого малоизвестный, но чрезвычайно плодотворный источник для судеб и будущего радикальных правых, а именно на книгу "*Культура* правого крыла (*Cultura di destra*) итальянского германиста и мифолога Фурио Джеси (1941-1980) 1979 года.

Уникальная и протеиновая работа Джеси только начинает входить в англоязычные дискуссии.⁽¹⁾ Начав свою чрезвычайно раннюю научную карьеру в подростковом возрасте как египтолог и археолог, после того как школу (его первая книга о сказках и легендах Древнего Рима, написанная в соавторстве с автором

опубликован в пятнадцать лет, а его трактат о египетской керамике - в семнадцать), Ёзи выпустил уникальные по проницательности монографические исследования Руссо, Брехта, Бахофена, Кьеркегора, а также десятки плотных, игривых и иконоборческих эссе на самые разные темы - от работ своего бывшего наставника, венгерского мифолога Карла Кереньи, до трудов Элиаса Канетти и Эзры Паунда. Книга "*Cultura di destra*" была опубликована за год до смерти Ёзи от случайной утечки газа в его доме и в разгар чрезвычайно жестокого - как физически, так и дискурсивно - сезона в итальянской политике, кульминацией которого через полтора месяца после смерти Ёзи станет взрыв на железнодорожном вокзале в Болонье, в котором виновны ультраправые террористы, некоторые из которых нашли вдохновение в текстах например, Юлиуса

Эвола или Джорджио Фреда, затронутые в журнале *Cultura*.⁽²⁾

Не последнюю роль в том, чтобы обратиться к книге Джеси спустя четыре десятилетия, в этой нездоровой конъюнктуре, играет рекомбинантная жизнь эзотерических революционно-консервативных правых в наших метастазирующих медиа-сферах. Замечание Джеси о логорейных привычках реакционных хранителей тайного и элитарного знания по-прежнему актуально: "Большинство мудрецов современного эзотеризма... всю жизнь провозглашали, что их мудрость недоступна и непередаваема словами, и в то же время были самыми плодовитыми полиграфологами". Сегодня мы наблюдаем не только восстановление и переиздание произведений Эвола, Освальда Шпенглера, Эрнста фон Саломона и других, но и возрождение правой культуры в целом, понимаемой, как заявил Ёзи в 1979 году в интервью итальянскому еженедельнику *L'Espresso*, как "культура, в которой провозглашается, что существуют ценности, не подлежащие обсуждению, обозначаемые словами с большой буквы, прежде всего Традиция и Культура, а также" - подчеркивая правую форму многих самоназваний левой культуры - "Справедливость, Свобода, Революция". Культура, , другими словами, состоит из авторитета, мифологической безопасности относительно норм знания, обучения, командования и повиновения". Эта культура - та, в которой "прошлое становится своего рода переработанной кашцей [*pappa omogeneizzata*, детское питание], которую можно моделировать и подготовленным наиболее полезным способом".³

Производство, ипостась и циркуляцию этих мощных вакантных, капитализированных сигнификаторов Ёзи зафиксировал в формуле, взятой из последней книги Шпенглера "Час решения" ("*Jahre der Entscheidung*"), написанной до, но опубликованной вскоре после прихода Гитлера к власти. предисловии к этой книге - которое Ёзи в остальном обходит стороной, но к которому мы вернемся ниже - Шпенглер пишет: "То, что мы имеем в нашей крови по наследству - а именно

Бессловесные идеи - это единственное, что придает постоянство нашему будущему ."⁴Джеси утверждает, что культурные деятели радикальных и фашистских правых

В их распоряжении настоящий литературный язык, подходящий для "идей без слов". Это был не изобретенный ими язык. Это был язык, созданный в лоне буржуазной культуры, созревший в ходе отношений с прошлым, которые эта культура выстраивала, и

Готов к использованию.⁵

Тезис Джеси заключен в следующей формулировке:

Язык идей без слов доминирует в том, что сегодня печатается и говорится, а его печатные и устные акцепты - в которых повторяются те слова, которые были одухотворены настолько, что могут служить проводниками идей, требующих не-слов, - можно найти и в культуре тех, кто не хочет быть правым, то есть тех, кто должен прибегать к словам, которые достаточно "материальны", чтобы быть проводниками идей, требующих слов. Это связано с тем, что большая часть нашего культурного наследия, даже из тех

которые ни в коем случае не хотят быть правыми, - это культурный остаток правых.⁶

Несмотря на то, что правая культура погрязла в пустых клише и бессодержательных маркерах принадлежности, является для Джеси на этом лингвистическом уровне *формально эзотерической*, поскольку опирается на "морфологический и синтаксический скелет идей, которые вступают в шаткие, временные и приблизительные отношения со словами" .⁷Преимственность, лежащая в основе правой культуры, и его распространение через большую часть *soi-disant left*, не является, по мнению Джеси, преимуществом слов, а диктуется

выбор языка *идей без слов*, предполагающего, что можно по-настоящему говорить - то есть говорить и в то же время скрываться в тайной сфере символа, - обходясь без слов, а лучше не слишком заботясь о символах, столь же скромных, как и слова, если только это не дежурные фразы, лозунги. Отсюда и невозмутимость в стереотипов, клише, повторяющихся формул; дело не только в культурном обеднении, в объективно ограниченном словарном запасе в силу невежества: используемый язык - это, прежде всего, *язык идей без слов*, и он может довольствоваться немногими терминами или синтагмами: важна замкнутая циркуляция "тайны" - мифов и ритуалов, - которой говорящий делится со слушателями, и

то, что всех участников собрания или коллектива.⁸

Религия смерти

За год до выхода "*Культуры*" Йези опубликовал исправленное издание перевода "*Упадка Запада*" Шпенглера, сделанного Эволой в 1957 году, над которым он сотрудничал с коллегами из Университета Палермо (его первая научная должность, после того как он работал в основном в издательстве). Его введение, исключенное из последующих изданий, подверглось резкой критике со стороны тех, кто

ошибочно рассматривали ее как своего рода лукашианскую полемику в духе "*Разрушения разума*" венгерского философа, а не как блестящее и политически насыщенное филологическое исследование, которым она и является. В ней Йези исследует связь поэтики и мифологии в Мюнхене начала XX века - где Шпенглер написал "*Упадок*" и жил с 1911 года до своей смерти в 1936 году - и ее формирующее влияние на историко-философское внимание немецкого мыслителя к "ритмам времени тайного, отмеченного

сезоны мифа".⁹ Йези выявил в дебатах вокруг работ юриста, мифолога и автора "*Материнского права*" Иоганна Якоба Бахофена некоторые источники присвоения Шпенглером ключевой темы в поэтике "тайной Германии" и в культуре правых в целом, а именно *religio mortis*, религии смерти.⁽¹⁰⁾

Как писал Йези: "Бахофен Шпенглера был знатоком погребальных символов религии смерти, к которой принадлежали герои, но герои побежденные... власть, находящаяся в постоянном взаимодействии с поражением".¹¹ Йези утверждал, что понятие "культурных кругов" (*Kulturkreise*) и

Времена года парабиологического становления культур являются для Шпенглера схемами восприятия истории, в центре которой находится опыт смерти и поражения. Культура осознает себя в момент, когда она саморазрушается или когда ее уничтожает

сила, которая содержит в себе зародыш своего собственного исчезновения.¹²

Пессимизм Шпенглера "основывает свое ораторское красноречие и свою ясновидения на амбициях чистого пророчества в амбициях *religio mortis*".¹³ В этом идеологическом горизонте поражение преобразуется в таинство политической религии смерти. Нигде символика поражения не проявляется так ярко, как в заключительных строках "*Человека*" 1931 года и "*Техника*", где, предсказав неизбежное преодоление "фаустовской" белой цивилизации цветной мировой революцией, Шпенглер заявляет:

Мы рождаемся в это время и должны смело идти по этому пути до предначертанного конца. Другого пути нет. Наш долг - держаться потерянной позиции, без надежды, без спасения, как тот римский солдат, чьи кости были найдены дверью в Помпеях, который время извержения Везувия умер на своем посту, потому что его забыли освободить. Это и есть величие. Вот что значит быть чистокровным. Достойный конец - это единственное, что нельзя отнять у человека.¹⁴

Тема литературной, мифологической и политической "религии смерти" лежит в основе анатомии правой культуры Джеси. Она уже

Она занимала внимание Джеси в его "*Секретной Германии*" и многочисленных работах о Томасе Манне, и она же была центральной в его критическом взаимодействии с поэтом и романистом Чезаре Павезе, который в качестве соредатора вместе с философом и этнологом Эрнесто Де Мартино, знаменитого сборника Эйнауди "*Collana viola*" ("Сборник религиозных, этнологических и психологических исследований"), заказал и курировал переводы Крени, Элиаде, Фробениуса, Юнга, Леви-Брюля и других, которые окажут огромное влияние на критические дискуссии о мифологии в послевоенную эпоху в Италии. Задолго до публикации страниц из его секретных записных книжек военного времени, раскрывших Павезе, открытого очарованию фашистских мотивов, Йези разглядел в пьемонтском писателе - чье присоединение к Итальянской коммунистической партии в 1945 году стало не последним культурным переворотом РСІ - эффект *religio mortis*, питаемого немецкой поэзией и литературой начала XX века.

века⁽¹⁵⁾ Действительно, если Павезе был склонен представлять свои этнологические влияния как просвещенную проверку темных сил мифа, то Йези в них отпечаток того литературного манипулирования мифологическими материалами, которым была отмечена поэтическая и интеллектуальная плеяда "тайной Германии". Как программно заявил Йези в 1964 году в своем эссе "Павезе, миф и наука о мифе":

Тайная Германия: не кажется опрометчивым определять ее как религию смерти, которая была вдвойне "тайной" - и потому, что исходила из сокровенной "тайны" поэтов, и потому, что она вечно маскировалась под защиту сознания, за исключением, пожалуй, Рильке. "Публичная", а не "тайная" Германия продемонстрировала с помощью нацистской идеологии свою попытку присвоить это тайное течение и превратить его в социальную и народную реальность, лишив его статуса собственности несомненно "аристократических" кругов, в которых оно до сих пор обитало. Отвращение Кереньи и Манна, столкнувшихся с демонстрациями нацистской молодежи, свидетельствует о враждебности, возникшей между "публичной" и "тайной" Германией, когда первая захотела завладеть второй.¹⁶

Джеси критически относился к маскировке (*mascherature*), которую религия смерти получила от рук таких фигур, как Манн и Кереньи, никогда не сомневаясь при этом в подлинности их антифашизма. Точно так же он видел в попытке Павезе писать и жить трагически и в его конечном самоубийстве особое отражение *religio mortis*, основанное на безвозвратной потере *живого, коллективного* мифа, который теперь деконсеквентен и сведен к личным мифологиям детства, что приводит к неспособности сохранить историческое время через ритуальную технику древнего фестиваля - где последний, *la festa*, понимается как плотский, воплощенный форум для опыта мифа. Неспособность к

Фаустианские компромиссы" и ловкие мистификации, позволившие Манну создать богатые мифологические гобелены в таких произведениях, как "*Иосиф и его братья*", в романах Павезе могли изображаться лишь блеклые образы невозможного теперь праздника, симулякры инициации, в мире, где знаковые слова были лишены магико-религиозной силы, а его собственная личная и поэтическая траектория имела в качестве "динамической нормы ... замену мифа о Фестиваль с мифом о жертвенности" ¹⁷. Коммунизм Павезе, которым также доминировали темы долга, жертвенности и вины (не в последнюю очередь из-за его собственного недостаточного участия в военных действиях, уклонения от участия в Сопротивлении), также можно рассматривать как омраченный такой *religio mortis*.

Но если Павезе стремился создать поэтику, которая была бы "моральной теорией необходимости действовать и жить, даже если город деконсеквентен и священные сокровища сельской местности больше не доступны", , в которой связь *этоса* и *мифоса* принимала форму человеческой жертвы (фигуральной и личной) в конце профанического фестиваля, то правая культура, анатомированная в книге Джеси 1979 года, могла бы развлекаться гораздо менее трагичным и гораздо более инструментальным отношением к тайному, хотя и пустому сердцу мифологического машина⁽¹⁸⁾

Победа через смерть

Первое из двух эссе, составляющих книгу *Cultura di destra*, - "Правая культура и культура смерти" - является ярким примером "знания по композиции", определяющего филологическое искусство Йези. Начав с оценки потребления "духовной роскоши", проявляющейся в манипулировании "вечными и метаморфическими ценностями" неопределенного прошлого в журнале о дизайне в стиле югендстиль, Йези переходит к размышлениям Фробениуса о немецкой науке, расовых основах примитивизма, погребальной символике, фигуре Джека-потрошителя трудах Фрэнка Ведекинда и Алейстера Кроули, а также Э. Т. А. Гофмана "*Вампир*" как аллегорически-пророческий текст о немецком нацизме. Он также комментирует потерю центра, характерную для монументальной сценографии и архитектуры нацизма, понимаемой как "защитные ритуалы "основания"", и паническую юдофобию, лежащую в основе нацистского режима, включая оккультные и этнологические исследования гиммлеровского *Ahnenerbe* - исследовательского института СС по изучению "наследия предков", в которых Йези увидел "мифологию убийства и убийства как процедуры ускорения и

наступление основания нового царства, нового закона, нового человека". Отмечая в нацизме черты буржуазного инструментария и капиталистического господства, Йези не уклоняется от серьезного отношения к идее нацистской эзотерики, проистекающей из истребительно-жертвенного ядра правой *religio mortis*. Если смотреть с этой точки зрения, то "религия и мифология смерти - это защитная и трагическая - но не отчаянная - реакция тех, кто, подобно героям нацистской власти и ритуализма, чувствует себя покинутым, осажденным, "отравленным" противниками, которые, в свою очередь, провозглашают себя выбрать'.¹⁹

Но самые язвительные слова Йези о *religio mortis* правых взяты не из нацизма или итальянского фашизма - с его мелкобуржуазной холодностью и цинизмом по отношению к мифологии, с его "поверхностным мистицизмом смерти", скрывающим "заинтересованный оптимистический и виталистский цинизм", - а из испанской Фаланги и румынской Железной гвардии d.²⁰ Именно со ссылкой на В последнем случае Йези рассматривает связь мифа, смерти и политики в работах Мирчи Элиаде, чью книгу редактировал Йога Йези, потрясенный тем, что он, Элиаде, воспринял как "вероломное нападение" молодого итальянского ученого.⁽²¹⁾ По сравнению с нищетой франкистского призыва "*Abajo la inteligencia! Viva la muerte!*" (долой интеллект, да здравствует смерть).

Выкрикнутый генералом Хосе Миллан-Астраем против Мигеля де Унамуну в aula magna университета Саламанки в 1936 году, румынская "Железная гвардия" и ее интеллектуальные помощники могли похвастаться гораздо более крепким варевом, в котором смешались ортодоксальное христианство, нехристианская эзотерика, ссылки на "орфизм" древней Фракии, расистская и теллурическая антропология подлинного румынского человека, антисемитизм и антизападничество.

Но особое внимание Йези уделяет траурному эротизму версии Элиаде румынской баллады о мастере Маноле - истории о каменщике, замуровать собственную жену, чтобы завершить строительство. Йези отмечает недавно раскрытое фашистское прошлое Элиаде, его труды об искуплении этнической массы в "легионерской революции" Железной гвардии, его траур по ее лидеру Корнелиу Зелеа Кодряну, его работу в качестве атташе по культуре в Лиссабоне в правительстве, депортировавшем тысячи евреев, а также "открытие Элиаде неевропейского человека и его духовной вселенной", которое для Йези не было противоядием от расового фашизма. Но главное доказательство Джеси лежит в той изысканно-жертвенной логике *победы через смерть* (*vincere morendo*), которую он обнаруживает в ядре правой культуры и которая превращает легенду о масоне Маноле в "настоящий *иерос логос* [священное слово] этого

религия смерти". Это "идеология" , общая для многочисленных мифов о жертвоприношении, которую сам Элиаде сформулировал следующим образом:

Для того, чтобы быть построенным (дом, техническое сооружение, но также духовное начинание), оно должно быть одушевлено, то есть должно получить жизнь и душу. Передача души возможна только через жертвоприношение, иначе говоря, через насильственную смерть. Можно даже сказать, что жертва продолжает свое существование после смерти, но уже не в своем физическом теле, а в новом теле - конструкции, - которое она "оживила" своим замуровыванием; можно даже говорить об "архитектурном теле", плотское тело. Ритуальная передача жизни посредством жертвоприношения не ограничивается сооружениями (храмами, городами, мостами, домами) и утилитарными объектами: человеческие жертвы также умерщвляются, чтобы гарантировать успех какого-либо начинания или даже

историческое долголетие духовного предприятия.²²

Развивая в оригинальном и тревожном направлении идеи Хоркхаймера и Адорно о миметическом характере антисемитизма, Йези определяет "тайное послание" доктрины Элиаде - представление о том, что мифы и религии являются продуктом ухода Бога из этого мира, - как в конечном итоге основанное присвоении иудейской каббалистической доктрины. Последняя, в свою очередь, нашла свое наиболее интенсивное выражение в мессианских ересь Саббата Зевы и Якоба Франка, где подобно тому, как "Бог "уходит", чтобы могло творение, Мессия нарушает закон, чтобы прозреть".

новый закон может прийти" .²³Йези даже выявляет парадоксальное совпадение между мистическими автопортретами гонителей и гонимых, между темой победы через смерть в жертвенном праве и еврейской мессианской связью вины и проступка. Здесь кроется "трагизм состояния [Зевы, святого грешника]: закон, который он преступил, должен был быть

преступили ради нового закона нового царства" .²⁴После самоизгнания Бога и благодаря извращенному и скрытому присвоению этой эзотерической еврейской традиции в рассуждениях Элиаде о религиях жертвоприношения появляется фигура фашистского мученика, который решает принять на себя вину, чтобы ускорить наступление нового мира.

Эзотерический и эзотерический фашизм

Второе эссе в *Cultura di destra*, "Язык идей без слов", повторяет шпенглеровский мотив идей без слов, чтобы исследовать отношения между священным эзотерическим фашизмом и профаническим экзотерическим, при том понимании, что они не пересекаются распространенным в то время в Италии различием между респектабельным, "одетым" фашизмом и жестоким, плебейским. Здесь Джеси широко варьирует продукцию радикальных правых - от

В книге рассматриваются исследования европейских добровольцев СС и их связи с оккультной традицией тамплиеров и магов, предисловие Юлиуса Эвола к "*Протоколам сионских старейшин*", а также эротизация Муссолини в фашистских романах эпохи *Вентеннио*. Повторяя тему бесполезной задачи и мужественной апологии поражения, ссылаясь на неофашистские взрывы и убийства, Джеси заметил: "Мы ни в коем случае не можем исключить, что по крайней мере некоторые террористических актов последних лет были спроецированы как бесполезные задачи инструкторами и дидактами Традиции, которые вели за собой

неофитов поверить, что они сами по себе являются для них *полезными* заданиями.

²⁵Созвездие, в которое Джеси помещает связь между Традицией 1970-х гг.

и террора демонстрирует желание очертить неопределенную область бессловесных идей - охватывающую священное и профанное, эзотерическое и экзотерическое - в регионах, которые заставляют нас отказаться от утешений, которые могли бы возникнуть при рассмотрении правой культуры как исключительной монополии заклятых фашистов или нацистов. Оскверняющий монтаж нескольких симптоматических образцов языка идей без слов, сделанный Джеси, ставит Эволу - которого неофашистский политик Джорджо Альмиранте когда-то называл "нашим Маркузе" - в один ряд с тщательным анализом двух речей, посвященных национальному поэту

Джозуэ Кардуччи, доставленный дедом Джеси по материнской линии, Перси Чироне.⁽²⁶⁾ Затем следует блестящая едкая филология яркого продукта итальянской культурной индустрии XX века, Лиалы, автора бестселлеров с романтическими фельетонами (и соратника поэта и предшественника фашизма Габриэле Д'Аннунцио), и едкий переход к журналистскому профилю генерального директора Ferrari и аристократа Луки Кордеро ди Монтедземоло. Что объединяет такие, казалось бы, разнородные фигуры? Определенное лингвистическое использование прошлого, которое вращается вокруг обозначений духовной и материальной "роскоши", одновременно относящихся к элите и предназначенных для общего потребления. Этот язык пронизан актами преданности фетишу одухотворенной собственности, включая типично фашистскую спиритуализацию самой промышленности - эстетизацию экономики, которая упорно отрицает безличность и автоматизм капитала. Но она также вращается вокруг драгоценных символов, роскошных фетишей правых: "Грааль, символические цветы, зодиак, свастика, пещера, лабиринт, радуга и т.д." ²⁷

Несмотря на различие жанров (метаполитические трактаты для посвященных, панегирики, литература массового спроса) и обращение к разным аудиториям (адепты традиции, патриоты или масоны, мелкобуржуазные домохозяйки), все тексты, рассмотренные Джеси, фиксируют "идеологическую потребность сгладить

различия, которые история представляет в прошлом, и манипулировать компактной, единой и по существу недифференцированной ценностью" - ценностью, которая в речах деда Джеси циркулирует через такие бессодержательные и протофашистские формулы, как "мужественный облик", "мужественная гордость" и "судьбоносные исторические моменты".²⁸ Ценность здесь обозначает военную доблесть, а также ценность "ценных вещей". Язык права действует как предмет роскоши, но так же действует и его недифференцированный, сакрализированный, пустой образ хорошей, желанной смерти. Именно дедифференциация прошлого как ценности ему так легко циркулировать в настоящем. Это язык, опирающийся на весь унаследованный культурный аппарат, который "технизирован" и "превращен в Культурный фетиш, сакральное и экзотерическое."²⁹ Элементы культуры как бы гомогенизируются: в этой каше, этом детском питании, которое объявляется ценным и одновременно удобоваримым проходных образованных классов, больше нет настоящих контрастов, граней, шипов или остриев.³⁰

Это идиома лирических общих мест, представленная как "образец ясности", понятный всем. Он перекликается с интимной, аффективной привлекательностью клишированной пустоты романов Лиалы, которые оперируют языком эффективным в той степени, какой он не поддается рациональному осмыслению, а, напротив, эмоциональному восприятию:

Если бы он действительно был понятен, он не обладал бы такой магической силой, он заставлял бы думать, а значит, трудиться, и заставлял бы упражняться в способности понимать происходящее. Язык Лиалы *понятен* не всем ее читателям; но для всех ее читателей он является фетишем, который служит для получения удовольствия, и особенно удовольствия, проистекающего из уменьшения усталости, возникающей при размышлении.³¹

Язык правых провозглашает ясность, но замалчивает неясное, маскирует свое отвращение к истории под поклонение славному пустому прошлому, а "свою поистине трупоподобную неподвижность выдает за вечную живую силу".³²

Беспричинная жестокость

В негласном диалоге, несомненно, с критикой Вальтером Бенямином фашистской эстетизации политики, заключительный раздел исследования правой культуры Джеси посвящает параллельному прочтению двух великих парафашистских писателей, Габриэле Д'Аннунцио и Луиджи Пиранделло. В центре внимания - тема "жестокости бесполезного жеста", уже прозвучавшая при рассмотрении неофашистской культуры. Джеси представляет Д'Аннунцио, в отличие от его легионов

последователей, как несколько лиминальная, даже трагическая фигура, которая, будучи мастером в технизации мифологического материала, кажется, понимает, несмотря на себя, что прошлым мифа нельзя манипулировать по своему усмотрению. Несмотря на его политическую гистрионность, "помимо недифференцированного прошлого, которым он постоянно манипулировал, [Д'Аннунцио] столкнулся с прошлым, состоящим из

отчетливо дифференцированные ипостаси, утраченное прошлое".³³ Эта тональность безвозвратной потери, метафизического и метаисторического поражения - уже отмеченная во введении Джеси к Шпенглеру и неофашистской эзотерике Эволы и его эпигонов - характеризует бесполезную задачу, правый брак пессимизма и активизма. Это поза, гарантированная ссылкой на гомогенизированное прошлое и кристаллизованная как практика жестокости. Как отмечает Джеси:

Всей духовной роскоши правой культуры соответствует жестокость общественного и частного, социального и семейного поведения. Это нисколько не кажется беспричинным ее апологетам, пока последние довольны недифференцированным прошлым, с которым они фабрикуют фетиши мужественности, героической силы, самопожертвования до смерти, дисциплины, иерархии, отечества и семьи, чтобы защищать их как свое железное достояние, и они верят, что муштра, которой они манипулируют

действительно является вечным настоящим жизни (истинным атемпоральным прошлым, а значит, и истинным настоящим).³⁴

Это основа, или, лучше сказать, *стиль*, который характерен, например, для Д'Аннунцио и "сакрального и эзотерического фашизма", вращающегося вокруг Эволы. Это стиль победы через смерть, убийственного самосожжения, болезненного, жертвенного "героизма", которым, как отмечает Джеси, можно манипулировать в глубоко экзотерических целях, о чем свидетельствует та роль, которую играет это "священное право" в "стратегии напряженности" итальянского глубинного государства. Бесполезные задачи для полезных идиотов. Но общность - это не однородность; филологическая способность Джеси различать модальности правой культуры, языка и поэтики - один из его величайших уроков для нас, как мы видим, например, в его клинической дифференциации брутализирующей эстетики бесполезного задания у Д'Аннунцио и Пиранделло. Если у Д'Аннунцио это дидактическая мистификация, окрашенная трагизмом и ориентированная на будущие космические откровения, то "у Пиранделло - бесполезная жестокость без мистификации, ибо жестокость, ставшая бесполезной, нигилистической и глубоко экзотерической из-за утраты всякого смысла".

коллективного прошлого, а значит, и любого будущего".³⁵ Еще одно доказательство, если бы оно было необходимо, , что фашистское насилие не коррелирует ни со священным, ни с профанным, и что *religio mortis* может иметь эстетико-политическую жизнь даже после гибели религии.

Страх перед черной планетой

Хотя он писал в радикально иной, чем наша, я не думаю, что объяснять, почему размышления Йези о связи между эстетикой бесполезной задачи, *religio mortis* и языком идей без слов могут стать инструментом, с помощью которого можно осмыслить наше собственное настоящее - тот гротескный жанр, который представляет собой пролинованный и жалеющий себя плагиат.

Манифест одинокого мужчины-расиста, устроившего массовый расстрел, может быть достаточным свидетельством⁽³⁶⁾ Но я хотел бы завершить эту главу в несколько ином ключе, еще немного задержавшись на бессловесных идеях Шпенглера.

На самом деле Джеси мало что говорит о книге, из которой была взята эта формулировка. Позвольте мне обратиться к анонимной рецензии на оригинальное издание "*Часа решения*", опубликованной в журнале *Il Popolo d'Italia* в декабре 1933 года. Рецензент довольно точно резюмирует тезисы книги следующим образом:

Что миру угрожают две революции: белая и цветная. Белая революция "социальная", она является катастрофическим результатом краха цивилизации XVIII века и наступления господства масс, особенно тех, что скопились - бездушные и безликие - в больших городах; этот процесс произошел в XIX веке под знаком либерализма, демократии, всеобщего избирательного права и того, что во всем мире известно как демагогия. Другая революция - это революция цветных народов, которые, будучи более плодовитыми, чем представители белой расы, в конечном итоге одержат над ней верх. Поэтому перед нами, европейцами двадцатого века, стоит вопрос: Что делать? Шпенглер не дает четкого ответа на этот мучительный вопрос.

Рецензентом был Бенито Муссолини, основавший в 1914 году интервенционистскую газету *Il Popolo d'Italia*. Анонимность давала ему право цитировать те хвалебные отрывки, которыми немецкий революционно-консервативный мыслитель осыпал свое собственное руководство, олицетворяя тот "цезаризм", который Шпенглер еще в "*Упадке*" объявил единственной политической формой, способной придать форму бесформенному, угасающему миру поздней "цивилизации" (в отличие от "культуры", в этой ключевой для революционно-консервативной мысли диаде). Возможно, более примечательным с точки зрения идеологических расхождений внутри правых было подчеркивание Муссолини несовместимости шпенглеровского понятия расы с тем "вульгарным, дарвинистским или материалистическим духом, который сегодня в моде у антисемитов в Европе и Америке" - явный выпад против нового немецкого режима, чью геноцидную политику он повторит пять лет спустя, обнародовав Расовые законы и найдя общую программу для всемирной белой контрреволюции.

Это была не первая заметная точка соприкосновения между Шпенглером и Муссолини. В 1928 году оба они написали предисловия к итальянскому переводу книги молодого демографа и ученика Шпенглера Ричарда Корхера: *Regression of Births - Death of Peoples*.⁽³⁷⁾ Муссолини обратился к Корхеру через итальянское консульство после прочтения его работы на немецком языке.

Предисловие Муссолини, хотя и бьет Корхера по костяшкам пальцев за неточности в демографии Италии и повторяет мрачные пророчества Шпенглера о влиянии интеллектуализированной мегаполисной жизни на биополитическое здоровье наций, примечательно тем, что в нем центральное место надвигающейся угрозе, исходящей от "темных наций".⁽³⁸⁾ Предвещающая современный дискурс о

"Великое замещение" и "белый геноцид" - со всеми жестокими и бесполезными задачами, которые они вдохновляют, - Муссолини невероятным образом ставит в центр своих предупреждений о демографическом коллапсе белой Европы и "плодовитых расах", стоящих у его порога, пример "ультраплодовитого" афроамериканского населения США.⁽³⁹⁾ Он приводит в пример беспорядки в Гарлеме в июле 1927 года,

"едва утихли" после ночных жестоких столкновений полиции, которая столкнулась с "компактными массами негров".⁽⁴⁰⁾ Книга Корхера *"Денатализм: A Warning to the German People"* (*"Предупреждение немецкому народу"*), прогнозирувавшая вымирание белого населения основе статистических данных Древнего Рима и Греции, была предисловием Генриха Гиммлера.⁽⁴¹⁾ В 1943 году, будучи главным инспектором статистического бюро СС, он представил Гиммлеру доклад под названием *"Окончательное решение еврейского вопроса"*, подсчитав для своего начальника сокращение еврейского населения на контролируемых нацистами территориях к настоящему времени.

По мере того как *"Час решения"* делает патент, бессловесные идеи, которые находят свое

Нерациональные причины в ностальгически-аристократическом представлении Шпенглера о расе (как поголовье, размножении, превосходстве) неотделимы от всепоглощающего, если не всегда безымянного, страха перед тем, что идеолог белого супрематизма Лотроп Стоддард - важная ссылка в книге Шпенглера - назвал *"Цветным приливом"*, в явной реакции на прогнозы Дю Буа в *"Африканских корнях войны"* о *"войне за цветную линию"*. Как следует из текста Шпенглера 1933 года, раса, и особенно туманная и всепоглощающая идея белизны, - это квинтэссенция *"идеи без слов"*, пульсирующая пустота в сердце мифологической машины правых.

7

Соборы эротического мизера^{у(1)}

Некоторые люди говорят нам: то, чем я занимаюсь, никого не касается, это мое дело, моя личная жизнь. Нет: все, что связано с сексуальностью, не является частным делом, а означает жизнь или смерть народа, мировое могущество или ничтожество.

- Генрих Гиммлер, свадебная речь^{h(2)}

Самая насущная задача стального человека - преследовать, запрудить и подчинить себе любую силу, которая угрожает превратить его обратно в ужасно беспорядочное нагромождение плоти, волос, кожи, костей, кишок и чувств, называющее себя человеком.

- Клаус Тевелейт, *Мужские фантазии, том 2 - Мужские тела: Психоанализ белого Террор*

Эротика власти

В разных местах этой книги я призывал обратиться к дебатам о "новом фашизме" конца 1960-х и 1970-х годов, чтобы осветить наше собственное политическое и теоретическое затруднительное положение. Это, пожалуй, еще более важно при рассмотрении сексуальной (после)жизни фашизма, поскольку культурные революции и освободительные движения 1960-х годов не только негативно конституировали новые фашизмы и антифашизмы своего времени, но и остаются важнейшим компонентом собственных мастер-нарративов ультраправых - где "гендерная идеология" является для Стоунволлских бунтов тем же, чем "критическая расовая теория" для Black Power, именно мейнстримом, поддерживаемым элитой глобальной стратегии по уничтожению семьи, традиции и (белого) Запада. Планетарная моральная паника вокруг трансгендерности присоединилась к расистским нарративам

миграции как этнического замещения источнике фашистской энергии⁽³⁾ Как я утверждаю в этой главе, теоретизирование противоречивых сплетений фашизма и эроса важно само по себе, но оно особенно актуально сегодня, когда международные сети реакции объединяются вокруг угрозы, исходящей от гендерного несоответствия, и подделка сексуальных и гендерных кризисов позволяет наложить геополитический и цивилизационный образ на тело в его самом материальном, но и самом символическом виде.

Выступая на конференции "Шизокультура" в Нью-Йорке в 1975 году, Мишель Фуко сформулировал задачу осмысления фашизма после 1960-х годов в следующих выражениях:

Я думаю, что то, что произошло с 1960 года, характеризуется появлением новых форм фашизма, новых форм фашистского сознания, новых форм описания фашизма и новых форм борьбы с фашизмом. И роль интеллектуала, начиная с шестидесятых годов, заключается именно в том, чтобы с точки зрения своего собственного опыта, компетентности, личного выбора, желания - позиционировать себя таким образом, чтобы сделать очевидными формы фашизма, которые, к сожалению, не признаются или слишком легко переносятся, описать их, попытаться сделать их нетерпимым, и определить конкретную форму борьбы, которая может быть предпринята против фашизма.⁴

Как и Джордж Джексон, чье убийство ранее стало темой памфлета Группы информации о тюрьмах, вдохновленной Фуко, на конференции "Шизокультура" французский философ поставил в центр внимания карцеральное и карательное общество в своих исследованиях новых форм фашизма.⁽⁵⁾ На той же панели Р. Д. Лаинг говорил о политическом использовании транквилизаторов как "наркотиков обусловленности", а активистка тюремного движения Weather Underground Джуди Кларк представила подробный отчет о так называемой "модификации поведения", а именно о "физическом и психологическом терроре против людей, которые организуют внутри [тюрем] и восстают против условий содержания".⁶ Сам Фуко подробно остановился на роли врачей в наблюдении за пытками в рамках

военная диктатура в Бразилии.

Но развитие органов, позволяющих различать непризнанные и терпимые варианты фашизма, делать их одновременно ощутимыми и нетерпимыми, означало также борьбу со зрелищной и сексуализированной видимостью определенного фашизма в культуре 70-х годов. В частности, кинематограф стал местом для фантазматического возвращения фашизма как сексуального феномена в широко обсуждаемых произведениях, от *"Ночного портье"* Лилианы Кавани до *"Сало"* Пьера Паоло Пазолини, от *"Салона Китти"* Тинто Брасса до множества фильмов в стиле *Nazisploitation*. Именно в двух интервью французским киножурналам в середине 1970-х годов Фуко сделал некоторые из своих самых наводящих и язвительных комментариев по поводу

Нацизм и фашизм. Его замечания открывают направления исследований, которые во многом выходят за рамки "биополитики", что позволило ему в первом томе *"Истории сексуальности"* проследить преемственность между благосостоянием и геноцидом как взаимосвязанными полюсами политики популяций - в терминах, которые по-прежнему оказывают глубокое влияние на современные теоретические дебаты.

Столкнувшись с фантазмагорическим слиянием в популярной культуре чрезмерной сексуальности и нацизма, Фуко первым делом склоняется к провокационной деэротизации фашизма. Как он говорит своему интервьюеру:

Нацизм был придуман не великими эротическими безумцами двадцатого века, а самыми зловещими, скучными и отвратительными мещанами, которых только можно себе представить. Гиммлер был смутным сельскохозяйственным типом и женился на медсестре. Мы должны понимать, что концентрационные лагеря родились в результате слияния воображения медсестры и фермера, выращивающего кур. Больница плюс курятник - вот призрачная основа концентрационных лагерей. Там были убиты миллионы людей, и я говорю это не того, чтобы уменьшить вину тех, кто за это отвечает, а именно для того, чтобы разубедить тех, кто хочет навязать им эротические ценности. Нацисты были чаровниками в плохом смысле этого слова. Они работали с метлами и метелками, желая очистить общество от всего, что они считали антисанитарным, пыльным, грязным: сифилитиков, гомосексуалистов, евреев, людей нечистой крови, негров, сумасшедших. Это грязная мелкобуржуазная мечта о расовой гигиене, которая лежит в основе нацистской мечты. Эрос отсутствует.⁷

Либидинальная эстетизация нацизма, проходящая через кинематограф и популярную культуру 1970-х (вспомним печально известное интервью Дэвида Боуи для *Playboy* 1976 года с его комментариями о Гитлере как о рок-звезде, "не уступающей Джаггеру", или свастики, которые выставляли напоказ Сиукси Сиу и Сид Вишес), для Фуко является симптомом неизменного, хотя и анахроничного влечения к эротизму, свойственному дисциплинарному обществу - "регламентированному, анатомическому, иерархическому обществу, время которого тщательно распределено, пространства разделены, характеризуются послушанием и наблюдением". Имя этому дисциплинарному эросу - Сад, но, возражает Фуко: "Он нас утомляет. Он дисциплинирует, он сержант секса", бухгалтер задницы и ее эквивалентов.⁸

Если после 1968 года проблема, как намекнул Фуко в предисловии к англоязычному переводу *"Анти-Эдипа"*, заключалась в том, чтобы наметить этические протоколы для "нефашистской жизни", то для этого также требовалось забыть Сада и гнусные фантазии о контроле, на которые указывало его имя. Как повелевает Фуко: "Мы должны изобрести для тела, с его элементами, поверхностями, объемами и толщинами, недисциплинарный эротизм: тело в изменчивом и рассеянном состоянии, с его случайными встречами и незапланированными

удовольствия.⁹ Или, цитируя недавнее приглашение Джорди Розенберга: "Если нацисты танцуют всю ночь, то наше сопротивление требует чего-то иного, чем логика;

И что-то другое, нежели культурное цоканье или бешеные всплески паники, вращающей колеса. Нам нужно желание - этот грязный, иногда нежный, саморазрушающийся спуск на изнанку разума ."¹⁰ Экспериментальное изобретение других, недисциплинированных удовольствий - это обратная сторона диагноза новых, неочевидных форм фашизма, которые избегают явно политических или исторически узнаваемых

личины. Хотя конечном счете предпочитает регистр этики удовольствий психоанализу желаний, Фуко, как и Делез и Гваттари, был озабочен тем, что он называл "фашизмом в нас всех, в наших головах и повседневном поведении, фашизмом, который заставляет нас любить власть, желать того, что господствует и эксплуатирует" .¹¹ В дебатах о "новом фашизме" в

В 1960-е и 1970-е годы этот повседневный, бессознательный, интимный фашизм приобрел значительную известность, и не в последнюю очередь, как следует из предисловия Фуко и критики левых группировок Делезом и Гваттари, в качестве (само)критики авторитарных отношений внутри якобы революционных коллективов.⁽¹²⁾ Именно так мы находим его и среди черных феминисток в Соединенных Штатах. Робин Келли

приводит следующий отрывок раздела "Восстание черных женщин" в написанной коллективно в 1973 году книге *"Уроки проклятых"*: "Внутри семей и внутри нас мы нашли семена фашизма, которые традиционные левые не хотят видеть. Фашизм не был для нас большой и пугающей проблемой. Это была наша повседневная жизнь" ."¹³

Новые формы фашизма, о которых говорил Фуко, несводимые к повторению организационных моделей и символов межвоенного периода, требовали микрофизики власти. В отличие от массовости своих "тоталитарных" предшественников, эти новые штаммы нацистской "коричневой чумы" были "микрофашизмами", которые, чтобы быть правильно диагностированными и дезактивированными, требовали анализа новых форм капиталистического накопления и субъективации. Как заметил Феликс Гваттари:

Капитализм мобилизует все, чтобы остановить распространение и актуализацию бессознательных потенциалов. Другими словами, антагонизм, на который указывает Фрейд, между инвестициями желания и инвестициями суперэго, не имеет отношения к теме, ни к динамике, но к политике и микрополитике. Именно здесь начинается молекулярная революция: вы фашист или революционер в первую очередь с самим собой, на уровне вашего суперэго, в отношении вашего тела, ваших эмоций, вашего мужа, вашей жены, ваших детей, ваших коллег, в вашем отношении к правосудию и государству. Существует континуум между этими "доличностными" областями и инфраструктурами и стратами, которые "превосходят" индивида.¹⁴

Формула Гваттари перекликается с процитированным выше призывом Фуко сделать обнаруживаемыми и нетерпимыми латентные и терпимые формы фашизма

которые скрываются за социальным порогом признания. Это также говорит о цели многих послевоенных исследований психической жизни власти при капитализме, начиная с *"Авторитарной личности"* и далее, а именно создании политической профилактики, которая предотвратила бы кристаллизацию новых макроформ фашизма из их в основном незамеченного существования социальном теле. Как заявляет Гваттари: "Необходимо найти микрофашистские элементы во всех наших отношениях с другими, потому что, когда мы будем бороться на молекулярном уровне, у нас будет гораздо больше шансов предотвратить действительно фашистскую, макрофашистскую форму".

формирование на молярном уровне ."¹⁵Отсюда предложение, что организованные военные и партийно-политические формы классического антифашизма должны быть заменены "микрполитической антифашистской борьбой", которая требует новых клинических и критических форм бдительности, выходящих за рамки только распознавания фашизма, когда он шествует в своих болезненных регалиях.⁽¹⁶⁾Как предупреждает Гваттари:

Мы должны раз и навсегда отказаться от быстрой и легкой формулы: "Фашизм не повторится". Фашизм уже "сделал это", и он продолжает "делать это". Он проходит сквозь самую плотную сетку; он находится в постоянной эволюции, в той мере, в он участвует в микрполитической экономике желания, которая сама по себе неотделима от эволюции производительных сил. Фашизм, кажется, приходит

извне, но находит свою энергию в самом сердце каждого человека.¹⁷

В контексте своего влиятельного диалога с Фуко *"Интеллектуалы и власть"* Делез решительно повторил методологический принцип, согласно которому материалистическое власти, особенно ее фашистских совокупностей, не может ограничиваться измерением интересов, в которое ее загоняют все , от теоретиков рационального выбора до традиционных марксистов, но должно быть направлено на "инвестиции желания, которые функционируют более глубоким и диффузным образом, чем диктуют наши интересы". Либидинальный политический материализм должен быть нацелен на артикуляцию желаний и интересов, поскольку, как замечает Делез:

Мы никогда не желаем вопреки нашим интересам, потому что интерес всегда следует за желанием и находит себя там, куда его направило желание. Мы не можем игнорировать крик Вильгельма Райха: массы не были обмануты; в определенное время они действительно хотели фашистского режима! Существуют инвестиции желания, которые формируют и распределяют властью ее собственностью полицейского в той же мере, что и премьер-министра; в этом контексте нет качественной разницы между властью, которой обладают полицейский и премьер-министр. Природа этих инвестиций желания в социальной группе объясняет, почему политические партии или профсоюзы, которые могли бы или должны были бы иметь революционные инвестиции во имя классовых интересов, так часто ориентированы на реформы или абсолютно реакционны на уровне желания.¹⁸

Замечания Делеза о либидинальных инвестициях, которые лежат в основе полицейской и политической власти, стоит иметь в виду, размышляя о том, как Фуко подошел к связи между властью и Эросом в своих наблюдениях за сексом и нацизмом на экране.

Если первым шагом Фуко является развенчание призрачного представления о сексуально трансгрессивном, садистском фашизме, он также использует эти сексуализированные подделки памяти и смысла как повод для того, чтобы набросать рассказ об "эротическом заряде" власти. Маловероятность нацистского эротизма - это исторический и политический вопрос, который требует нашего внимания:

Как получилось, что нацизм, который представляли дряхлые, жалкие пуританские персонажи, смехотворные викторианские старые девы или, в лучшем случае, развратные личности, - как теперь он смог стать во Франции, в Германии, в Соединенных Штатах, во всей порнографической литературе по всему миру высшим символом эротизма? Каждая никудышная эротическая фантазия теперь приписывается нацизму. Что поднимает фундаментально серьезную проблему: как можно любить власть? ... Что приводит к тому, что власть становится желанной, а на самом деле - желанной? Легко увидеть процесс, в ходе которого эта эротизация передается, усиливается и т. д. Но чтобы эротизация сработала, необходимо, чтобы привязанность к власти, принятие власти теми, над кем она осуществляется, уже были эротическими.¹⁹

Нацистский секс-фильм предстает в таком случае как симптом современного краха эротической привязанности к власти ("Никто больше не любит власть.

...очевидно, что вы не можете быть влюблены в Брежнева, Помпиду или Никсона") и о начинающих попытках реэротизации власти, начиная с "порномагазинов с нацистскими знаками отличия" и заканчивая склонностью тогдашнего президента Франции Валери Жискара д'Эстена к стильным костюмам для отдыха.

Но Фуко также раскапывает источники эротического заряда власти в политической организации фашистского насилия, что, вероятно, выходит за рамки диалектики желания и интереса и проливает свет на то, что мы обсуждали в предыдущей главе под видом "фашистской свободы". Здесь полемика против марксистского отношения к фашизму опирается на утверждение (справедливое для Георгия Димитрова и его эпигонов, но не для Герена или Блоха), что их образ фашистского правления как обострения буржуазной диктатуры игнорирует важнейшие элементы ее состава и функционирования. В частности, Фуко утверждает:

При этом не учитывается, что нацизм и фашизм были возможны только в том случае, если в массах могла существовать относительно большая часть, которая брала на себя ответственность за выполнение ряда государственных функций по подавлению, контролю, охране порядка и т. д. В этом, на мой взгляд, заключается важнейшая особенность нацизма - в его глубоком проникновении в массы и в том, что часть власти была фактически делегирована определенной части масс. Именно здесь слово "диктатура

становится истинной в целом и относительно ложной. Когда вы думаете о том, какой властью мог обладать человек при нацистском режиме, как только он становился просто эсэсовцем или записывался в партию! Вы

может убить вашего соседа, украсть его жену, его дом⁽²⁰⁾

Как и в описании Иоганном Шапуто нацистских теорий управления как воспеания автономии исполнения и инициативы, в наблюдениях Фуко мы встречаем мощный вызов общепринятому мнению, что фашизм в основе своей определяется централизацией и концентрацией власти. Для Фуко эротизация власти при нацизме обусловлена логикой делегирования, депутирования и децентрализации того, что по форме и содержанию остается вертикальной, исключающей и убийственной властью. Фашизм - это не просто апофеоз вождя над овечьей массой его последователей; это также, в менее эффективной, но, возможно, более значимой манере, повторное изобретение поселенческой логики мелкого суверенитета, весьма условная, но очень реальная "либерализация" и "приватизация" монополии на насилие. Как Фуко своему интервьюеру:

Нужно помнить о том, как власть была делегирована, распределена самом сердце населения; нужно помнить об этой огромной передаче власти, которую нацизм осуществил в таком обществе, как Германия. Неправильно говорить, что нацизм - это власть великих промышленников, облеченная в другую форму. Это не просто усиленная центральная власть военных - это было именно так, но только на одном конкретном уровне... Нацизм никогда не давал людям никаких материальных преимуществ, он никогда не раздавал ничего, кроме власти... Дело в том, что в отличие от того, что обычно понимается под диктатурой - власти одного человека, - можно сказать, что при таком режиме самая отталкивающая (но в каком-то смысле и самая пьянящая) часть власти была отдана значительному числу людей. Эсэсовцы были теми, кто был наделен властью убивать, насиловать.²¹

Я бы сказал, что понимание Фуко "эротики" власти, основанной на депутировании насилия, является более плодотворной рамкой для анализа классического и позднего фашизма, чем гиперболическое утверждение Гваттари о том, что "массы вложили фантастический коллективный инстинкт смерти в ... фашистскую машину" - которое упускает из виду материальность этой "передачи власти" "специфическому краю масс", который Фуко диагностировал как критический для фашизма.

желательность⁽²²⁾

Гендеризация фашистского либидо в значительной степени игнорируется или неявно предполагается в аргументах Фуко, Делеза и Гваттари, которые мы только что рассмотрели. Отвечая на их теоретический вызов, но в значительной степени отбрасывая их внимание к политической экономике и властным структурам фашизма, Клаус Твелейт в своей книге *"Мужские фантазии"* ставит в центр внимания палингенетическую женоненавистничество и

параноидальную телесную политику фашизма - "Красную женщину" как психосоматическую угрозу распада, оправдывающую убийственную ярость, запруду потопа - чтобы понять, как желающее производство может превратиться в производство смерти.⁽²³⁾ В контексте сегодняшнего пагубного смешения фашизации с новыми группами братьев (*Männerbunde*), физическими или виртуальными, Твелейт вдохновил исследование современного микрофашизма как "войны восстановления", которая стремится возродить архаичную фантазию патриархальной власти, реализуя насильственные практики "автогенетического суверенитета" - воспроизводства мужской власти без женщин и против них.⁽²⁴⁾ Как утверждает Джек З. Братич: "Палингенетический проект мужского возрождения стремится к будущему без биорепродукции. Он населяет мир мучениками и мифами, призрачными отрядами прошлого и будущего. репликация без репродукции".⁽²⁵⁾ И все же, поскольку

Автогенетический суверен - это всегда невозможный проект, он нуждается в постоянном обновлении, и он возобновляет создание мира посредством полицейского контроля, наказания и управления... Мы сталкиваемся с двойным шагом автогенетического суверена: бегство от зависимости и одновременно возвращение к зависимости о женщинах.⁽²⁶⁾

К этой невозможности можно также подойти с точки зрения *разрыва* между источниками фашизма в мужских группах, связанных практиками и/или фантазиями насилия, одной стороны, и , с другой, фашизмом как проектом реконфигурации государства и общества, который неизбежно должен включать и интерпеллировать женщин по своему усмотрению.

Эмансипация от эмансипации: женщины и фашизм

Парижские теоретические дебаты 1970-х годов о новых формах фашизма не просто обошли стороной вопрос о женщинах, фашизме и желании. Итальянская журналистка, академик и депутат от коммунистов Мария Антониетта Маччиокки организовала семинар в Университете Париж VIII в Венсене с впечатляющим набором докладчиков, которые привнесли в историю и будущее фашизма политику и высокую теорию после 68-го года (среди них Никос Пуланцас о влиянии фашизма на народ, Жан Туссен Десанти о Джованни Джентиле и философских истоках фашизма, Жан-Пьер Фейе

о фашизме и языке).⁽²⁷⁾ На семинаре также были показаны фашистские и антифашистские фильмы, от антисемитской постановки Вейта Харлана "*Jud Süß*" до "*Ossessione*" Лукино Висконти, от "*Fascista*" Нико Нальдини до "*La Nave Bianca*" Роберто Росселлини. Он также стал поводом для идеологических

столкновения с маоистскими активистами из Groupe Foudre во главе с Наташей Мишель, которые рассматривали Маччиокки как проповедника реакционной теории сексофашизма, заслоняющей класс и капитал ради антимарксистских либидинальных рамок.⁽²⁸⁾ Маччиокки ряд материалов для семинара, самым значительным из которых было длинное эссе о "Женщины и фашизм", которая позже была опубликована на итальянском языке и часть которой вышла в английском переводе под названием "Женская сексуальность в фашистской идеологии".²⁹

Для Массиосчи, связь женщин и фашизма - женщин интерпелляция фашизмом, участие в нем и даже стремление к нему - стали своего рода феминистским табу, слепым пятном феминистского движения, которое было склонно относиться к женщинам так же, как *гаучистские* ультралевые относились к пролетариату: агиографически, как к некоему фетишу, не подлежащему осуждению.⁽³⁰⁾ Хотя ее анализ опирается на обширный архив текстовых материалов из фашистского

Маччоки также широко использовал теории Вильгельма Райха о либидинальной инфраструктуре фашистской власти. Секс в целом, и женская сексуальность в частности, были подвергнуты фашизмом согласованной стратегии экспроприации. Как заявил Маччиокки: "При фашизме сексуальность, как и богатство, принадлежит могущественной олигархии. Массы лишены и того, и другого".³¹

Фашистская массовая диктатура, вслед за Рейхом, рассматривалась как основанная на "огромной сексуальной репрессии, тесно связанной со смертью", а в итальянском случае, опираясь на католическую традицию, она изобрела особенно мощный коктейль из репродуктивной нормативности и того, что мы встречаем у Фурио Йези как *religio mortis*, религию смерти.⁽³²⁾ "Характерной чертой фашистской и нацистской

Гениальность", - пишет Маччиокки, - "заключается в их вызове женщинам на их собственной почве: они женщин одновременно воспроизводителями жизни и хранителями смерти, причем эти два термина не противоречат друг другу.

³³Национализация семьи и секса делает возможной биополитику воспроизводства, которая также является некрополитикой (*Viva la muerte!*). Не просто выращивание сыновей для фронта - или

Дочери, которые, в свою очередь, произведут больше сыновей для будущих фронтов - фашистская женщина также вовлечена в либидинизированную религию смерти, которая прославляет национального мученика, павшего в акте убийства. И наоборот, ретерриториализация секса в национализированной семье, как материально, так и символически, важнейшую идеологическую роль. Как утверждает Маччиокки: "Эмоциональная" чума

Фашизм распространяется через эпидемию фамильярности.³⁴

Вкратце: "Вы не можете говорить о фашизме, если не готовы обсуждать патриархат."³⁵ В своем предисловии к публикации статьи Маччиокки в первом номере *Feminist Review* историк Джейн Каплан (Jane Caplan) полезно резюмировала теорию идеологии, лежащую в основе ее тезисов:

Фашизм заручается поддержкой женщин, обращаясь к ним на идеолого-сексуальном языке, с которым они уже знакомы по "дискурсам" буржуазной христианской идеологии. Абстрактно говоря, это означает, что система знаков и бессознательных представлений, составляющих "закон" патриархата, используется в фашистской идеологии таким образом, что женщины оказываются в особые отношения поддержки с фашистскими режимами: Более того, Маччиокки даже, кажется, предполагает, что эта "доступность" женщин также является конституирующим фактором фашизма, а не просто пассивным резервуаром ... до тех пор, пока женщины продолжают позволять обращаться к себе на патриархальном языке сексуального отчуждения, они будут оставаться потенциальной аудиторией для убеждений фашизма".³⁶

Но Каплан также высказала несколько проницательных критических замечаний по поводу такой постановки проблемы женщин при фашизме. Маччиокки иногда становился жертвой эклектического заблуждения: поскольку фашизм - это идеология мусорщика, собирающая воедино доступные идеологические элементы, возникает соблазн рассматривать каждый из этих элементов (а не специфику включения и артикуляции каждого элемента в более широкий ансамбль) как фашистский или протофашистский. Каплан также задается вопросом о противопоставлении (иррациональных) желаний и (рациональных) интересов, которое уже затрагивалось в этой книге, и ставит под сомнение предположения о существовании женского энтузиазма *sui generis* по отношению к фашизму. Она также призывает к материалистическому и историческому анализу в противовес бесконтрольному использованию психоаналитических категорий:

Сфера идеологии/бессознательного рискует превратиться в страну, в которой, как говорят, возможно *все*, некую всеобъемлющую и привилегированную остаточную категорию с границами, которые исчезают в неопределенных горизонтах. В этом, по-видимому, заключается опасность приписывания фашизму окончательной и исключительной способности господствовать на неприступной в иных отношениях территории; предложение бессознательного в качестве собственной и особой области фашизма, не предлагая, помимо горстки заумных аллюзий, как это можно вернуть.³⁷

К предостережениям Каплана можно добавить, что рассмотрение фашизма призму сексуально репрессивной семьи может иметь искажающие последствия. Хотя и избегаем проницательного образа фашизма как сексуального извращения, диаметрально противоположное представление о том, что "тело фашистского дискурса строго целомудренно, чисто, девственно" и что его "центральной целью является смерть сексуальности", противоречит исторической справке о фашистской сексуальной политике⁽³⁸⁾

Как показала историк Дагмар Херцог в своем блестящем исследовании *"Секс после фашизма"*, отождествление фашизма с сексуальными репрессиями было отчасти побочным продуктом реакции шестидесятых против пособнического послевоенного истеблишмента (поколения родителей), который сам насаждал сексуальный и моральный консерватизм как оплот против фашистских подрывов традиционной семьи (и чтобы откреститься от своего собственного участия в режиме). Сексуализированные интерпретации нацизма имели свою собственную историю и периодизацию, обусловленную моральными и политическими конфликтами того или иного момента. Как отмечает Херцог, в начале 1950-х годов в Германии

комментаторы по-прежнему подчеркивали антибуржуазную составляющую нацизма и прямо связывали нацистское поощрение внебрачной сексуальности с преступлениями нацизма, [в то время как] суд над Освенцимом 1963-5 гг. во Франкфурте-на-Майне ознаменовал появление теории мелкобуржуазного и сексуально подавленного преступника Холокоста, которая стала столь важной для новых левых движение.³⁹

Не будучи ни великими эротическими безумцами, ни мелкобуржуазными чаровницами, нацисты продвигали политику секса, которую нельзя свести к прежним моделям сексуального регулирования (буржуазным или мелкобуржуазным, либеральным или консервативным) или к родовому патриархату; вслед за Херцогом мы можем рассматривать ее как подвижный синтез между, с одной стороны, прагматичным моральным консерватизмом и, с другой стороны, ускорением модернизационных сексуальных тенденций в расистском и националистическом обличье. По словам Твелейта, "суть всей фашистской пропаганды" - это не "борьба против все, что составляет удовольствие и наслаждение".⁴⁰ Как утверждает Херцог:

Когда нацисты пришли к власти в 1933 году, они часто представляли себя общественности как реставраторов традиционной сексуальной морали (хотя эта позиция довольно рано стала оспариваться и партийного руководства). Однако по мере становления Третьего рейха возникла совершенно новая, сильно расифицированная сексуальная политика. Хотя сексуально-консервативные призывы продолжали пропагандироваться до самого конца, стало ясно, что при нацизме многие (хотя, конечно, не все) ранее существовавшие либеральные тенденции будут намеренно усилены, хотя одновременно сексуальная свобода и счастье были переопределены как исключительно прерогативы "здоровых" "арийцев".

гетеросексуалы.⁴¹

Опираясь на субнищеванскую критику христианского подавления тела, опираясь на многочисленные натуразмы, нудизмы и культы тела, распространенные в Германии начала XX века, боевой эстетизацией тела в Древней Греции и Риме (переосмысленных как средиземноморские форпосты нордической расы), нацизм не мог

Поэтому не следует сводить его к мелкобуржуазным репрессиям.⁽⁴²⁾ Его "семейственность" также не следует сводить к голоду по молодому пушечному мясу или

Это было также, как подробно описал историк Тим Мейсон в своем бравурном эссе о женщинах при национал-социализме, функцией столкновения немецкого фашизма с культурными и материальными противоречиями капитализма. Семья могла предстать как своего рода *исправление*, но также и как место психологического и материального компромисса между обеспокоенным населением и режимом, лишенным какой-либо "золотой середины между драматической и жестокой импровизацией, с одной стороны, и стремлением к дальновидным конечным целям, с другой".

другие".⁴³ Как заключил Мейсон, нацисты

Пропанганда и их политика превозносили гораздо более фундаментальную *примиряющую функцию* семейной жизни, и люди реагировали на это, потому что [это] затрагивало давно устоявшиеся и почти универсальные механизмы самозащиты от отчужденной суровой жизни вне дома... Кошмарный мир диктаторского правительства, огромных промышленных комбинатов, всеохватывающей администрации и организованной бесчеловечности паразитировал на его идеологических

Антитеза, минутное сообщество родителей и детей.⁴⁴

Однако, несмотря на тенденциозный и эклектичный акцент на некоторых аспектах сексуальной жизни фашизма, работа Маччиокки остается важной благодаря ее утверждению, что проблему фашизма и женщин (и фашизма и гендера в целом) обойти стороной. Как она предостерегает:

Если не проанализировать прошлые (и настоящие?) отношения между женщинами и фашистской идеологией, если не проанализировать, как и почему фашизм одурачил женщин, то сам феминизм (как и весь политический авангард) останется лишенным своего исторического контекста. Без этого диалектического анализа феминизм искалечен, он подвешен без прошлого, как вечный воздушный шар, и не может понять ни того, что стоит на кону сегодня, ни того, в каком направлении двигаться дальше.

любой будущий союз между феминистской и революционной борьбой.⁴⁵

Среди диалектических объектов такого анализа - консолидация при фашизме "женского антифеминизма", продукта того, что Маччиокки проницательно называет "*антиполитической политизацией*" женщин фашистским и нацистским режимами.⁽⁴⁶⁾ Как утверждает Робин Мараско, в проницательном критическом восстановлении работы Маччиокки наряду с трудами Андреа Дворкин о Несмотря на все ограничения, эта работа способна поставить под сомнение асептический, невоплощенный анализ фашизма как "чисто" политического явления и обратить наше внимание на роль гендера, сексуальности и секса в современных процессах фашизации. Как риторически спрашивает Мараско:

На еще более низком уровне: можем ли мы говорить о фашизации, не говоря о сексе? Сможем ли мы понять, что такое фашизм в настоящем и как он связан с фашизмом в прошлом?

Поймем ли мы, как женоненавистничество в сети становится наркотиком, ведущим к, как мир активистов за права мужчин, пикаперов, троллей MGTOW и "вынужденных безбрачников" пересекается с белых супремасистов, ополченцев и гордых мальчиков или даже как относительно незначительный эпизод вроде #gamergate можно правдоподобно назвать одним из инаугурационных событий эпохи Трампа? Узнаем ли мы в мифе о "великой замене" стремление к контролю над женской сексуальностью, а также расистскую и культурологическую панику? И даже более того, не рассматривая секс как инструмент фашизации, можем ли мы понять, что антиваксоны, йога-мамы и гуру велнеса являются частью нового возрождения правых, как конспирология Q-anon Мобилизует страхи женщин за своих детей?⁴⁷

Но хотя ответ может быть категоричным "да", это не означает, что половые и гендерные модели фашизации примут привычные формы. Действительно, основывая свои размышления на примере Эшли Бэббит, "мученицы" "восстания" 6 января, Мараско призывает нас задуматься о регрессивных формах расширения прав и возможностей и трансгрессивных удовольствиях, которые могут быть доступны некоторым женщинам в современных ультраправых движениях. То, что предлагают фашистские правые сцены, может, в первую очередь, не патриархальной безопасностью (хотя ее пастиш предлагает "традвайз" и им подобные). Скорее, это может быть

нечто более трансгрессивное, более восприимчивое к разрушительным импульсам и антисоциальным силам, более близкое к равенству, которое она отвергает, и к свободе, от которой она отказывается. Она предлагает белым женщинам объяснение их несчастья и аффективную арену для выражения их гнева... Это не просто вопрос защиты своих интересов (как белых женщин, мелкобуржуазных женщин, женщин с американским гражданством) или даже желания собственного господства, а получение доступа к удовольствиям "мужского" аффекта и агентства. Это привилегия, доступная только некоторым женщинам, что, в общем-то, и подразумевается. И это форма "женского антифеминизма", которая отражает неолиберальный феминизм, против которого выступает, - еще одна деградировавшая версия "*иметь все*", где вместо корпоративной карьеры и гетеросексуальной репродуктивной семьи женщины могут иметь боевую подготовку, AR 15, полиаморную сексуальность, конспирологию и, прежде всего... подобие власти, заменяющее реальную.⁴⁸

Эта рекомпозиция женского антифеминизма может также перетекать в "фашистский феминизм", который стремится насильственно закрепить и утвердить нормативную, пусть и не обязательно гетеропатриархальную, фигуру женщины, и который вкладывает желание и либидо в свои повествования о надвигающейся угрозе стирания женщин и даже феминизма "гендерной идеологией" и транснесс⁽⁴⁹⁾

Секс в кризисе

Фашизм рекламирует себя как решение, выход из всеобъемлющего кризиса порядка. Не просто социального порядка, а порядка во всех его смысловых и материальных регистрах: экономическом, геополитическом, духовном, эстетическом, телесном, расовом. И

сексуальный. С точки зрения фашизма, органический кризис - это всегда кризис органический, дерегуляция чувств, расстройство наших органов. Но в отличие от реакционного консерватизма, которым он умело манипулирует, фашизм никогда не сводится лишь к стремлению к реставрации, возвращению органов на свои места.⁽⁵⁰⁾ Осознавая, если не всегда заявляя, что путь к утраченной гармонии непоправимо заблокирован, полет фашизма в прошлое неизбежно сопровождается всевозможными рекомбинантными изобретениями, консервативными революциями, затрагивающими репродукцию и сексуальность, желание и удовольствие, интимное и коллективное. И в этой области фашизм если и повторяется, то с разницей. Мы не покончили с политически спровоцированной паникой вокруг (еврейского) расового растления, "кризисной женщины" и гомосексуальности, которая сформировала межвоенные европейские фашизмы, или с гендерным регулированием черноты и колониальной подчиненности расового фашизма, нагруженного террором, который как предшествовал и пережил ось Рим-Берлин.⁽⁵¹⁾ Но мы также должны бороться с новыми формами фашизма (включая повседневный фашизм и микрофашизм), возникающими в результате трансформаций в сфере секса, гендера и сексуальности, изменчивых артикуляций между либидинальным, экономическим и природным.

Как отмечают исследователи, изучающие рекомпозиции ультраправых в контексте чрезвычайной климатической ситуации, реакционные сексуальные и гендерные нормы не просто отображаются на домашнюю или интимную сферу, но и являются антагонистическими медиациями социальной тотальности, реагирующими на воображаемые представления о социальном (и природном) целом. Как считает Кара Даггетт, агрессивная ностальгия по устаревшей совокупности мужественности, автотранспорта и производства - которая выходит за пределы исторических очагов фордизма - может быть воспринята как консолидация *нефтемаскулинности*, предупреждающая нас о том, что

к возможности того, что изменение климата может стать катализатором фашистских желаний обеспечить себе *lebensraum*, жизненное пространство, домашнее хозяйство, забаррикадированное от призрака угрозы других, будь то загрязнители, иммигранты или гендерные девианты. Воспринимать петромаскулинность всерьез - значит платить

внимание к прерванным желаниям привилегированных патриархов, когда они теряют свои ископаемые фантазии.⁵²

Эту уязвленную потерю фантазии (и фантазии потери) "все более хрупкой западной гипермаскулинностью" можно также представить как кражу наслаждения - которая, если об эксплуататорской и добывающей истории колониальной, расовой и патриархальной истории, возможно, более точно описывается как *кража наслаждения от кражи* (и от порядка, возникающего и воспроизводящегося в результате грабежа). Похитители наслаждения могут взять

Множественные, изменчивые, непоследовательные формы (хищные еврейские плутократы, ездящие на Prius столичные либеральные элиты, чернокожие матери-бенефициары, трансженщины), но для фашистского воображения без их устранения или подавления невозможно никакое "институционализированное возрождение", никакая восстановительная революция⁽⁵³⁾

Как уже давно утверждают феминистки и квиры, фашизм - это не только расовый, но и сексуальный и гендерный режимы.⁽⁵⁴⁾ Антиполитическая политизация секса и гендера играет важнейшую роль в формировании и циркуляции фашизма. Она вкладывает опыт кризиса в его самые интимные аспекты.

и висцеральный, где социальные и экономические нарушения, кажущиеся слишком абстрактными, чтобы быть отображенными, ощущаются в бытовом, либидинальном и телесном регистрах. Поздний фашизм - это одновременно и либидинальное предложение - претензия на коллективные желания - и сексуальная паника, или, лучше сказать, гендерная паника. Правая культура сегодня - это культура негражданских войн, которая ставит на передний план регулирование, нацеливание и стигматизацию сексуальных и половых тел. Это также тревожно транснациональная, "вирусная" культура, в которой восстановление и переизобретение боевой маскулинности и тревожная ностальгия по гетеронормативной семье как ячейке *демоса* и *этнуса* являются центрами, вокруг которых когерентируется целая институциональная и идеологическая инфраструктура, а "гендерная идеология" и транснесс являются врагами. Если "гендерно-критический активизм функционирует ... как крупномасштабный процесс перевода, посредством которого формулируются и выпускаются в [глобальный] оборот определенные контртеории и концепции", то это происходит не только благодаря его способности создавать новые артикуляции между консервативными и феминистскими формациями, но и потому, что он представляет гендерную проблему как глобальный кризис, и порождение, и вектор плохого, глобалистского капитализма, направляемого деградирующими элитами, вступающими в сговор с девиантными и подчиненными субъектами, чтобы еще больше обездолить и без того нестабильных "простых граждан" - создавая то, что Серена Басси и Грета Лафлер провокационно окрестили "постфашистским феминизм 99 процентов".⁵⁵

Антиполитика секса фашизма - это стратегия, как мрачно напоминает нам свадебная речь Гимmlера, привязывающая геополитическое к генитальному (а также геномному или гормональному). В каком-то смысле неудивительно, хотя и не менее гротескно, что поздний фашизм часто объединяется и циркулирует вокруг моральной паники по поводу трансгендерности и "гендерной идеологии". Здесь действует своего рода сексуальная и гендерная "масштабность": не только тематизация половых и гендерных расстройств позволяет проецировать "макро" проблемы на "микро" масштабы - неминуемый конец западной цивилизации начертан на непокорных телах - но и консолидация нового "фашистского интернационала", его способность захватывать

и гегемонии старых консерватизмов, происходит в основном через призму планетарного кризиса гендерных и половых норм⁽⁵⁶⁾ Это послужило укреплению политических инфраструктур и солидарности среди разрозненных политических субъектов, приверженных идее, что мы в середине культурной мировой войны, в которой квир и транснесс являются предвестниками цивилизационного краха, который должен быть предотвращен любой ценой.⁽⁵⁷⁾ Если цветной мигрант - это аватар Великой замены, окончательного исчезновения белизны и составляющих ее наций, то транснесс - это эмблема и эмиссар Великого беспорядка, скремблирования сексуальных различий и разрушения семьи. Если фашизм, родившийся на полях убийств Первой мировой войны, пытался спроецировать логику фронта на социальные и сексуальные кризисы, сражаясь с красными, женскими и еврейскими массами как векторами растворения самих границ тела, то современный поздний фашизм, во многом оторванный от "войны как внутреннего опыта", но горячо ностальгирующий по боевым маскулинностям, фиксируется на гендерном несоответствии как метафоре и метонимии, причине и симптоме расстройство как личного, так и планетарного масштаба.⁽⁵⁸⁾ Для них упадок Запада - это гендерные проблемы, а заразительное стремление к лучшей жизни вне иерархии расовой принадлежности и сексуальной нормальности - это болезнь, социальная патология, девиантная антиутопия, на фоне которой воздвигается регрессивный образ жизни в непрерывной борьбе и отчаянном стремлении к традиции.⁽⁵⁹⁾

Заключение

Эта книга - результат попытки осмыслить фашизм как процесс и потенциал, преследующий мир, раздираемый и беспокойный множеством накладывающихся друг на друга кризисов. на богатые архивы антифашистской мысли я стремился теоретизировать социальную и идеологическую динамику фашизма, его культуры и временные периоды, а не называть или классифицировать движения, режимы или отдельных людей. Я старался подходить к отношениям между историческим фашизмом и современными признаками фашизации не аналогово, сравнивая эпигонов с образцом, а контрапунктически, позволяя истории и настоящему освещать, но и расстраивать друг друга. Это также означает выдвижение на первый план тех черт межвоенного европейского фашизма, которые выходят за рамки канонических интерпретаций и резонируют с нашим собственным историческим моментом - например, размышления об отклонениях фашизма от нашего общего представления о тотальном государстве, основанном на уничтожении всех свобод и автономий.

Яростный и злобный, фашизм также избегает исчерпывающей идентификации. Он повторяет, но с отличиями, перебирая идеологический рельеф в поисках пригодных материалов - нередко у своих антагонистов слева. Он может щеголять своим релятивизмом, торгуя при этом абсолютами. И при всей своей ассоциации с холодной войной и гиперстатистической логикой тоталитаризма, он порождает свои собственные формы плюрализма и свои собственные представления о свободе. Моя ставка была сделана на то, что можно убедительно рассуждать об элементах фашизма как антиэмансипационной политики кризиса, не отождествляя теорию и определение,

избегая перечня характерных признаков или упорядоченного расписания шагов к фашистской победе. Критическая теория фашизма не обязательно должна принимать диагностического и статистического руководства по политическим расстройством. Радикальные теоретики расового и колониального фашизма, на которых основываются мои собственные размышления на этих страницах, также моя критика исторической аналогии, могут настроить нас на четыре взаимосвязанных измерения истории и опыта фашизма.

Первая заключается в том, что практики и идеологии, которые более или менее трудоемко выкристаллизовались в итальянский фашизм, германский нацизм и их европейских родственников, были предвосхищены и подготовлены лишением собственности и эксплуатацией "низших пород без закона", вызванными поселенческим колониализмом, рабством и внутриевропейским расовым капитализмом (или внутренним колониализмом). Одно из пари этой книги заключается в том, что наш "поздний" фашизм нельзя понять без "фашизмов до фашизма", которые сопровождали империалистическую капиталистическую мир-систему.

Во-вторых, фашизм по-разному применялся, переживался и назывался по расовым, гендерным и сексуальным осям. Как мы узнаем работ цветных революционеров, находящихся в заключении в Соединенных Штатах, политические порядки, которые принято считать либерально-демократическими, могут содержать институты, действующие как режимы господства и террора для широких слоев населения, в

нечто вроде расового двойного государства.⁽¹⁾ Это означает, что аболиционизм и современный антифашизм нельзя разделять как по своим политическим истокам, так и по стратегическим императивам.

В-третьих, фашизм основан на модальности превентивного контрнасилия, его стремление к этнонациональному возрождению или реваншу подогревается неизбежностью угрозы, которая проецируется как цивилизационная, демографическая и экзистенциальная. Эпохальная паника по поводу "цветного прилива" и "цветной мировой революции", которая послужила основой для подъема фашизма после Первой мировой войны, трансформировалась (с трудом) в нарративы замены, замещения или культурного самоубийства, разделяемые как массовыми стрелками, так и европейскими премьер-министрами.

В-четвертых, фашизм требует создания идентификаций и субъективностей, желаний и форм жизни, которые не просто требуют повиновения деспотической государственной власти, но опираются на идею свободы *sui generis*. Будь то в виде децентрализованной и депутизированной власти или психологической зарплаты, фашист - как призрачный синтез поселенца и солдата (или полицейского) - должен представлять себя как активного акционера монополии на насилие, а также как предприимчивого мелкого

суверен, а раса и нация служат аффективными и идеологическими векторами идентификации с властью.

Если мы будем помнить об этих аспектах - длительность колониального расового капитализма, дифференцированный опыт господства, политическое насилие, предшествующее устранению воображаемой экзистенциальной угрозы, субъект как заместитель суверенного насилия, - мы сможем понять, как современные фашистские потенциалы сходятся и выкристаллизовываются в формы "пограничного фашизма". Будь эта граница физической демаркацией, которую нужно обнести стеной и патрулировать, или набором фрактальных линий разлома, проходящих через политическое тело и многократно маркированных и контролируемых, невозможно обойти тот факт, что, поскольку "циклы капитализма, вызывающие массовую миграцию и репрессии, сходятся с климатическим кризисом", а расово-цивилизационный кризис сращивается со сценариями нехватки и коллапса, крайне авторитарные правые перенесут свою политику времени - и особенно свою одержимость эпохальной потерей привилегий и чистоты - на пространство

Территория⁽²⁾Он также, как и его предшественники двадцатого века, будет стремиться получить контроль над границами тела, патрулировать демаркацию между полами и гендерами.

Рут Уилсон Гилмор сформулировала идею расового капитализма формуле "капитализм требует неравенства, а расизм его закрепляет".³Фашизм, добавим мы, стремится насильственно закрепить неравенство в условиях кризиса, создавая симулякры равенства для некоторых - это политика и культура национально-социального укоренения, подпитываемая расизмом, в реальной или ожидаемой социальной катастрофы. Как политика кризиса, она представляет собой предельный случай "капитализма, спасающего капитализм от капитализма" (иногда даже создающего мираж капитализма без капитализма).⁽⁴⁾Противодействие фашистским потенциалам и процессам, пронизывающим глобальное настоящее, поэтому не может

Это означает подчинение практической критики капитализма выхолощенным (не)популярным фронтам с либералами или консерваторами. Прогрессивный" неолиберализм - тот, который лежит в основе большинства мейнстримных обличений фашизма - определяется производством и воспроизводством неравенства и исключений, непоследовательно сопровождаемых формальными и шаблонными обязательствами в отношении прав, разнообразия и различий. Тем, кто объединяется с ним, придется делать это, осознавая, что они

"охранять имперские ворота", вступая в союз с причиной, чтобы отгородиться от ее последствий.⁽⁵⁾Тот, кто не желает говорить об антикапитализме, должен молчать и об антифашизме. Последний, если его емко понимать, не просто противостоит худшему, но всегда будет неотделим от коллективного

Формирование образа жизни, способного разрушить смертельную романтику идентичности, иерархии и господства, которую капиталистический кризис поднимает с такой мрачной регулярностью.

Благодарности

В этой книге использованы некоторые ранее опубликованные материалы: "Заметки о позднем фашизме", *Historical Materialism* (веб-сайт), 2 апреля 2017 года; "Длинная тень расового фашизма", *Boston Review* 28, октябрь 2020 года; "Зарождающийся фашизм: Перспективы черных радикалов", *CLCWeb: Comparative Literature and Culture* 23: 1, 2021; 'Fascists, Freedom and the Anti-State State', *Historical Materialism* 29: 4, 2021, 3-21; 'Roundtable on Class', *ARTMargins* 10: 3, 2022; 'The Returns of Racial Fascism', in *For Antifascist Futures: Against the Violence of Imperial Crisis*, ed. Alyosha Goldstein and Simón Ventura Trujillo, Oakland: Common Notions, 2022; "Дубинка ночного сторожа", *Sidecar*, 29 октября 2022.

Аргументы из этой книги обсуждались в диалогах на ежегодных конференциях "Марксизм в культуре", "Исторический материализм", в Папском университете Католики в Вальпараисо, на коллоквиуме по критической теории в Вальпараисо "Насилие, политика и событие", на конференциях Red May, Foreign Objekt, Maumaus, на Программе по критической теории в Калифорнийском университете в Беркли, Кёльнская мифологическая сеть, KU Leuven, Институт цифровых демократий в Университете Саймона Фрейзера и семинар "Теория в условиях кризиса" в Лондонском в Париже, а также в моей преподавательской деятельности на бакалавриате и в магистратуре в Голдсмитском, Лондонском университете и Университете Саймона Фрейзера. Я благодарю всех организаторов, участников, студентов и работников, которые сделали возможными эти (дистанционные или очные) встречи, лекции и дискуссии, за их время, щедрость, критику и любопытство.

Многие беседы и переписка, поручения и товарищеские отношения сделали эту книгу возможной. Я благодарен Юргену Боку, Юджину Бреннану, Себастьяну Будгену, Даррену Байлеру, Клинту Бернхему, Майклу Карру, Зое Друик, Рикардо Эспиноза Лоласу, Стиву Эдвардсу, Родерику Фергюсону, Крейгу Гилмору, Рут Уилсон Гилмор, Алеше Голдштейну, Эйвери Ф. Гордон, Ам Джохал, Кен Кавашима, Статис Кувелакис, Андреас Малъм, Маттео Мандарини, Джефф Манн, Джеймс Э. Мартел, Светлана Матвиенко, Адам Макги, Тони Негри, Габриэле Педулла, Куинн Слободян, Джейсон Э. Смит, Микеле Спано, Марио Тельо, Массимилиано Томба, Том Вандепутте, Гэвин Уокер, Джефффри Р. Веббер и Эван Колдер Уильямс. За свои замечания и предложения по черновому варианту рукописи я особенно обязан Майклу Хардту, Гарри Арутюняну, Джону Голдбергу-Хиллеру и Бренне Бхандар. Особая благодарность Джорди Розенбергу, без которого сложный вопрос о фашистском эросе и гендерной панике остался бы в значительной степени и по вине автора неисследованным. Моя товарищеская благодарность Розы Уоррен из Verso за ее тщательную редакторскую работу над рукописью и доблестные усилия по сдерживанию изгибов моей прозы. Спасибо также Бруно Джорджу за вдумчивое редактирование.

Без любви, примера и поддержки Франчески Ланцилотти и Роберто Тоскано (*il mio giusto!*) все это было бы невозможно. И для Эши: *Cessa il vento, calma è la bufera.*

Примечания

Предисловие

- 1 Федерико Финчельштейн, "Байден назвал Трампизм "полуфашизмом". Термин имеет смысл с исторической точки зрения", *The Washington Post*, 1 сентября 2022 г. Термин "полуфашист" неоднократно используется для характеристики нативистско-популистских ультраправых в работе ведущего члена КПСС Уильяма З. Фостера "Фашистские тенденции в Соединенных Штатах", первоначально опубликованной в октябре 1935 года в журнале *Communist*, а теперь вошедшей в книгу *The US Anti-fascism Reader*, eds Bill V. Mullen and Christopher Vials, London: Verso, 2020, 68-87.
- 2 Вспомним также язвительные размышления журналиста Йосси Кляйна о правящей коалиции Израиля: "Точно так же, мы узаконили Бен Гвира, мы узаконим фашизм. Мы его преобразуем. Мы возьмем ультраправых, наденем на них тюбетейку и ритуальные бахромы, и у нас будет сионистско-религиозный фашизм". "It's Official Now: Фашизм - это мы", *Гаарец*, 4 ноября 2022 г. Сравните коллективное письмо в *New York Times* от 2 декабря 1948 года, подписанное, среди прочих, Ханной Арендт и Альбертом Эйнштейном, осуждающее политических предшественников Нетаньяху в Херут как "последнее проявление фашизма".
- 3 Ранджона Баннерджи, "Правительство Модии продемонстрировало всю мощь и широту своего фашистского видения Индии", *Нэшнл Геральд*, 20 января 2020 г.
- 4 Наиболее теоретически оригинальный и политически тонкий вклад в очень неровную дискуссию см. в статье Пюа Budraitskis, "Putinism: Новая форма фашизма?", *Spectre*, 27 октября 2022 года.
- 5 Фредрик Джеймсон, "Метакомментарий", *PMLA* 86: 1, 1971, 10; Теодор В. Адорно, "Антисемитизм и фашистская пропаганда", в книге *"Звезды спускаются на Землю : And Other Essays on the Irrational in Culture"*, ed. Stephen Crook, London: Routledge, 1994, 221.
- 6 Кодзин Каратани, "История и повторение в Японии", в книге *"История и повторение"*, под ред. Сэйдзи М. Липпетт, Нью-Йорк: Columbia University Press, 2004, 34. В главе о расовом фашизме мы увидим, как Анджела Й. Дэвис выдвинула аналогичное предложение. По мнению Каратани, рассмотрение фашизма как процесса также предотвращает ошибку, заключающуюся в предположении, что фашизм должен иметь устойчивый и однородный субъект.
- 7 Я заимствую эту формулировку из книги Марии Мис *"Патриархат и накопление в мировом масштабе"*. Убедительную панораму и диагноз реакции ультраправых на чрезвычайную ситуацию с климатом см. в статье Сэма

1. Вне времени

- 1 Франко "Бифо" Берарди, "Национальный рабочий и расовая война", *DiEM 25*, 10 ноября 2016 г., diem25.org. См. также вклад Бифо в книгу "Франко "Бифо" Берарди, Шанталь Муффе, Вильгельм Хаймайер, Г. М. Тамаш, *Новый фашизм?*", изд. Сюзанна Пфеффер, Лондон: Koenig Books, 2018.
- 2 Ясное и тонкое введение в западную марксистскую дискуссию с точки зрения 1970-х годов см. в Anson Rabinbach, "Toward a Marxist Theory of Fascism and National Socialism: A Report on Developments in West Germany", *New German Critique* 3, 1974, 127-53.
- 3 Вспомните дебаты 1930-1940-х годов, особенно те, что велись под влиянием анализов теоретиков Франкфуртской школы, таких как Фридрих Поллок и Франц Нойман, о жизнеспособности государственного капитализма. Эти дебаты продолжают освещать современные исторические работы, такие как *"Плата за разрушение"* Адама Туза.
- 4 Оливер Кромвель Кокс, *Касты, классы и расы: исследование социальной динамики*, Нью-Йорк: Monthly Review Press, 1959 [1948], 188-9.
- 5 Райли отмечает, что, хотя между современностью и межвоенным периодом существуют интересные параллели в плане "политизации внутридоминантных классовых конфликтов" (между аграрным и промышленным капиталом тогда, между добывающей промышленностью и медицинским страхованием при Трампе), политическая динамика, возникающая в результате этой борьбы между капиталистами, несопоставима. Дилан Райли, "Введение второму изданию", *Гражданские основы фашизма в Европе*, Лондон: Verso, 2019, xxviii.
- 6 Серьезное возражение, которое я имею против этой книги (если не против ее автора), заключается в том, что она совершенно не соответствует условиям, в которых появляется, а скорее занимает свое место неуместно, подобно великому повелителю, который, прибыв на место опустошенной землетрясением местности, не находит ничего более срочного, чем расстелить персидские ковры - кстати, уже изъеденные молью - и выставить несколько потускневшие золотые и серебряные сосуды, а также уже выцветшие парчовые и дамасские одежды, которые принесли его слуги.' Вальтер Беньямин, письмо Альфреду Кону от 6 февраля 1935 года, цитируется в Anson Rabinbach, "Unclaimed Heritage: Ernst Bloch's *Heritage of Our Times* and the Theory of Fascism", *New German Critique* 11, 1977, 5.
- 7 Как пронизательно отмечает Рабинбах, подчеркивая значение размышлений Беньямина о капитализме, технологиях и современном зрелище: "Блох подчеркивает преемственность между фашизмом и традицией, воплощенной в его идеях, но он пренебрегает теми элементами разрыва с прошлым - элементами, которые придают фашизму его уникальную силу как формы социальной организации, - так что его фактические связи с современным капитализмом остаются неясными". Там же, 14.
- 8 Эрнст Блох, "Несинхронность и обязательность ее диалектики", перевод. М. Риттер, *Новая немецкая критика* 11, 1977, 26. Этот текст взят из книги *"Наследие нашего времени"*. Полезно сравнить эти наблюдения с современными (1935 г.) размышлениями Тосака Джюна о японском "императорском фашизме" и его "реставраторской" программе: Tosaka Jun, 'The Fate of Japanism: From Fascism to Emperorism', in *Tosaka Jun: A Critical Reader*, trans. John Person, eds Ken C. Kawashima, Fabian Schäfer, and Robert Stolz, Ithaca, NY: Cornell East Asia Series, 2013, 65, 67.
- 9 Bloch, *The Heritage of Our Times*, цитируется в Rabinbach, 'Unclaimed Heritage', 13-14.
- 10 Рабинбах, "Невостребованное наследие", 7.
- 11 Bloch, "Über Ungleichzeitigkeit, Provinz und Propaganda, Ein Gespräch mit Rainer Traub und Harald Wieser", цитируется в Rabinbach, "Unclaimed Heritage", 16.
- 12 Пьер Паоло Пазолини, "Il vuoto di potere in Italia", *Il Corriere della Sera*, 10 февраля 1975 года. Позднее эта статья была перепечатана в сборнике *Scritti corsari*, в котором собраны журналистские выступления Пазолини.

опубликованный вскоре после его смерти.

- 13 Джон Бренкман, "Введение в Батая", *Новая немецкая критика* 16, 1979, 62. Бренкман также явно указывает на сходство с Блохом, но при этом утверждает, что эти гетеродоксальные теоретики по-прежнему актуальны для дебатов 1970-х годов о фашизме.
- 14 Жорж Батай, "Психологическая структура фашизма", перевод. Carl L. Lovitt, *New German Critique* 16, 1979, 66.
- 15 Богатую реконструкцию можно найти в книге Стефана Йонссона *"Толпы и демократия: Идея и образ революции масс от революции до фашизма"*, Нью-Йорк: Columbia University Press, 2013.
- 16 О генезисе, темах и последствиях исследования Лёвенталь и Гутермана см. в моем "Введении: Психоанализ наоборот" в книге "Лео Лёвенталь и Норберт Гутерман, Пророки обмана: исследование техники американского агитатора", Лондон: Verso, 2021.
- 17 Лёвенталь и Гутерман, *Пророки обмана*, 17.
- 18 Лео Лёвенталь, "Дегуманизирующие эффекты террора" (впервые опубликовано в журнале *Commentary* в 1946 году), в книге *"Ложные пророки: Studies in Authoritarianism (Communication in Society, Volume 3)"*, New York: Routledge, 2017, 183-4.
- 19 Лёвенталь и Гутерман, *Пророки обмана*, 4, 63, 69.
- 20 Там же, 16.
- 21 Лео Лёвенталь, "Адорно и его критики", в *Критическая теория и франкфуртские теоретики: Lectures-Correspondence-Conversations (Communication in Society, Vol. 4)*, New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1989, 51. См. также "Интервью с Гельмутом Дубилем" Лёвенталь в *"Критической теории и франкфуртских теоретиках"*, 234.
- 22 Теодор В. Адорно, *Психологическая техника радиообращений Мартина Лютера Томаса*, Стэнфорд: Stanford University Press, 2002, 40-1. (Это исследование, опубликованное только посмертно, было вкладом Адорно в "проект агитатора" Института социальных исследований). Американская агитация также имела прямое монетизируемое измерение - как отмечается в подразделе о пророках под названием "The Money-Minded Martyr": "Американская агитация - это рэкет, также политическое движение". Рэкет был важным понятием для института в изгнании; см. Martin Jay, "Trump, Scorsese, and the Frankfurt School's Theory of Racket Society", *Los Angeles Review of Books*, 5 April 2020.
- 23 Теодор В. Адорно, "Фрейдистская теория и образцы фашистской пропаганды", в *"The Frankfurt School Reader"*, eds Andrew Arato and Eike Gebhardt, New York: Continuum, 1982, 119.
- 24 Питер Э. Гордон, "Пересмотр авторитарной личности: Reading Adorno in the Age of Trump", *b2o*, 15 июня 2016 г.
- 25 Теодор В. Адорно, "Замечания об авторитарной личности" (1958), цитируется в Peter E. Gordon, "The Authoritarian Personality Revisited: Reading Adorno in the Age of Trump", *b2o*.
- 26 Адорно, "Фрейдистская теория и образцы фашистской пропаганды", 120.
- 27 Там же, 123. Национал-социалистическое утверждение фанатизма и его циркуляция в качестве строительного блока в нацистском дискурсе критически исследуется в Victor Klemperer, 'Fanatical', в *The Language of the Third Reich: LTI - Lingua Tertii Imperii: A Philologist's Notebook*, trans. M. Brady, London: Continuum, 2006, 52-6.
- 28 Там же, 126.
- 29 Там же, 126-7.
- 30 Там же, 132.
- 31 Там же, 130.
- 32 Там же, 127-8.
- 33 Там же, 131.
- 34 Там же, 136.
- 35 Там же, 136-7.

- 36 В то время как другие комментаторы опирались на сартровский анализ слитых и обещанных групп для осмысления возникновения и действия фашистских группировок в настоящем, особенно современных аватаров воинских групп или *Männerbunde*, столь дорогих мыслителям радикальных правых, использование Банаджи "*Критики*" создает более мощную рамку для осмысления масштабной динамики фашизации в настоящем. Наводящее на размышления исследование современного *Männerbunde*, опирающееся на феминистское переосмысление Сартра Селией Аморос, см. в Jack Z. Bratich, *On Microfascism: Gender, War, and Death*, Brooklyn, NY: Common Notions, 2022, особенно главу 3.
- 37 Джейрус Банаджи, "Траектории фашизма: Крайне правые движения в Индии и других странах", в книге "*Фашизм: Essays on Europe and India*", ed. J. Banaji, Gurgaon: Three Essays Collective, 2013, 223. Подчеркиваю.
- 38 Ален Бадью, *Бесконечная мысль: Истина и возвращение философии*, Лондон: Continuum, 2003, 153.
- 39 Этьен Балибар, "Расизм и национализм", в книге "Этьен Балибар и Иммануил Валлерстайн, *раса, нация, класс: Ambiguous Identities*, London: Verso, 1988, 54, 59.
- 40 О национально-социальном государстве см. Étienne Balibar, "The National Form: История и идеология", в Balibar and Wallerstein, *Race, Nation, Class*, 137.
- 41 Лео Ловенталь, "Теодору В. Адорно, 13 октября 1944 года", в *Критической теории и франкфуртских теоретиках*, 132.
- 42 Вальтер Беньямин, "Произведение искусства в эпоху его технологической воспроизводимости (вторая версия)", в *Избранных сочинениях, том 3, 1935-1938*, под ред. Говарда Эйланда и Майкла В. Дженнингса, Кембридж, МА: Belknap Press, 2002, 129.
- 43 Андреа Каваллетти, *Класс*, изд. Alberto Toscano, trans. Elisa Faccadori, Calcutta and London: Seagull Books, 2019, 55.
- 44 Адорно - Беньямину, 18 марта 1936 г., в книге "Теодор В. Адорно и Вальтер Беньямин, *полная переписка, 1928-1940*", изд. Анри Лониц, перевод. Николас Уокер, Кембридж: Polity Press, 1999, 132-3.

2. Расовый фашизм

- 1 О размышлениях Тони Моррисон о фашизме см. освещающее эссе Родерика Фергюсона "Мы не можем быть прежними после осады", *Allies*, eds Ed Pavlic' et al., Cambridge, MA: Boston Review, 2019. См. также мощный призыв Фергюсона к антифашистской политизации, основанной на критике цветных квилов, в статье "Авторитаризм и планетарная миссия цветной критики квилов", *Safundi: Journal of South African and American Studies* 21: 3, 2020, 282-90.
- 2 Майк Бейкер и Эван Хилл, "Полиция говорит, что активист Антифа, скорее всего, стрелял в офицеров. Его оружие говорит об обратном", *New York Times*, 10 апреля 2021 г.
- 3 Недавние дебаты в *New York Review of Books* с участием Питера Э. Гордона, Сэма Мойна и Сары Черчвелл представляют собой информативную панораму позиций по этому вопросу. Питер Э. Гордон, "Почему историческая аналогия имеет значение", *The New York Review of Books*, 7 января 2020 г.; Сэмюэл Мойн, "Проблема со сравнениями", *The New York Review of Books*, 19 мая 2020 г.; Сара Черчвелл, "Американский фашизм: Он случился здесь", *The New York Review of Books*, 22 июня 2020 г.
- 4 Седрик Дж. Робинсон, "Фашизм и реакция черных радикальных теоретиков", в книге "*Расовый капитализм, черный интернационализм и культуры сопротивления*", под ред. Х. Л. Т. Куана, Лондон: Pluto, 2019, 149.
- 5 Цитируется в Bill Schwartz, "George Padmore", in *West Indian Intellectuals in Britain*, ed. Bill Schwartz, Manchester: Manchester University Press, 2003, 141-2. Хотя, в отличие от Падмора, он сохранял верность советскому коммунизму, Р. Палме Датт также видел преемственность между европейским фашизмом и империей: "В стихах Киплинга, в агитации "Бур" газеты "Дэйли

В военной диктатуре Ллойд Джорджа, грубо переступающего через конституционные формы и стремящегося к цели "нокаутирующего удара", дух фашизма уже присутствует в зародышевых формах". Р. Палме Датт, *Фашизм и социальная революция*, Лондон: Lawrence & Wishart, 1935, 240. См. также Alfie Hancox, 'Fascisation as an Expression of imperialist Decay: *Фашизм и социальная революция* Раджани Палме Датт', *Освобожденные тексты*, 23 марта 2021 г.

- 6 Каждая колониальная нация несет в своей груди семена фашистского соблазна. Что такое фашизм, если не режим угнетения в интересах немногих? Альберт Мемми, *Колонизатор и колонизируемые*, Лондон: Earthscan, 2003 [1957], 106-7; Walter Rodney, *How Europe Underdeveloped Africa*, London: Verso, 2018, 243.
- 7 Лэнгстон Хьюз, "Слишком много о расе", *Crisis* 44.9 (сентябрь 1937 г.), 272. См. также стихотворение "Бомонт - Детройт: 1943", заключительные строки которого: "Как долго мне придется сражаться / С ГИТЛЕРОМ - И ДЖИМОМ КРОУ".
- 8 Я заимствую термин "расовый фашизм" у Бараки, который в решающей степени устанавливает жестокую диалектику между динамикой расового господства в Соединенных Штатах и империализмом - тема, которую сам Дю Буа мощно подчеркивал еще в "Африканских корнях войны" (1915): 'Позиция Эндрю Джонсона в свержении Реконструкции и навязывании расового фашизма афроамериканцам и афроамериканскому народу подготовила всю американскую нацию к империалистическому правлению, которое сегодня перешло к полному контролю над всей нацией'. Амири Барака, "Черная реконструкция: Du Bois & the U.S. Struggle for Democracy & Socialism", *Conjunctions* 29, 1997, 78.
- 9 Харутунян, "Фашизм нашего времени". Харутунян подробно описывает "основополагающие олигархические намерения" и конституционные конструкции, которые, в сочетании с материальной историей расового капитализма, заронили фашистский потенциал *sui generis* политическое тело США и его правящие институты.
- 10 Жан Жене, "Первомайская речь", в книге *"Объявленный враг: тексты и интервью"*, перевод. Джефф Форт, ред. Альберт Дичи, Стэнфорд: Stanford University Press, 2004, 38.
- 11 Об антиимпериалистическом антифашизме как коалиционной политике среди цветного населения США см. также увлекательное эссе Майкла Стауденмайера "Козлы отпущения Америки": Ideas of Fascism in the Construction of the US Latina/o/x Left, 1973-83", *Radical History Review* 138 (специальный выпуск "Фашизм и антифашизм с 1945 года") (октябрь 2020): 39-59.
- 12 Например, досье на "новый фашизм, новую демократию", организованное маоистскими боевиками вокруг *La Cause du peuple* в *Les Temps modernes* 310 (1972), особенно статью Андре Глюксмана "Fascisme: L'ancien et le nouveau". О французских троцкистских дебатах см. Brohm et al., *Le gaullisme, et après? État fort et fascisation*, Paris: François Maspero, 1974. Лучшая критическая оценка теорий фашизма в американской революционной левой в 1970-е годы - Нозль Игнатин (Игнатьев), "Фашизм: Некоторые распространенные заблуждения", *Urgent Task* 4 (1978): 1-8.
- 13 Джордж Джексон, *Кровь в моих глазах*, Лондон: Penguin, 1975 [1972], 121-2. Современное теоретическое обсуждение тезисов Джексона см. в ARM (Association for the Realization of Marxism), 'George Jackson, monopoly capitalism and the fascist type of state', *The Black Liberator* 2: 3, 1974/5.
- 14 Жан-Поль Сартр, "Мольба к интеллектуалам", в книге *"Между экзистенциализмом и марксизмом"*, Нью-Йорк: Basic Books, 1974, 256.
- 15 Жак Деррида, "Письмо Жану Жене (фрагменты)", *Переговоры*, изд. и перев. Элизабет Роттенберг, Стэнфорд: Stanford University Press, 2002, 43. См. также Mikkel Bolt Rasmussen, 'Yes Of Course... Derrida to Genet on Commitment in Favor of Jackson', *New Formations* 75, 2012, 140-53; Tyler M. Williams, 'Derrida and the Censorship of Literature', *The New Centennial Review* 20: 1, 2020, 1-22.
- 16 Эме Сезер, *Рассуждения о колониализме*, перевод. Joan Pinkham, introd. Робин Д. Г. Келли, Нью-Йорк: Monthly Review Press, 2001, 36. Там, где Пинкхэм переводит "бумеранг", в оригинале на французском языке говорится о *choc en retour*, отдаче, ответном ударе или обратной реакции.

- 17 Mullen and Vials (eds), *The US Antifascism Reader*, 271 (редакционное вступление к речи Пенни Накацу на конференции Объединенного фронта против фашизма, июль 1969 г.). См. также обсуждение "пространственной метафоры" фашизма в Christopher Vials, *Haunted by Hitler: Liberals, the Left, and the Fight Against Fascism in the United States*, Amherst: University of Massachusetts Press, 2014, 159-93.
- 18 Джексон, *Кровь в моих глазах*, 124, 125.
- 19 Там же.
- 20 Там же, 126.
- 21 Теодор В. Аллен, *Изобретение белой расы, том 2: Происхождение расового угнетения в Англо-Америке*, новое издание, вступ. ст. Джеффри Б. Перри, Лондон: Verso, 2012.
- 22 Там же, 148.
- 23 Там же, 158. См. также Кэтлин Кливер, "Расизм, фашизм и политические убийства", *The Black Panther*, 14 сентября 1968 г., 8.
- 24 Герберт Маркузе, "США: Вопросы организации и революционный субъект", *Новые левые и 1960-е годы: Collected Papers of Herbert Marcuse, Vol. 3*, ed. Дуглас Келлнер, Лондон: Routledge, 2005, 138. Понятие превентивной контрреволюции было использовано для определения фашизма в книге итальянского анархиста Луиджи Фаббри *"La contro-rivoluzione preventiva. Riflessioni sul fascismo"*, Bologna: L. Cappelli, 1922. См. также Dutt, *Fascism and Social Revolution*, 123.
- 25 Этьен Балибар, "Наброски топографии жестокости: гражданственность и цивилизованность эпоху глобального насилия", *Созвездия* 8: 1, 2001, 16.
- 26 Маркузе, "США", 137-8. Вопрос о новых формах фашизма является лейтмотивом в работах Маркузе последнего десятилетия. Иногда он подчеркивает, как в этом отрывкеобъективную возможность нового фашизма; в других случаях он трезво отмечает ограниченные, хотя и реальные свободы, которые остаются в либеральных капиталистических демократиях. См. также Герберт Маркузе, "Le Monde Diplomatique" [1976], в *Marxism, Revolution and Utopia: Collected Papers of Herbert Marcuse, Vol. 6*, eds Douglas Kellner and Clayton Pierce, London: Routledge, 2014, 360.
- 27 Джексон, *"Кровь в моих глазах"*, 162.
- 28 Анжела Й. Дэвис и Беттина Аптекер, "Предисловие", в Анжела Й. Дэвис (ред.), *Если они придут утром: Voices of Resistance*, London: Verso, 2016 [1971], xiv. См. также Angela Y. Davis, 'Political Prisoners, Prisons and Black Liberation', in *If They Come in the Morning*, 37.
- 29 Спустя полвека Дэвис настаивает на актуальности категории фашизма и его характера как реакции на освободительную борьбу чернокожих. См. "Интервью с Анджелой Й. Дэвис" в книге *"Революционный феминизм: Conversations on Collective Action and Radical Thought"*, eds Brenna Bhandar and Rafeef Ziadah, London: Verso, 2020, 209-10. Главным источником информации для Дэвис в ее рассуждениях о фашизме остается Маркузе, особенно его эссе 1934 года "Борьба с либерализмом в тоталитарном взгляде на государство".
- 30 Анджела Й. Дэвис, "Политические заключенные, тюрьмы и освобождение чернокожих", в книге *"Если они придут утром"*, 41.
- 31 Там же, 44.
- 32 Анджела Й. Дэвис и Беттина Аптекер, "Предисловие", в *"Если они придут утром"*, xv; Дэвис, "Политические заключенные, тюрьмы и освобождение чернокожих", в *"Если они придут утром"*, 41.
- 33 Анджела Й. Дэвис, "Раса и криминализация: Black Americans and the Punishment Industry", in *The Angela Y. Davis Reader*, ed. Joy James, New York: Blackwell Publishers, 1998, 63. Цитируется в Dylan Rodriguez, *Forced Passages: Imprisoned Radical Intellectuals and the U.S. Prison Regime*, Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2006, 141.
- 34 Родригес, *Вынужденные переходы*, 117.
- 35 Там же, 130.

- 36 Ibid., 137. Провокационное исследование наложения фашизма и либеральной законности в условиях кризиса позднего капитализма см. в Антонио Негри, "Fascismo e diritto: un esperimento di metodo", в *Macchina tempo. Rompicapi Liberazione Costituzione*, Milan: Feltrinelli, 1982, 170-92. См. также "Интервью с Тони Негри (1980)", в книге *"Революция восстановлена: Письма о Марксе, Кейнсе, капиталистическом кризисе и новых социальных темах (1967-1983)"*, Лондон: Red Notes, 1988, 122.
- 37 Rodriguez, *Forced Passages*, 140-1.
- 38 Загробная жизнь фашизма", *South Atlantic Quarterly* 105: 1, 2006, 79.
- 39 Тиаго Сарайва, *Фашистские свиньи: Technoscientific Organisms and the History of Fascism*, Cambridge, MA: The MIT Press, 138. Книга Сарайвы представляет собой чрезвычайно оригинальное и методологически богатое исследование фашизма в его поселенческо-колониальных измерениях, критически опирающееся на исследования науки и технологии.
- 40 Нихил Пал Сингх, *Раса и долгая война Америки*, Беркли: University of California Press, 2017, 26.
- 41 Ibid., 172-3. Юридические механизмы отчуждения и расификации коренного населения, в свою очередь, формирующую роль в нацистской правовой мысли, которая распространила самоидентификацию гитлеризма как колониального проекта белых поселенцев (*Генплан Ос* как реплика Manifest Destiny) на расовые законы, созданные по примеру США. См. познавательную книгу Джеймса К. Уитмена *"Американская модель Гутлера: The United States and the Making of Nazi Race Law"*, Princeton: Princeton University Press, 2018.
- 42 Джошуа Майерс, Седрик Робинсон: *время черной радикальной традиции*, Кембридж: Polity Press, 2021, 194-5; Cedric J. Robinson, "Fascism and the Response of Black Radical Theorists", in *On Racial Capitalism, Black Internationalism and Cultures of Resistance*, ed. H. L. T. Quan, London: Pluto, 2019, 149. Это эссе дополняет более раннее исследование Робинсона об автономии черных антифашистских движений в контексте мобилизаций вокруг вторжения фашистской Италии в Эфиопию: "Фашизм и пересечения капитализма, расизма и исторического сознания" (1983), в *"О расовом капитализме"*, 87-109. О расхождении между антиимпериалистическим антифашизмом третьего мира и чернокожих и антифашизмом Народного фронта, ключевой конъюнктуре 1935-6 годов и последствиях межвоенных дебатов для 1970-х годов см. в Giuliana Chamedes, "How to Do Things With Words: Антифашизм как дифференцированно мобилизующая идеология, от Народного фронта до движения "Черная сила"", *Journal of the History of Ideas* 84: 1, 2023, 127-55.
- 43 Робинсон, "Фашизм и реакция черных радикальных теоретиков", 152.
- 44 Там же.
- 45 Ibid., 155. Разумную и сочувственную критику попыток Робинсона сделать черную радикальную традицию несоответствующей марксистской теории см. в книге Minkah Makalani, *In the Cause of Freedom: Radical Black Internationalism from Harlem to London, 1917-1939*, Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011, 12-15.
- 46 Там же, 156, 157. О сходстве между дискурсом Сезера и размышлениями Робинсона о черном антифашизме см. в Robin D. G. Kelley, "A Poetics of Anticolonialism", in Césaire, *Discourse on Colonialism*, 20-1. См. также Kelley, *Freedom Dreams: The Black Radical Imagination*, Boston: Beacon Press, 2022, 55-7.
- 47 Там же.
- 48 См. мою статью "'Американская Бельгия': W. E. B. Du Bois on Class, Race, and the Origins of World War I", in *Cataclysm 1914: Первая мировая война и формирование современной мировой политики*, под ред. Alexander Anievas, Leiden: Brill, 2014.
- 49 Дю Буа говорит о "новом фашистском капитализме", построенном на гиперэксплуатации "рабочих темных рас" в книге *"Черный народ тогда и сейчас: An Essay in the History and Sociology of the Negro Race"*, Oxford: Oxford University Press, 2007 [1939], 93. Мимолетный рассказ Робинсона о фашизме в *черном марксизме*, пожалуй, более точен, когда речь идет о посредничестве между классовым правлением и расовой идеологией, чем его эссе о черных теоретиках фашизма. См. Cedric J. Robinson, *Black Marxism: The*

Создание черной радикальной традиции, Чапел Хилл: The University of North Carolina Press, 2000 [1983], 20-1.

- 50 Были также попытки критически осмыслить фашистский потенциал в черном национализме в широком понимании - от наблюдений К. Л. Р. Джеймса о гарвиизме до предположения Пола Гилроя, что "фашизм остается латентным в любой попытке организовать социальную жизнь по расологическим принципам", включая формы абсолютистской, милитаризованной или маскулинной черной политики. См. C. L. R. James, "Marcus Garvey", in *C. L. R. James on the 'Negro Question'*, ed. Scott McLemee, Jackson: University of Mississippi Press, 1996, 114-16; Пол Гилрой, "Черный фашизм", *Transition* 81/82, 2000, 70-91.
- 51 Я заимствую эту терминологию из яростной критики Девина Зейна Шоу ранней версии этого аргумента в *Boston Review*, "On Toscano's Critique of 'Racial Fascism'", *threewayfight*, 30 December 2020.
- 52 Критические замечания об ограниченности антифашистских левых, а также рассказ о массовом антифашистском сопротивлении черной и азиатской молодежи в британском контексте см. в Darcus Howe, "Enter Mrs. Thatcher" (февраль 1978) и "The Bradford 12: Reflecting on the Trial of the Decade" (август 1982), в *Here to Stay, Here to Fight: A 'Race Today' Anthology*, eds Paul Field, Robin Bunce, Leila Hassan and Margaret Peacock, London: Pluto, 2019, 23, 159. См. также Colin Prescod, 'Black People Against State Harassment (BASH) campaign - a report', *Race & Class* 58: 1, 2016, 96. Статья Прескода была первоначально опубликована в журнале *The Black Liberator* в 1978 году.
- 53 Стюарт Холл, "Великое шоу движущихся правых", *Марксизм сегодня*, январь 1979, 15.
- 54 Стоит отметить, что в 1970-х и начале 1980-х годов произошел всплеск "Третьего Клана" и слияние традиционных средств борьбы за превосходство белой расы с различными неонацистскими формированиями, что в свою очередь сформировало чернорадикальную и крайне левую антифашистскую практику и теорию. См. Robin D. G. Kelley, "Foreword" in Hilary Moore and James Tracy, *No Fascist USA! Антиклановый комитет Джона Брауна и уроки для современных движений*, Сан-Франциско: City Lights, 2020. О том, как эта конъюнктура сформировала теорию фашизма в антирасистских и новых коммунистических левых, см. Кен Лоуренс, "Ку-клукс-клан и фашизм" (1982), в *The US Antifascism Reader*, 289-99, и Пол Саба, "Fighting Fascism and the Ku Klux Klan", *Viewpoint Magazine*, 10 октября 2017.
- 55 Рут Уилсон Гилмор, 'Terror Austerity Race Gender Excess Theater', in *Abolition Geography: Essays Towards Liberation*, eds Brenna Bhandar and Alberto Toscano, London: Verso, 2022, 161.
- 56 Там же, 167; см. особенно Гилмор, "Глобализация и рост тюрем в США: От военного кейнсианства к посткейнсианскому милитаризму", "Раса, тюрьмы и война: сцены из истории насилия в США" и "Тюрьмы и классовая война", в книге *География аболитии*.
- 57 Доменико Лосурдо, *Либерализм: A Counter-History*, London: Verso, 2014, 150.
- 58 Гилмор, *География аболитии*, 166.
- 59 См. Шейн Берли, "Осень альт-правых", журнал *Commune*, 21 февраля 2020 г. Криминалистическую хронику того, как белый национализм частью исполнительной власти США, см. в статье Michael Edison Hayden, 'Stephen Miller's Affinity for White Nationalism Revealed in Leaked Emails', *Southern Poverty Law Center*, 12 November 2019. См. также Alexandra Minna Stern, *Proud Boys and the White Ethnostate: How the Alt-Right is Warping the American Imagination*, Boston: Beacon Press, 2019, гл. 6: "Нормализация национализма".
- 60 Никос Пуланцас, "О народном влиянии фашизма", в книге *"Читатель Пуланцаса: Marxism, Law and the State"*, ed. Джеймс Мартин, Лондон: Verso, 2008, 265. Прекрасное изложение траектории и современной актуальности теоретизирования Пуланцаса об авторитаризме см. в Panagiotis Sotiris, "The Work of Nicos Poulantzas is Vital for Understanding the Authoritarian Right", *Jacobin*, 5 January 2023.

- 61 Дэвид Эдгар, "Расизм, фашизм и политика Национального фронта", *Race & Class* 19: 2, 1977, 112. По мнению Эдгара, в конце 1970-х - начале 1980-х годов было жизненно важно проводить политическое и аналитическое различие между неофашистскими движениями и расистским государством. См. Дэвид Эдгар, "Международное лицо фашизма" (выступление на конференции Национальной антиклановой сети, Атланта, 19 июня 1982 г.), *Urgent Task* s 14, 1982, 4.
- 62 Венди Браун, "Франкенштейн неоллиберализма: Авторитарная свобода в "демократиях" двадцать первого века", Венди Браун, Питер Э. Гордон, Макс Пенски, *Авторитаризм: Three Inquiries in Critical Theory*, Chicago: University of Chicago Press, 2018, 21; см. главу 4 ниже.
- 63 Венди Браун, "Франкенштейн неоллиберализма", 22.
- 64 Стоит также отметить, что внутри интеллектуальных неоллиберальных коллективов также действовали явно авторитарные и расистские течения. Проследивая эти течения, можно увидеть, что "правопопулистская мысль - это не столько ответная реакция на неоллиберализм, сколько реализация скрытых в нем возможностей". См. Куинн Слободиан, "Анти-"68-е" и расистско-либертарианский альянс: How a Schism among Austrian School Neoliberals Helped Spawn the Alt Right', *Cultural Politics* 15: 3, 2019, 374.
- 65 Флаконы, *Призраки Гитлера*, 165.
- 66 Там же, 161, 192.
- 67 Джереми Скэхилл, "Ученый Робин Д. Г. Келли о том, как современное аболиционистское движение может кардинально изменить страну", *The Intercept*, 27 июня 2020 г.

3. Фашистская свобода

- 1 Об анализе фашизма, проведенном Поланьи, см. Gareth Dale and Mathieu Desian, "Fascism", in *Karl Polanyi's Political and Economic Thought: A Critical Guide*, eds Gareth Dale, Christopher Holmes and Maria Markantonatou, Newcastle upon Tyne: Agenda Publishers, 2019, 151-70. Более широкий вопрос о связи фашизма с другими проявлениями врожденной "авторитарной предрасположенности" капитализма см. в Todd Gordon and Jeffery R. Webber, "The Return of Fascism?", *Spectre*, forthcoming 2023.
- 2 Вскоре после этого термин был использован в уничижительном смысле Папой Пием XI и критически проанализирован Грамши в его *"Тюремных тетрадах"*. См. Антонио Грамши, *Quaderni del carcere*, vol. 2, ed. Valentino Gerratana, Turin: Einaudi, 2007 [1975], 1020-1.
- 3 Андреас Мальм и "Коллектив Цеткин", *"Белая кожа, черное топливо: об опасности ископаемого фашизма"*, Лондон: Verso, 2021, 191-2.
- 4 Там же, 8.
- 5 Тайлер Стовалл, *Белая свобода: The Racial History of an Idea*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021, 214. Я исследую реакционные и расиализованные фигуры свободы, противопоставляя их аболиционистским антагонистам, в книге Alberto Toscano, 'Freedom', in *Terms of Disorder: Keywords for an Interregnum*, London and Calcutta: Seagull, 2023.
- 6 Герберт Маркузе, "Некоторые социальные последствия современной технологии", в книге *"Технология, война и фашизм: Collected Papers of Herbert Marcuse, Volume 1"*, ed. Дуглас Келлнер, Лондон: Routledge, 1998, 62.
- 7 Цитируется в Christine Vodovar, "Einaudi e l'avvento del regime fascista", in *Luigi Einaudi. Guida alla lettura. Antologia degli scritti*, 2012, luigieinaudi.it.
- 8 Джованни Джентиле, *La riforma della scuola in Italia*, Florence: Le Lettere, 1989, 94-5.
- 9 Цитируется в Stovall, *White Freedom*, 214.
- 10 Бенито Муссолини, '[Discorso di Napoli] 24 Ottobre 1922', in Fabio Frosini, *La costruzione dello Stato nuovo. Scritti e discorsi di Benito Mussolini, 1921- 1932*, Venice: Marsilio, 2022, 115.

- 11 Хью Р. Тревор-Ропер и Герхард Л. Вайнберг (ред.), *Застольные беседы Гитлера, 1941-1944: Secret Conversations*, New York: Enigma Books, 2008, 10.
- 12 Роберт О. Пакстон, *Анатомия фашизма*, Нью-Йорк: Alfred A. Knopf, 2004, 90.
- 13 Сальваторе Лупо, *Il fascismo. La politica in un regime totalitario*, Milan: Feltrinelli, 2013, 120.
- 14 Эмилио Джентиле, *Фашизм. Storia e interpretazione*, Bari: Laterza, 2002, 16.
- 15 Curzio Malaparte, *Tecnica del colpo di stato*, in *Opere scelte*, ed. Luigi Marellini, Milan: Arnaldo Mondadori, 1997, 281. Вскоре после этого Герен напишет о том, как "фашизм физически уничтожает все, что противостоит его диктатуре, неважно, насколько мягко, и что он вакуум вокруг себя и оставляет вакуум позади себя". Этим объясняется его поразительная . См. Daniel Guérin, *Fascism and Big Business*, New York: Pathfinder, 1973, 370.
- 16 Там же, 258.
- 17 Цитируется по Malaparte, *Tecnica del colpo di stato*, 287.
- 18 Mussolini, '[Discorso alla camera dei deputati] 21 Giugno 2021', in *La costruzione dello stato nuovo*, 69.
- 19 Там же, 63.
- 20 Там же.
- 21 Там же, 68.
- 22 Накануне учредительного съезда Национальной фашистской партии журналист и ведущий фашистский политик Массимо Рокка написал для журнала *Risorgimento* статью, в которой отстаивал позицию "умеренных правых" движения, фашистским левым и крайне правым. Статья называлась "*Un neo-liberalismo?*". Lupo, *Il fascismo*, 112-13.
- 23 Mussolini, '[Discorso di Udine] 20 Settembre 1922', in *La costruzione dello Stato nuovo*, 105.
- 24 Там же.
- 25 Муссолини, "Discorso all'Augusteo - 8 Novembre 2021", в *La costruzione dello Stato nuovo*, 71.
- 26 Герен, *Фашизм и большой бизнес*, 155.
- 27 Франц Л. Нойманн, *Бегемот: Структура и практика национал-социализма, 1933-1944*, Чикаго: Ivan R. Dee, 2009 [1944], 467-70. См. также Аджай Сингх Чаудхари и Рафаэль Шапп, "Сверхчеловеческий рейх", *LA Review of Books*, 7 ноября 2016 г.
- 28 Иоганн Шапуто, *Libres d'obéir. Управление, нацизм и современность*, Париж: Gallimard, 2020. О Шапуто см. также Марко Д'Эрамо, "Править по целям", *Sidecar - New Left Review*, 15 октября 2021 г. О более узкой риторической ссылке Гитлера на свободу Германии как расово-национальную свободу, выражающуюся в борьбе с конкурентами, см. его речь в Нюрнберге 9 сентября 1936 года с ее туманным антикапитализмом. Цитируется в Charles Willard Huber, *An Examination of Certain Elements of Rhetorical Style in Nine Selected Speeches of Adolf Hitler*, M.A. Dissertation, Montana State University, 1959, scholarworks.umt.edu, 96-7.
- 29 Иоганн Шапуто, *Закон крови: Thinking and Acting as a Nazi*, trans. Miranda Richmond Mouillot, Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018, 127.
- 30 Там же, 34.
- 31 Иоганн Шапуто и Катарина Бриенн, "Как нацисты стали пионерами теории управления" (интервью), *Berliner Zeitung*, 16 июня 2021 года. Это также перекликается с востоковедческим высказыванием нацистского юриста Гельмута Николаи: "Германская лояльность - это полная противоположность восточной покорности" (цитируется по Chapoutot, *The Law of Blood*, 183).
- 32 Шапуто и Бриенн, "Как нацисты стали пионерами теории управления".
- 33 Chapoutot, *The Law of Blood*, 167. В книге "*Эрос и цивилизация*" Маркузе, несомненно, опираясь на свой критический анализ национал-социализма, принцип перформанса как ключевой компонент либидинальной экономики современного общества, требующий систематического демонтажа для достижения освобождения. О нацистской идеологии перформанса и ее связи с идеей творческого, артистического труда см. Eric Michaud, *The Cult of Art in Nazi Germany*, trans. Джанет Ллойд, Стэнфорд: Stanford

Университетская пресса, 2004.

- 34 Просветительский анализ и критика взгляда Арендт на тоталитаризм как на обратный эффект империализма и на то, как он воспроизводит расовое видение "дикой" Африки, знакомое по "*Сердцу тьмы*" Конрада, см. в книге Dorian Bell, *Globalizing Race: Antisemitism and Empire in French and European Culture*, Evanston: Illinois University Press, 2018. См. также лекцию Сэмюэля Мойна в 2022 году в Карлайле об Арендт и "белой свободе" в его книге *Liberalism Against Itself: Cold War Political Thought and the Making of Our Times*, New Haven: Yale University Press, 2023, и Kathryn T. Gines (теперь Kathryn Sophia Belle), *Hannah Arendt and the Negro Question*, Bloomington: Indiana University Press, 2014.
- 35 Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism*, New York: Harcourt, Brace & Company, 1973 [1951], 404.
- 36 Ibid., 473; Арендт сама вводит некоторые сомнения, когда проницательно заявляет, что именно "эта свобода от содержания их собственных идеологий характеризует высший ранг тоталитарной иерархии". Ibid., 387.
- 37 Эрих Фромм, *Бегство от свободы*, Нью-Йорк: Avon Books, 1969 [1941], 192.
- 38 Герберт Маркузе, "Государство и личность при национал-социализме" [1942], в книге "*Технология, война и фашизм*", 86.
- 39 Вики Якову, "Тоталитаризм как негосударство: On Hannah Arendt's Debt to Franz Neumann", *European Journal of Political Theory* 8: 4, 2009, 435; Bernard E. Harcourt, "Rethinking Capitalism with Franz Neumann, Friedrich Pollock, and the Frankfurt School", *Abolition Democracy*, 17 December 2020, available at blogs.law.columbia.edu.
- 40 Маркузе, "Государство и личность при национал-социализме", 70, 78.
- 41 Там же.
- 42 См. особенно "Исследовательский проект по антисемитизму" 1941 года, составленный Адорно и опубликованный в "*Исследованиях по философии и социальным наукам*", теперь в книге "Теодор В. Адорно, *Звезды спускаются на землю: And Other Essays on the Irrational in Culture*, ed. Stephen Crook, London: Routledge, 1994, 181-217; Герберт Маркузе, *Отрицания: Essays in Critical Theory*, London: Penguin, 1972 [1968], 10.
- 43 Маркузе, "Государство и личность при национал-социализме", 80.
- 44 В качестве бодрящей поправки к здравому противопоставлению фашизма и либерализма, которая политике, проводимой либеральными экономистами после Первой мировой войны Италии и , см. книгу Клары Э. Маттеи "*Порядок капитала: How Economists Invented Austerity and Paved the Way to Fascism*, Chicago: University of Chicago Press, 2022.
- 45 Пьер Дардо, Хауд Геген, Кристиан Лаваль и Пьер Сове, *Гражданская война. Une autre histoire du néolibéralisme*, Montréal: Lux Éditeur, 2021, 292, 293, 21, 49.
- 46 Рут Уилсон Гилмор, "Роковые связи власти и различий: Заметки о расизме и географии", в Gilmore, *Abolition Geography*, 132-53.
- 47 Дальнейшие размышления об антигосударстве см. в Brenna Bhandar and Alberto Toscano, 'Editors' Introduction: Репортажи с оккупированной территории", в Gilmore, *Abolition Geography*, 1-22.
- 48 Рут Уилсон Гилмор и Крейг Гилмор, "Переформулируя очевидное", в *Abolition Geography*, 262.
- 49 Гилмор, *География аболиции*, 144-5.
- 50 Там же, 150-1.
- 51 Negri, *Revolution Retrieved*, 183.
- 52 Яростное противодействие неолиберальных интеллектуалов деколонизации и постколониальному самоопределению в странах третьего мира играет решающую роль в "расовой конституции" неолиберализма. См. Arun Kundnani, 'The Racial Constitution of Neoliberalism', *Race & Class*, 63.1, 2021, 51-69; Robbie Shilliam, 'Enoch Powell: Britain's First Neoliberal Politician', *New Political Economy* 26.2, 2021, 239-49; Lars Cornelissen, 'Neoliberalism and the Racialized Critique of Democracy',

- Constellations* 27, 2020, 348-60; Jessica Whyte, *The Morals of the Market: Human Rights and the Rise of Neoliberalism*, London: Verso, 2019; и Slobodian, 'Anti-'68ers and the Racist- Libertarian Alliance'.
- 53 Стюарт Холл, *Трудный путь к обновлению: Тэтчеризм и кризис левых*, Лондон: Verso, 1988, 56.
- 54 Там же, 71.
- 55 Там же, 190, 146.
- 56 Маркузе, "Государство и личность при национал-социализме", 80.
- 57 Dardot et al., *Le choix de la guerre civile*, 295, 296-7. Юридические и институциональные горизонты конституционализации неолиберализма, похоже, остались за бортом авторитарных либертарианцев, лихорадочно продвигающих ускоренную фрагментацию политических порядков и уничтожение последних следов социал-демократии или даже социального либерализма. См. Куинн Слободян, "Капитализм с треском: Рыночный радикал и мечта о мире без демократии, Нью-Йорк: Metropolitan, 2023. Сочетая в себе силюконовые мечты цезаристских руководителей (Кертис Ярвин) и националистически настроенных белых рабочих (Дж. Д. Вэнс), этот гнойный идеологический кластер, похоже, с удовольствием лавирует между своими глубокими несоответствиями и противоречиями, черпая единство у своего предполагаемого врага - испаряющегося и коварно прогрессирующего элитарного "либерализма" - в бесконечно обновляемых культурных войнах. См. также Джеймс Лог, "Внутри новых правых, где Питер Тиль делает самые большие ставки", *Vanity Fair*, 20 апреля 2022 г.
- 58 Grégoire Chamayou, "1932, la naissance du libéralisme autoritaire", in Carl Schmitt and Hermann Heller, *Du libéralisme autoritaire*, ed. Grégoire Chamayou, Paris: Les Éditions La Découverte/Zones, 2020, 61; см. также его *"Неуправляемое общество: A Genealogy of Authoritarian Liberalism"*, trans. Andrew Brown, Cambridge: Polity, 2021.
- 59 Тони Фицпатрик цитируется в Gilmore, *Abolition Geography*, 279; Ugo Palheta, *La possibilité du fascisme. France, la trajectoire du désastre*, Paris: Les Éditions La Découverte, 2018. См. также мою рецензию на книгу Пальеты "Траектории фашизма", блог *"Исторический материализм"*, 2021.
- 60 Карл Полаanyi, "Фашизм и марксистская терминология", *New Britain*, vol. 3, no. 57 (1934), 128.
- 61 Карл Полаanyi, "Вирус фашизма".
- 62 См. Cornelissen, 'Neoliberalism and the Racialized Critique of Democracy'.
- 63 Дейл и Десиан, "Фашизм", 151. Полаanyi использовал этот термин в своей работе *"Великая трансформация"*, вышедшей в 1944 году.
- 64 Malm and Zetkin Collective, *White Skin, Black Fuel*; David E. Lewis, 'Deconstructing the Administrative State', *The Journal of Politics* 81: 3, 2019, 767-89.

4. Призрак со стальными конечностями

- 1 Цитируется в Marcuse, *Negations*, 3.
- 2 Ален Бадью, *Век*, перевод. Alberto Toscano, Cambridge: Polity, 2007, 102.
- 3 О дебатах по поводу "реальной абстракции" см. мою статью "The Open Secret of Real Abstraction" в книге *"In the Mind But Not From There: Real Abstraction and Contemporary Art"*, ed. Gean Moreno, London: Verso, 2019, 17-41, а другие эссе в этом сборнике. Я собрал свои размышления об этой проблеме в книге *La abstracción real. Filosofía, estética y capital*, Santiago de Chile: Palinodia, 2021. О романтическом антикапитализме и расовой абстракции см. превосходное эссе Ийко Дэя "Желтая чума и романтический антикапитализм", *Monthly Review* 72: 3, 2020, 64-73. Дэй раскапывает антиазиатский "патогенный расизм", проходящий через нарративы ультраправых о Ковиде, опираясь на анализ Мойше Постоне связи между абстракцией и антисемитизмом.

- 4 Альфред Сон-Ретел, *Экономика и классовая структура немецкого фашизма*, перевод. Martin Sohn- Rethel, послесловие Jane Caplan, London: Free Association Books, 1987.
- 5 См. Paul Hanebrink, *A Specter Haunting Europe: The Myth of Judeo-Bolshevism*, Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018.
- 6 Энцо Траверсо, *Истоки нацистского насилия*, перевод. Джанет Ллойд, Нью-Йорк: The New Press, 2003, 139.
- 7 Шапуто, *Закон крови*, 72.
- 8 Цитируется в Ibid., 74. См. также Schmitt, "German Jurisprudence and the Struggle Against the Jewish Spirit", in *The Third Reich Sourcebook*, eds Anson Rabinbach and Sander L. Gilman, Berkeley: University of California Press, 2013, 216-18. Возможно, здесь не лишним будет отметить, насколько эти термины повторяют ориенталистские представления о мусульманине, колеблющемся между фанатичной абстракцией монотеизма пустыни и распущенностью гарема, или же осуждение миллениаризма как энтузиазма к абстрактному и пугающему смещению классов и полов. См. мою книгу *"Фанатизм: On the Uses of an Idea"*, London: Verso, 2017, особенно главу 4.
- 9 Chapoutot, *The Law of Blood*, 74-5.
- 10 Цитаты из Карла Шмитта, приведенные в этом параграфе, взяты из "Национал-социалистической правовой мысли" (1934), в *The Third Reich Sourcebook*, 134-7.
- 11 Здесь можно уловить отпечаток длинной череды контрреволюционной полемики: например, соединение математической абстракции и хаотического смещения в горниле революции - один из ключевых тезисов Эдмунда Берка. См. мой *"Фанатизм"*, "Введение".
- 12 Шапуто, *Закон крови*, 78.
- 13 Там же, 79.
- 14 Юлиус Эвола, "Gli ebrei e la matematica", *La Difesa della razza*, vol. III, n.8, 20 February 1940. О "духовном расизме" Эволы, его противостоянии материализму и эмпиризму биологического расизма и его яростном антисемитизме см. Francesco Cassata, *"La Difesa della razza". Politica, ideologia e immagine del razzismo fascista*, Turin: Einaudi, 2008, 76-92, а также острое и содержательное исследование Франческо Джерминарио *"Razza del Sangue, razza dello Spirito. Julius Evola, l'anti-semitismo e il nazionalsocialismo (1930-1943)"*, Turin: Bollati Boringhieri, 2001.
- 15 Другой член Института, Франц Нойманн, впоследствии станет начальником исследовательского отдела обвинения на Нюрнбергском процессе, в рамках которого Шмитта будет допрашивать его друг и коллега Нойманн. См. Майкл Солтер, "Неофашистская правовая теория под судом: Интерпретация защиты Карла Шмитта в Нюрнберге с точки зрения критической теории права Франца Ноймана", *Res Publica* 5 (1999): 161-94.
- 16 Исследовательский проект по антисемитизму", в Theodor W. Adorno, *The Stars Down to Earth*, 205. Как отмечал Франц Нойманн в *"Бегемоте"*, примерно в то же время "евреи, занимающие преимущественно посреднические позиции, были, так сказать, конкретным проявлением капитализма для старых и новых средних классов... Средний немец не видел и не мог видеть, что еврейские посредники были, по сути, всего лишь посредниками - представителями анонимной власти, которая диктовала им их экономическую деятельность" (122-3).
- 17 Там же, 207.
- 18 Важное размышление об исторической ограниченности взгляда на европейских евреев как на "народ-класс", которому расово приписываются посреднические и циркуляционные функции в капитализме, см. в комментариях Максима Родинсона к классической работе Абрахама Леона *La conception matérialiste de la question juive* (в переводе *"Еврейский вопрос: марксистская интерпретация"*): 'От еврейской нации к еврейской проблеме', в Maxime Rodinson, *Cult, Ghetto, and State: The Persistence of the Jewish Question*, London: Al Saqi Books, 1983, 68-117.
- 19 Там же, 207-8. См. также язвительные замечания Младена Долара о том, что расизм в целом и антисемитизм в частности представляют собой не только "гигантское перемещение", но и "гигантскую конденсацию".

- классовой борьбы, о чем свидетельствует фантастическое сосуществование (буржуазной) абстракции и (пролетарского) отвращения в расистских образах евреев. Младен Долар, "A proposito del fascismo", в *Il politico e l'inconscio*, eds Viktor Fainberg, Rastko Mocand Armando Verdiglione, Venice: Marsilio, 1978, 66-7.
- 20 В этом смысле "Исследовательский проект" соответствует тезису Поллока-Хоркхаймера о государственном или авторитарном капитализме, в отличие от взглядов меньшинства в Институте, а именно Ноймана и Маркузе, которые мы рассмотрели в главе "Фашистская свобода". По мнению Ноймана и Маркузе, нацизм не вышел за рамки конкурентного капитализма и не привел к прочному слиянию экономики и государства при главенстве последнего.
- 21 Там же, 211-13.
- 22 См. "Введение" Лучио Коллетти к "Karl Marx, *Early Writings*", London: Penguin, 1975, где содержатся важные сведения о том, как "О еврейском вопросе" и другие современные работы Маркса очерчивают проблему реальной абстракции через демаркацию между политическим и экономическим.
- 23 Теодор Адорно, Эльза Френкель-Брунsvик, Дэниел Дж. Левинсон и Р. Невитт Сэнфорд, *Авторитарная личность*, вступ. ст. Peter E. Gordon, London: Verso, 2019, lxiii. Замечательное предвосхищение этого тезиса содержится в эссе Адорно об Освальде Шпенглере, написанном в 1941 году. Теодор В. Адорно, "Шпенглер сегодня", *Studies in Philosophy and Social Science* IX (1941), 308.
- 24 См. Альберто Тоскано и Джефф Кинкл, *Картографии Абсолюта*, Винчестер: Zero Books, 2015.
- 25 Адорно и др., *Авторитарная личность*, 665.
- 26 Там же.
- 27 Ibid., 666. См. также пронизательные критические замечания Джиллиан Роуз по вопросу стереотипизации и овеществления у Адорно в книге Gillian Rose, *The Melancholy Science: An Introduction to the Thought of Theodor W. Adorno*, London: Verso, 2014, 108.
- 28 Этот аспект исследовал Мойше Постоне, как отмечает Нил Леви в своем превосходном критическом исследовании "Власть, политика и персонификация: Toward a Critique of Postone's Theory of Antisemitism", готовящемся к публикации в журнале *Historical Materialism*.
- 29 Широкомасштабное и пронизательное "обновление" "*Авторитарной личности*" в свете современной сетевой цифровой коммуникации и ее влияния на политическое поведение см. в Moira Weigel, "The Authoritarian Personality 2.0", *Polity* 54: 1, 2022, 146-80; см. также Jessie Daniels, "The Algorithmic Rise of the 'Alt-Right'", *Contexts* 17: 1, 2018, 60-5.
- 30 Теодор В. Адорно, *Вина и защита: On the Legacies of National Socialism in Postwar Germany*, eds Jeffrey K. Olick and Andrew J. Perrin, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010; Friedrich Pollock, Theodor W. Adorno and collaborators, *Group Experiment and Other Writings: The Frankfurt School on Public Opinion in Postwar Germany*, eds Jeffrey K. Olick and Andrew J. Perrin, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
- 31 Теодор В. Адорно, "Смысл работы над прошлым", в книге *Критические модели: Interventions and Catchwords*, trans. Henry W. Pickford, introd. Lydia Goehr, New York, NY: Columbia University Press, 2005, 90.
- 32 Там же, 344.
- 33 Там же, 98-9. См. также мое обсуждение в главе 1 эссе Адорно 1951 года о фрейдистской теории и фашизме.
- 34 Теодор В. Адорно, *Аспекты нового правого экстремизма*, перевод. Wieland Hoban, Cambridge: Polity, 2020.
- 35 Гутерман сам находился на задворках Института, а Лефевр написал рецензию для его журнала *Zeitschrift*. ли они познакомиться с идеями Сон-Ретеля и каким образом - вопрос для будущего детектива.

- 36 Норберт Гутерман и Анри Лефевр, *La conscience mystifiée. Suivi de Henri Lefebvre, La Conscience privée*, Paris: Syllepse, 1999, 176.
- 37 См. мою статью "Наблюдения над капиталистическим фольклором", журнал *Viewpoint*, 24 апреля 2019 г.
- 38 Там же, 180.
- 39 Там же, 181.
- 40 Там же, 140.
- 41 Там же, 173.
- 42 Там же, 170.
- 43 См. в частности сially Jean-Joseph Goux, *Symbolic Economies: После Маркса и Фрейда*, перевод. Jennifer Curtiss Gage, Ithaca: Cornell University Press, 1990, и Marc Shell, *Money, Language, Thought: Литературная и философская экономика от средневековья до современности*, Балтимор: Johns Hopkins University Press, 1993.
- 44 Гутерман и Лефевр, *Совесть мистифицированная*, 92.
- 45 Там же, 108.
- 46 Там же, 137, 171.
- 47 Там же, 157.
- 48 Там же, 163.
- 49 Там же, 141.

5. Устремляясь вперед в прошлое

- 1 Карл Поланьи, "Вирус фашизма", н.д. [черновая рукопись 1930-х годов], kpolanyi.scoolaid.net:8080/xmlui/handle/10694/658; Гарри Арутюнян, "Будущее фашизма", *Радикальная философия* 136, 2006, 32.
- 2 Гарри Арутюнян, "Фашизм для нашего времени", *The Massachusetts Review*, 6 января 2021 г., massreview.org. О понимании Леви фашизма и его последствий см. мое послесловие к графическому роману Маттео Матрагостино и Алессандро Рангиаски *"Примо Леви" (Primo Levi, trans. А. Тоскано, Торонто: Between the Lines Books, 2021.*
- 3 Джефф Элей, "Что такое фашизм и откуда он взялся?", *History Work Shop Journal* 91, 2021, 6, 1, 15-16.
- 4 Там же, 8.
- 5 Ibid., 7, 15-19; см. также Geoff Eley, "What Produces Fascism: Доиндустриальные традиции или кризис капиталистического государства", *Politics & Society* 12: 1, 1983, 53-82.
- 6 Райнхарт Козеллек, "Кризис", *Journal of the History of Ideas* 67: 2, 2006, 361; Райнхарт Козеллек, "Некоторые вопросы концептуальной истории "кризиса"", в книге *"Практика концептуальной истории: Timing History, Spacing Concepts*, trans. Todd Presner, Kerstin Behnke, and Jobst Welge, Stanford: Stanford University Press, 2002, 244.
- 7 По словам Роджера Гриффина, "аффективное сердце родового фашизма было оживлено чувством, что происходит сейсмический, элементарный процесс ультранационалистического палингенеза, навсегда сметающий декаданс, так что фашисты чувствовали, стоят на новой эры, свидетелями нового рассвета, из которого появится новый мужчина (сопровождении новой фашистской женщины), новая или возрожденная империя, новая цивилизация, которая возродит нацию, расу или даже Запад в целом". Роджер Гриффин, "Исправление решений: Fascist Temporalities as Remedies for Liquid Modernity", *Journal of Modern European History* 13: 1, 2015, 17; см. также, в том же номере, Claudio Fogu, "The Fascist Stylisation of Time", 98-114.
- 8 Арутюнян, "Будущее фашизма", 25.

- 9 Анри Лефевр, *Национализм против наций*, изд. Мишель Требич, Париж: Méridiens- Klincksieck, 1988, 154.
- 10 Там же, 155.
- 11 Там же, 157.
- 12 Питер Осборн, *Политика времени: современность и авангард*, Лондон: Verso, 1995, 164-5.
- 13 Griffin, 'Fixing Solutions', 15 и 16. К предложению Гриффина стоит прислушаться: "некоторые ученые могли с пользой потратить усилия на более анализ взаимосвязи между популярностью (или ее отсутствием) конкретных мифов о возрождении и вечности, лежащих в основе каждого фашистского проекта, и конкретным временным кризисом, который переживала каждая нация в межвоенный период" (21). См. также Роджер Гриффин, *"Модернизм и фашизм: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler"*, Basingstoke: Palgrave, 2007.
- 14 Osborne, *The Politics of Time*, 163.
- 15 Там же, 167.
- 16 Там же, 169.
- 17 Карл Лёвит, "Политические последствия экзистенциализма Хайдеггера" [1946], в *The Heidegger Controversy: A Critical Reader*, ed. Richard Wolin, New York: Columbia University Press, 1991.
- 18 Osborne, *The Politics of Time*, 172-3.
- 19 Мартин Хайдеггер, *Гераклит: Зарождение окцидентального мышления и логики: Heraclitus's Doctrine of the Logos*, trans. Julia Goesser Assaiane and S. Montgomery Ewegen, London: Bloomsbury, 2018, 135. *Being* - архаичное написание *бытия*, как и *Sein*, которым поздний Хайдеггер заменил *Sein*.
- 20 Для уточнения терминологии см. Jan Slaby, "Ontic (*Ontisch*)", в *The Cambridge Heidegger Lexicon*, ed. Mark A. Wrathall, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, 542: "Онтическое касается конкретных свойств и характеристик сущности, в отличие от онтологического, которое относится к конкретному способу, которым сущность определенного вида обладает своими характеристиками". Ранний и средний Хайдеггер проводит центральное различие между онтическим (*ontisch*) и онтологическим (*ontologisch*), поскольку его основополагающий шаг состоит в том, чтобы концептуально отделить сущности (*Seiendes*) от бытия (*Sein*).
Уильям
H. F. Altman, *Martin Heidegger and the First World War: Being and Time as Funeral Oration*, Lanham: Lexington Books, 2012.
- 21 Мартин Хайдеггер, "Речь о воссоединении", в Альтман, *Мартин Хайдеггер и Первая мировая война*, 288.
- 22 Есть интересные резонансы между речью Хайдеггера на встрече выпускников и статьей Карла Шмитта 1934 года, превозносящей юридическое превосходство Гитлера после "Ночи длинных ножей". См. Carl Schmitt, "The Führer Protects the Law: О речи Адольфа Гитлера в Рейхстаге от 13 июля 1934 года", в *The Third Reich Sourcebook*, 64, 66.
- 23 Альтман, *Мартин Хайдеггер и Первая мировая война*, 288.
- 24 Хайдеггер, "Речь о воссоединении", 290.
- 25 См. Domenico Losurdo, *Heidegger and the Ideology of War: Community, Death, and the West*, trans. Marella and Jon Morris, Amherst, NY: Humanity Books, 2001.
- 26 Цитируется в Altman, *Martin Heidegger and the First World War*, 186-7.
- 27 Альтман, *Мартин Хайдеггер и Первая мировая война*, 192-3.
- 28 Гриффин, "Исправляя решения", 18.
- 29 Пьер Бурдьё, *Политическая онтология Мартина Хайдеггера*, перевод. Питер Кольер, Стэнфорд: Stanford University Press, 1991, 62-3.
- 30 Osborne, *The Politics of Time*, 174. Вспомним также язвительное замечание вьетнамского философа Тхань Дык Тхао: "В процессе разложения буржуазного общества, вызванного безжалостностью империалистической монополии, лозунг "свобода на пути к смерти" был предложен разорившейся мелкой буржуазии в качестве окончательного оправдания ее положения мелкой буржуазии". *Феноменология*

и диалектический материализм, перевод. Дэниел Дж. Хеннан и Дональд В. Морано, изд. Роберт С. Козн, Дордрехт: D. Reidel, 1986 [1951], xxviii.

- 31 Кодзин Каратани, "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", в книге "История и повторение", изд. Seiji M. Lippett, New York: Columbia University Press, 2004, 2. См. также "Буддизм и фашизм" в том же томе.
- 32 Каратани, "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", 15.
- 33 Там же, 16, 10.
- 34 О фашистском стиле "создания истории" см. работу Фогу "Фашистская стилизация времени". Фогу приводит замечательный ответ Муссолини в 1929 году на критику Бенедетто Кроче по поводу Конкордата с Ватиканом: "Неудивительно, господа, если рядом с халтурщиками войны мы находим *халтурщиков истории*, которые, не сумев - по многим причинам и, возможно, из-за своего творческого бессилия - произвести событие, то есть сделать историю до ее написания, впоследствии мстят, умаляя ее без объективности и стыда" (выделено мной). Противопоставьте волюнтаризм Муссолини и пропитанное судьбой видение Гитлера из предвыборной речи 1933 года: "В конечном счете безразлично, какой процент немецкого народа войдет в историю. Единственное, что имеет значение, - это то, что именно мы будем последними, кто будет творить историю Германии". Цитируется по книге: Reinhart Koselleck, *Futures Past: О семантике исторического времени*, перевод и вступление. Keith Tribe, New York: Columbia University Press, 2004, 203.
- 35 Арутюнян, "Фашизм нашего времени", 27.
- 36 См. мою статью "Капитализм без капитализма. Фашизм по ", *Res Pública. Revista de Historia de las Ideas Políticas* 23: 3, 2020, 365-73.
- 37 См. Peter Trawny, *Heidegger & the Myth of a Jewish World Conspiracy*, trans. Эндрю Дж. Митчелл, Чикаго: University of Chicago Press, 2015.
- 38 Арутюнян, "Будущее фашизма", 28.
- 39 Mosse, *The Fascist Revolution*, 36.
- 40 Бенито Муссолини, "Relativismo e fascismo", *Il Popolo d'Italia* 279, 22 ноября 1921 г., 8.
- 41 Роберто Шварц, 'Neo-Backwardness in Bolsonaro's Brazil', *New Left Review* 123, 2020, 25-38.
- 42 Интересную исследовательскую гипотезу, которая опирается на лакановский психоанализ для объяснения этого сверхструктурного избытка, см. в Dolar, "A proposito del fascismo". Долар предполагает, что "фашизм - это форма социального воспроизводства, при которой выживание и утверждение *социального господства монополистического капитала* становится возможным благодаря обещанию *воображаемого господства в области механизмов означающего*" (69).
- 43 Хотя я признаю, что "гендерная идеология" - это реакционная конструкция и мем, в отличие от критической расовой теории, которая традицией освободительной научной работы, я пишу "критическая расовая теория" в кавычках, чтобы показать, что ультраправые США превратили ее в заговорщический гопник, который должен быть удален силой закона со всех уровней системы образования.
- 44 Миккель Болт Расмуссен, *Поздний капиталистический фашизм*, Кембридж: Polity, 2022.
- 45 Фредрик Джеймсон, *Басни об агрессии: Уиндем Льюис, модернист как фашист*, Лондон: Verso, 2008 [1979], 15.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 Джордж Л. Мосс, *Фашистская революция: Toward a General Theory of Fascism*, Madison: The University of Wisconsin Press, 2021 [1999], 110. Вспомним также меткие размышления Козеллека о склонности Гитлера к "самоультимату" как об определении нацистской политики, "проводимой под принуждением ускорения, которое находилось в обратном отношении к пространствам времени и к вечности, от имени которой он утверждал, что действует". Koselleck, *Futures Past*, 203.

6. Идеи без слов

- 1 На сегодняшний день переведены три его книги: Furio Jesi, *Spartakus*, introd. Andrea Cavalletti, trans. Alberto Toscano, Calcutta: Seagull, 2013; *Secret Germany: Myth in Twentieth-Century German Culture*, introd. Andrea Cavalletti, trans. Ричард Брауде, Калькутта: Seagull, 2021; и *Time and Festivity: Эссе о мифе и литературе*, ред. Андреа Каваллетти, перевод. Кристина Вити, Калькутта: Seagull, 2021. См. также специальный выпуск журнала *Theory & Event*, посвященный творчеству Джеси: *Theory & Event* 22: 4, 2019.
- 2 Об Эволе, Фреде и теориях послевоенных радикальных правых в Италии см. Francesco Germinario, *Tradizione, mito, storia. La cultura politica della destra radicale e i suoi teorici*, Rome: Edizioni Carocci, 2014.
- 3 Фурио Джеси, *Культура судьбы. Con tre inediti e un'intervista*, ed. Андреа Каваллетти, Рим: Nottetempo, 2011. 287. О Джеси и правой культуре см. также Андреа Каваллетти, "Уничтожить культуру правого крыла", *Ill Will*, 2 июня 2021 г.; Энрико Манера, Ву Минг 1 и Джулиано Санторо, "Il più odiato dai fascisti. Conversazione su Furio Jesi", *Giap*, 15 January 2013, wumingfoundation.com; Enrico Manera, 'Myth and Right-wing Culture in Furio Jesi', *Theory & Event* 22: 4, 2019, 1069-81; Kieran Aarons, 'Genealogy of Far-Right Accelerationism', in *Pólemos. Materiali di filosofia e critica sociale 1/2022 - Furio Jesi: Mitopolitica*, eds Emanuele E. Pelilli and James R. Martel, Rome: Donzelli, 2023, 261-94.
- 4 Освальд Шпенглер, *Час решения, часть I: Германия и всемирно-историческая революция*, перевод. Чарльз Фрэнсис Аткинсон, Лондон: George Allen & Unwin, 1934, xiii. В оригинале читается: 'Was wir von unseren Vätern her im Blute haben, Ideen ohne Worte, ist allein das, was der Zukunft Beständigkeit verspricht.' Книгу Шпенглера теперь можно найти в издательстве Rogue Scholars Press, распространяющем различные тексты Мисимы, Селина, Юнгера и более современные и деградирующие вещи, такие как псевдо-ницшеанский провокатор "Извращенец бронзового века".
- 5 Jesi, *Cultura di destra*, 25.
- 6 Там же. Феррарези цитирует "Степного волка" Германа Гессе 1928 года, размышляя о том, что немецкие интеллектуалы "все мечтают о речи без слов, которая произносит невыразимое и придает форму бесформенному". Франко Феррарези, *Угрозы демократии: Радикальные правые в Италии после войны*, Принстон: Princeton University Press, 1992, 261n1. О желании нацистов очистить язык, чтобы извлечь "образы, скрытые под словами", см. Michaud, *The Cult of Art in Nazi Germany*, 171. Диагноз фашизма как слов без идей "фабрики пустоты", см. в статье Franco Venturi, "Il regime fascista", in *Trent'anni di storia italiana (1915-1945). Lezioni con testimonianze presentate da Franco Antonicelli*, Turin: Einaudi, 1961.
- 7 Jesi, *Cultura di destra*, 26.
- 8 Там же, 28. В интервью, посвященном изданию "Упадка Шпенглера", Йези замечает, что мифологическая машина функционирует одинаково хорошо как слева, так и справа, "и с одинаковым ритмом". Однако правые проявляют гораздо меньше самоцензуры в этой области, что порождает "чрезвычайно разнообразный и артикулированный набор выставок, размышлений и манипуляций; комплекс свидетельств, более глубоких и дифференцированных, чем те, которые можно найти у "левых", относительно функционирования мифологической машины". Furio Jesi, "Microscopio e binocolo sulla cultura di destra. Furio Jesi sul libro di Spengler", *L'Ora* (Palermo), 7 September 1978.
- 9 Furio Jesi, "Introduzione", in Oswald Spengler, *Il Tramonto dell'Occidente. Lineamenti di una morfologia della storia mondiale*, eds Rita Calabrese Conte, Margherita Cottone and Furio Jesi, introd. Furio Jesi, trans. Юлиус Эвола, Милан: Longanesi & C., 1978, xviii.
- 10 О Бахофене см. также Furio Jesi, *Mito*, Milan: ISEDI, 1973 (переизд. Турин: Aragno, 2008), и *Бахофен*, ред. Андреа Каваллетти, Турин: Bollati Boringhieri, 2005.

- 11 Jesi, "Introduzione", in *Il Tramonto dell'Occidente*, xxv.
- 12 Там же, xxv.
- 13 Там же, xxxi.
- 14 Освальд Шпенглер, *Человек и техника: A Contribution to a Philosophy of Life*, trans. Чарльз Фрэнсис Аткинсон, Лондон: George Allen & Unwin, 1931, 104.
- 15 Cesare Pavese, *Il Tacchino segreto*, ed. Франческа Бельвизо, Турин: Nino Aragno, 2020. Секретная записная книжка Павезе была впервые опубликована туринской газетой *La Stampa* 8 августа 1990 года, вызвав много споров и недоумения в итальянской культурной левой.
- 16 Jesi, *Cultura di destra*, 159.
- 17 Furio Jesi, *Letteratura e mito*, Turin: Einaudi, 1968; новое изд. с предисл. Andrea Cavalletti, Turin: Einaudi, 2002, 175.
- 18 Там же, 166.
- 19 Jesi, *Cultura di destra*, 91, 97, 93. Есть интересные резонансы между рассказом Джеси и исследованием Джека Братича о "гоми-суицидальном" измерении современной ультраправой культуры в книге Bratich, *On Microfascism*.
- 20 Там же, 91.
- 21 См. запись от 6 июня 1979 года в Мирча Элиаде, *Дневник, IV: 1979-1985*, перевод. Mac Linscott Ricketts, Chicago: University of Chicago Press, 2018; о работе Йези над Элиаде см. Mircea Eliade, *Lo yoga. Immortalità e libertà*, ed. Furio Jesi, trans. Giorgio Pagliaro, Milan: Rizzoli, 1973. О продолжающейся дискуссии об Элиаде и фашизме см. Philip Ó Ceallaigh, Bryan Rennie, 'Mircea Eliade and Anti-Semitism', *Los Angeles Review of Books*, 13 September 2018; также Mark Weitzman, "One Knows the Tree by the Fruit That It Bears:". Влияние Мирчи Элиаде на современную ультраправую идеологию", *Religions* 11, 2020, mdpi.com.
- 22 Мирча Элиаде, "Мастер Маноле и монастырь Аргес", в книге *"Залмоксис, исчезнувший бог"*, перевод. Willard R. Trask, Chicago: University of Chicago Press, 1972, 183-4.
- 23 Jesi, *Cultura di destra*, 73.
- 24 Там же, 74.
- 25 Там же, 136.
- 26 Одна из речей была публичной, другая - произнесена в масонской ложе Чироне, таким образом, четко разделяя эзотерику и экзотерику. Как отмечает Ингрид Роуланд, Бруно Йези, еврейский отец Фурио, получил статус арийца на основании своей военной службы в качестве кавалерийского офицера во время вторжения в Эфиопию и умер в 1943 году от ран, полученных в бою. Несмотря на автобиографические аспекты *"Культуры"*, особенно в ее внимании к еврейскому фашистскому окружению и языковому габитусу туринской буржуазии, откуда был родом Джеси, колониальное измерение фашизма остается практически не затронутым. См. Ingrid D. Rowland, 'Furio Jesi and the Culture of the Right', in *History of the Humanities III: The Modern Humanities*, eds Rens Bod, Jaap Maat, and Thijs Weststeijn, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2014, 293-310.
- 27 Jesi, *Cultura di destra*, 213.
- 28 Там же, 157.
- 29 Йези неоднократно использовал идею Кереньи о "технизированном мифе", отказываясь при этом от понятия подлинного мифа как аналога. См. Károly Kerényi, "Dal mito genuino al mito tecnicizzato", in *Tecnica e casistica: tecnica, escatologia e casistica (Colloquio di Roma, 7-12 gennaio 1964)*, ed. Энрико Кастелли, Рим: CEDAM, 1964, 153-68.
- 30 Jesi, *Cultura di destra*, 164.
- 31 Там же, 166.
- 32 Там же, 165.
- 33 Там же, 208.
- 34 Там же, 211.

- 35 Там же, 218.
- 36 См. Братич, "О микрофашизме".
- 37 Шпенглер писал Корхеру в 1926 году, что "до сих пор я не читал ничего, что могло бы дополнить и углубить предложение в моей книге до такого знания и понимания". Освальд Шпенглер, *Письма: 1913-1936*, ed. and trans. Arthur Helps, London: George Allen & Unwin, 1966, 203. См. также Richard Korherr, *Regresso delle nascite: morte dei popoli*, pref. Oswald Spengler and Benito Mussolini, Roma: Libreria del Littorio, 1928. О "навязчиво-демографическом *Weltanschauung*" Муссолини см. язвительные размышления в Maria Antonietta Macciocchi, *La donna 'nera. 'Consenso' femminile e fascismo*, Milan: Feltrinelli, 1976, 75-82.
- 38 При этом Шпенглер считал эфиопскую войну "злой авантюрой" (*Letters*, 305). влиянии шпенглеровской концепции цезаризма на Муссолини см. Renzo De Felice, *Mussolini il duce. 1. Gli anni del consenso. 1929-1936*, Turin: Einaudi, 1974.
- 39 См. Chetan Bhatt, "White Extinction: Метафизические элементы современного западного фашизма", *Theory, Culture & Society* 20: 1, 2021, 27-52.
- 40 Мне не удалось найти никаких записей об этом событии.
- 41 Иоганн Шапуто, *Греки, римляне, немцы: Как нацисты узурпировали классическое прошлое Европы*, перевод. Richard R. Nybakken, Oakland: University of California Press, 2016, 325-6.

7. Соборы эротических страданий

- 1 Одна из секций, ныне утраченная, в ганновском Мерцбау [художника-авангардиста Курта Швиттерса] называлась "Собор эротических страданий" - шаткий памятник, в котором в различных "гротах" хранились маленькие сувениры, выпрошенные или украденные у друзей, таких как Ханна Хёх, а также "маленькая круглая бутылочка с моей мочой" и фотографии общественных деятелей, включая Гинденбурга и Муссолини. Хэл Фостер, "Каждый может сделать коллаж", *London Review of Books*, 10 марта 2022 года.
- 2 Цитируется в Chapoutot, *The Law of Blood*, 230.
- 3 Джудит Батлер, "Почему идея "гендера" вызывает ответную реакцию во всем мире?", *The Guardian*, 23 октября 2021 г.
- 4 Мишель Фуко, "Шизо-культура: О тюрьмах и психиатрии", в книге *"Фуко жив: Collected Interviews, 1961-1984"*, ed. Сильвер Лотринджер, перевод. Lysa Hochroth and John Johnston, New York: Semiotext(e), 1996 [1989], 179. другом контексте Фуко также размышлял о том, что отсутствие "гигантских теней фашизма и сталинизма" и "политической тревоги", которую они вызывают в современных обществах, его собственные исследования промежутков власти не приобрели бы того "направления и интенсивности", которые они приобрели. См. Фуко, "Конец монархии секса", в книге *"Фуко жив"*, 221.
- 5 См. Альберто Тоскано, "Нетерпимое расследование: Документы Группы информации тюрьмах", *Viewpoint Magazine*, 25 сентября 2013 г.
- 6 Там же, 169, 174.
- 7 Фуко, "Сад: Сержант секса", в *Foucault Live*, 188. То, что Фуко эротическое обрамление нацизма, во многом переключается с замечаниями Примо Леви о нацистском кино газетной статье 1977 года. См. Примо Леви, "Фильмы и свастики", в *"Полном собрании сочинений Примо Леви"*, изд. Энн Голдштейн, Liverlight: New York, 2015.
- 8 Фуко, *"Фуко жив"*, 189.
- 9 Там же.
- 10 Джорди Розенберг, "Диалектика папы", *Los Angeles Review of Books*, 11 марта 2018 г.
- 11 Фуко, "Предисловие", в Жиль Делез и Феликс Гваттари, *Анти-Эдип: Capitalism and Schizophrenia*, trans. Robert Hurley et al., New York: Viking, 1977, xiii.

- Возникнув из той же идеологической конъюнктуры, эта попытка рефлексивно исследовать
- 12 повседневный или микрофашизм следует отличать от дискурса "левого фашизма". (*Linksfaschismus*), озвученная такими людьми, как Юрген Хабермас, в ответ на радикальные и вооруженные движения 1970-х годов.
 - 13 Цитируется в Robin D. G. Kelley, *Freedom Dreams*, 147.
 - 14 Феликс Гваттари, "Я - похититель идей", в книге *"Мягкие диверсии: Texts and Interviews, 1977-1985"*, ed. Сильвер Лотринджер, перевод. Chet Wiener and Emily Wittman, introd. Чарльз Дж. Стивейл, Нью-Йорк: Semiotext(e), 2009, 31. Более раннюю версию этого же аргумента см. у Гваттари: "Желание - это власть, власть - это желание: ответы на конференции по шизокультуре", в сборнике: *Chaosophy: Texts and Interviews, 1972-1977*, ed. Sylvère Lotringer, trans. David L. Sweet, Jarred Becker, and Taylor Adkins, introd. Франсуа Доссе, Нью-Йорк: Semiotext(e), 2009, 287. Гваттари видит эту микрополитическую перспективу фашизма в замечании Даниэля Герена о том, что немецкий и итальянский межвоенный капитализм не хотел "лишать себя этого несравненного, незаменимого средства проникновения во все ячейки общества организации фашистских масс". Цитируется в Guattari, 'Everybody Wants to be a Fascist', в *Chaosophy*, 165.
 - 15 Гваттари, "Освобождение желания", в *"Мягких субверсиях"*, 152.
 - 16 Гваттари, "Все хотят быть фашистами", в *Хаософия*, 164.
 - 17 Там же, 171. Микрополитика желания означает, что отныне мы не позволим ни одной фашистской формуле, в каком бы масштабе она ни , в том числе в масштабе семьи или даже в масштабе нашей личной экономики" (166).
 - 18 Жиль Делез и Мишель Фуко, "Интеллектуалы и власть", в книге *"Фуко жив"*, 80.
 - 19 Фуко, "Кино и народная память", в книге *"Фуко жив"*, 127, 129. Наблюдения Фуко полезно сравнить с позицией, занятой в отношении сексуализации нацизма в примерно современной статье Сьюзен Сонтаг "Очаровательный фашизм", *New York Review of Books*, 6 февраля 1975 года.
 - 20 Там же, 128.
 - 21 Там же, 128-9.
 - 22 Гваттари, "Все хотят быть фашистами", 168. Гваттари также отображает "мутацию нового механизма желания в массах" на специфику их инвестиций в "стиль Гитлера", который сочетает в себе плебейские и военные элементы, "гибкость лавочника" в переговорах с крупным бизнесом и "расистский бред", способный запечатлеть "коллективный инстинкт смерти, выпущенный из чертогов Первой мировой войны" (165-6).
 - 23 См. язвительный комментарий к проекту Твелейта в "Предисловии" Барбары Эренрайх к книге "Клаус Твелейт, *мужские фантазии, том 1 - История женских тел*, перев. Стивен Конвей с Эрикой Картер и Крисом Тернером, Миннеаполис: University of Minnesota Press, 1987, ix-xvii. Яркую попытку применить метод Твелейта см. в архивном эссе Джонатана Литтелла о бельгийском фашисте Леоне Дегрелле *"Le sec et l'humide. Une brève incursion en territoire fasciste"*, Paris: Gallimard, 2008. Литтелл проникательно отмечает, вслед за Твелейтом, что для фашиста метафора (как и феминизированный коммунистический "потоп") "никогда не является *только* метафорой (отсюда и невероятная эффективность фашистских метафор)" (29).
 - 24 Блестящее раннее исследование немецкой генеалогии мужских ассоциаций и их роли в фёлькиш и нацистской политике см. в книге Ханса Майера "Ритуалы политических ассоциаций в Германии романтического периода", в *"Колледже социологии" (1937-1939)*, изд. Denis Hollier, trans. Бетси Винг, Миннеаполис: University of Minnesota Press, 1988, 262-78. О *бунд-форме* в донацистских немецких националистических правых см. также George L. Mosse, *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*, New York: Grosset & Dunlap, 1964, 204-17. Именно на уровне связи между либидо и организацией политических групп, а не на чисто психоаналитическом, лучше всего рассматривать сложный вопрос о привлекательности фашизма для некоторых гомосексуальных интеллектуалов и элит - несмотря на его яростную гомофобию. См.

- например, Джордж Л. Мосс, "О гомосексуальности и французском фашизме", в *"Фашистской революции": Toward a General Theory of Fascism*, Madison: University of Wisconsin Press, 2022, 139-44. Об ограниченной способности критических теорий фашизма противостоять гомосексуальности и квиру см. Bruce Baum, "Queering Critical Theory: Re-Visiting the Early Frankfurt School on Homosexuality and Critique", *Berlin Journal of Critical Theory* 5: 2, 2021, 5-67.
- 25 Bratich, *On Microfascism*, 52. См. также Энсон Рабинбах и Джессика Бенджамин, "Предисловие", Клаус Твелейт, *Мужские фантазии, том 2 - Мужские тела: Psychoanalyzing the White Terror*, trans. Эрика Картер и Крис Тернер со Стивеном Конвеем, Миннеаполис: University of Minnesota Press, 1989 xvii. Как отмечают Рабинбах и Бенджамин: "Твелейта интересует не "идеология" как репрезентация реальности, а символическое конструирование другого как механизм самосогласования" (xxii).
 - 26 Братич, *О микрофашизме*, 30.
 - 27 Материалы семинара собраны в двух томах под названием *Eléments pour une analyse du fascisme. Séminaire de Maria-A. Macciocchi: Paris VIII - Vincennes 1975/1975*, Paris: UGE, 1976.
 - 28 Маччиокки подробно рассказывает об этом столкновении в послесловии ко второму тому *"Eléments"*. Через несколько лет Наташа Михель опубликовала полемический памфлет против Маччиокки: *Contre M.A. Macciocchi: contribution à la critique d'une nouvelle branche de la science, la raciologie politique*, Marseille: Ed. Potémkine, 1978. Groupe foudre была ответвлением UCFML, маоистской группы, сооснователями которой были Мишель, Сильвен Лазар и Ален Бадью.
 - 29 Maria Antonietta Macciocchi, 'Les femmes et la traversée du fascisme', in *Eléments pour une analyse du fascisme*, vol. 1, 128-278; Macciocchi, *La donna 'nera'*; Macciocchi, 'Female Sexuality in Fascist Ideology', *Feminist Review* 1: 1, 1979: 67-82. Проницательный обзор дебатов о женщинах и фашизме, затрагивающий Маччиокки, а феминистский антифашизм 1970-х годов Великобритании (Women and Fascism Study Group, Big Flame, Rock Against Sexism), см. в David Renton, 'Women and Fascism: A Critique', *Socialist History* 20, 2001, 72-83.
 - 30 Macciocchi, *La donna 'nera'*, 19.
 - 31 Macciocchi, 'Female Sexuality in Fascist Ideology', 80.
 - 32 Там же, 69. Как отмечает Маччиокки: "Фашизм приходит на помощь церковным стражам. Ему это удается благодаря покорности женщин, чьи инстинкты он может направить в русло своего рода нового религиозного пыла" (68).
 - 33 Ibid., 70. О связи между феминизированной некрофилией и сексуализированным поклонением Муссолини см. также Carlo Emilio Gadda, *Eros e Priapo. Versione originale*, eds Paola Italia and Giorgio Pinotti, Milan: Adelphi, 2016, 93, 108, 237.
 - 34 Macciocchi, 'Female Sexuality in Fascist Ideology', 73.
 - 35 Джейн Каплан, "Введение в женскую сексуальность в фашистской идеологии", *Феминистское обозрение* 1.1 (1979), 62. И Муссолини, и Гитлер следовали толп-психологии Гюстава Ле Бона, постоянно представляя массу как "женскую" (иррациональную, истеричную, эмоциональную, желающую подчинения и т. д.), когда они не думали о ней как о пассивном материале для лепки вождя-художника.
 - 36 Там же, 61-2.
 - 37 Там же, 65.
 - 38 Macciocchi, 'Female Sexuality in Fascist Ideology', 75.
 - 39 Дагмар Херцог, *Секс после фашизма: Memory and Morality in Twentieth -Century Germany*, Princeton: Princeton University Press, 2005. Я благодарен Куинн Слободян за то, что она направила меня к работе Херцог. См. также убедительный критический обзор литературы по этому вопросу: Ishay Landa, "The Wandering Womb: Фашизм и гендер", в книге *"Фашизм и массы: The Revolt Against the Last Humans, 1848-1945*, London: Routledge, 2018, 320-53.
 - 40 Твелейт, *Мужские фантазии, том 2*, 7.

- 41 Там же, 259.
- 42 Как заявил идеолог "крови и почвы" и нацистский министр продовольствия и сельского хозяйства Рихард Вальтер Дарре: "Нордическая раса всегда считала чуждым любое отрицание тела. Только когда на Востоке возникла огромная тень аскетизма, враждебного красоте, это спровоцировало затмение культуры в античности". Цитируется по книге Иоганна Шапуто *"Греки, римляне, немцы: How the Nazis Usurped Europe's Classical Past"*, Berkeley: University of California Press, 2016, 181.
- 43 Тим Мейсон, "Женщины в Германии, 1925-1940", в книге *"Нацизм, фашизм и рабочий класс"*, изд. Джейн Каплан, Кембридж: Cambridge University Press, 1995, 192.
- 44 Ibid., 206. Можно добавить, что самое леденящее душу изображение сексуальной жизни фашизма искать не в *"Ильзе, волчице СС"* и ей подобных, а в частных снимках безмятежной и довольной семейной жизни в офицерских кварталах лагерей уничтожения.
- 45 Macciocchi, 'Female Sexuality in Fascist Ideology', 67.
- 46 Там же, 81; Macciocchi, *La donna 'nera'*, 21.
- 47 Робин Мараско, "Пересмотр сексуальной политики фашизма", *Исторический материализм* (блог), 25 июня 2021 г.
- 48 Там же. Этот женский антифеминизм следует связать с неофашистским захватом распада нуклеарной семьи, о котором пишет Розенберг в "Диалектике папы": "Семья, попросту говоря, раскалывается под тяжестью того, что ей приходится восполнять за счет сокращения государственных ресурсов в условиях жесткой экономии". Современный неофашизм пожинает плоды этого расщепления - семейного распада, который, подобно разрушающейся звезде, испускает хаос энергии, когда его всасывают в небытие". Обратите внимание, что неофашизм здесь не претендует на моральное превосходство. Напротив, он *радуется своей извращенности*".
- 49 Льюис и Сересин предполагают, что "в архивах ультраправого крыла по защите прав женщин прослеживается своего рода Эрос: Он кажется нам ощутимым в удовольствии, которое люди получают от осуществления материнского авторитаризма, в эйфории мировоззрения "женственность как страдание", в раненой привязанности, лежащей в основе однополого цис-сепаратизма... В глазах участниц евгенического феминизма есть возбужденная, жертвенная обреченность, которая сопутствует состоянию так называемых женщин-рожиц." Софи Льюис и Аса Сересин, "Фашистский феминизм: Диалог", *Transgender Studies Quarterly* 9: 3, 2022, 464, 469-70.
- 50 Как сказал в 1980-х годах художник и активист борьбы со СПИДом Дэвид Войнарович по поводу попыток сенатора-республиканца Джесси Хелмса заблокировать федеральное финансирование любых программ, упоминающих гомосексуальность: "Фашисты в консервативной одежде взобрались на Хелмса и проехали на нем по основам Конституции". *Close to the Knives: A Memoir of Disintegration*, London: Serpent's Tail, 1992, 129.
- 51 Наташа Чанг, *Женщина в кризисе: Политика тела и современная женщина в фашистской Италии*, Торонто: University of Toronto Press, 2015. Обсуждается в Serena Bassi and Greta LaFleur, 'Introduction: TERFS, Gender-Critical Movements, and Postfascist Feminisms', *TSQ: Transgender Studies Quarterly* 9: 3, 2022, 315.
- 52 Кара Даггетт, "Петромаскулинность: Ископаемое топливо и авторитарные желания", *Миллениум: Journal of International Studies* 47: 1, 2018, 44. О психологической расплате за ископаемый авторитаризм см. также Malm and Zetkin Collective, *White Skin, Black Fuel*.
- 53 Клаус Твелейт, "Послесловие", в Littell, *Le sec et l'humide*, 124. Среди институтов упомянутых Твелейтом через Ригоберту Менчу, - латиноамериканские "эскадроны смерти", в которых проявляется одна из универсальных черт телесного фашизма, анализируемого Твелейтом, а именно "санкционированная трансгрессия к преступлению, которая проявляет себя в то же время, когда ее осуществляют" (124).
- 54 О квир-антифашизме см. Rosa Hamilton, "The Very Quintessence of Persecution: Queer Anti-Fascism in 1970s Europe", *Radical History Review* 138, 2020, 60-81.
- 55 Басси и Лафлер, "Введение: TERFS, гендерно-критические движения и постфашистский феминизм", *TSQ: Transgender Studies Quarterly* 9: 3, 318. См. также попытку раскопать капиталистическую логику в

- абстракция, стоящая за фашистской трансмизогинией и антисемитизмом, персонифицированная в фигуре еврея как изобретателя трансгендеризма, в Joni Alizah Cohen, "The Eradication of "Talmudic Abstractions": Антисемитизм, трансмизогиния и национал-социалистический проект", блог *Verso*, 19 декабря 2018 г.
- 56 Меня вдохновляет пронизательная дискуссия Дориана Белла о "расовой скалярности" в книге Bell, *Globalizing Race*.
- 57 Возьмем, к примеру, такие организации, как Всемирный конгресс семей, и призыв в защиту гетеронормативной семьи, с которым выступила постфашистский премьер-министр Италии Джорджия Мелони на его встрече в Вероне в 2019 году. Мелони часто выступает с нарративом "Великой замены".
- 58 См. Theweleit, *Male Fantasies*, vol. 2, а также предисловие Рабинбаха и Беньямина к этому изданию.
- 59 Тевелейт цитирует "мечту нацистов" одного из главных идеологов Альфреда Розенберга: "Какой-то неосязаемый импульс в массах давно хотел избавиться от жалкой веры в то, что жизнь предназначена для удовольствия - заразной веры, которая является истинно еврейской по своей природе. Сегодня идиллия "рая на земле" потеряла большую часть своей привлекательности". Тевелейт комментирует: "Эта цитата из Розенберга - очень четкая формулировка нацистской программы для масс: борьба с любой надеждой на настоящий "рай на земле", настоящую жизнь в удовольствие; желания лучшей жизни болезнью, человеческих удовольствий - заразной болезнью, главным носителем которой является "еврейский элемент", с его вечным стремлением к миссегенации". Theweleit, *Male Fantasies*, vol. 2, 9. Фашизм: эрос без счастья, желание без удовольствия? Как пишет Александра Минна Стерн, ссылаясь на Джейсона Стэнли, для ультраправых США "уничтожение возможности гендерной изменчивости является неотъемлемой частью восстановления патриархальной белой Америки". Stern, *Proud Boys and the White Ethnostate*, 134.

Заключение

- 1 Работа Эрнста Фраенкеля *"Двойное государство"* 1941 года (в которой утверждалось сосуществование в нацистской Германии нормативного государства для "арийских" граждан и прерогативного государства "вне закона" для остальных) является одной из основ, на которую опирался покойный венгерский философ и антифашистский интеллектуал Г. М. Тамаш, чтобы определить "враждебность к универсальному гражданству" как нить, связывающую фашизм с постфашизмом, для чего он также возродил формулу Сеймура Мартина Липсета "экстремизм центра". См. G. M. Tamash, "О постфашизме", *Бостон Ревью*, 1 июня 2000 г.
- 2 Брендан О'Коннор, *Кроваво-красные линии: Как нативизм подпитывает правых*, Чикаго: Haymarket, 2021, 127. Хотя центре внимания О'Коннора находятся Соединенные Штаты, его определение пограничного фашизма и убедительное описание его зависимости как идеологии от целой инфраструктуры ультраправой филантропии, аналитических центров и т. д. можно с пользой перенести на другие сценарии.
- 3 Гилмор, *География аболиции*, 451, 495.
- 4 Там же, 306.
- 5 Майк Гиглио, "Зеркальное стекло: Как 6 января привело к пограничному насилию в сердце американской власти", *The Intercept*, 3 января 2023 г.

Индекс

ненормальность, психологическая, 3
демократия отмены, Дю Буа, 47
накопленная
абстракция, 90
капиталистический, 88-
94 фашизм и реальный,
75-7 еврейский, 77-84
накопленная абстракция, 90
Адорно, Теодор В.
о, 76, 124
Авторитарная личность, 11, 16, 84-6, 91-2, 138 о работе
Беньямина, 23-4
о буржуазном обществе, 87
вклад в "проект агитатора", 164n22 о фашизме, х,
13-14, 16, 85-6, 90
о фашизме в рамках демократии, 87-8
о фашистском потенциале, 86
о фашистской пропаганде, 15-
16 о Фрейде, 14
Фрейдистская теория и образцы фашистской пропаганды", 11 о
либидинальной связи, 14
Лекция "Смысл работы над прошлым", 86-7 о фальшивом
фанатизме, 16-17
о постпсихологических деиндивидуализированных
атомах, 17 о психологической амбивалентности, 15
о правом экстремизме, 88 о
"продаже идеи", 13
Альмиранте, Джорджо, 125

Альтман, Уильям, [104-7](#)
аналогия
 фашизм, [2](#)
 призрак, [1-4](#)
Анатомия фашизма (Пэкстон), [54](#) Древний
режим, [108](#)
антропологический геноцид, [8](#)
Антифа", [27](#)
антифашизм, [167n11](#), [170-1n42](#), [172n52](#)
антиимпериализм, [167n11](#), [170-1n42](#)
Анти-Эдип, [136](#)
антиполитическая политизация, [148](#)
антисемитизм, [83](#)
антигосударство
 о, [46](#), [71](#)
 между фашизмом и неолиберализмом, [62-73](#)
Арендт, Ханна
 Истоки тоталитаризма, [61](#) о
 тоталитаризме, [176n34](#), [176n36](#)
авторитарный капитализм, [181n20](#)
авторитарный либерализм, [70-1](#)
авторитарная политика, чернорадикальные взгляды на нее, [47](#)
авторитарный популизм, [69](#)
авторитарный бунтарь, Фромм о нем, [61-2](#)
Авторитарная личность (Адорно), [11](#), [16](#), [84-6](#), [91-2](#), [138](#)

Бэббит, Эшли, [149](#)
Бахофен, Иоганн Якоб, *Правая мать*, [119](#)
Восстание Бэкона, [33-4](#)
Бадью, Ален, [19-20](#), [76](#)
Болдуин, Джеймс, [25](#)
Банаджи, Иаир, [17-18](#)
Бэннон, Стив, [72](#)
Батай, Жорж
 о, [2](#), [4](#), [9-10](#)
 о массовой психологии фашизма, [11](#)
 Психологическая структура фашизма", [10](#)
Барака, Амири, [29](#), [167n8](#)
Барр, Уильям, [27](#) Бартез,
Ролан, [115](#) Басси, Серена,
[152](#)
Behemoth (Neumann), [59](#), [179n15](#)
Behemoth, Neumann on, [62-3](#) *Being and*
Time (Heidegger), [103-7](#)
Беньямин, Уолтер, [4](#), [22-3](#), [127](#), [163n7](#)
Берарди, Франко "Бифо", [1-2](#), [9](#), [162n1](#)
Байден, Джо, [ix](#)
Большая столица, [9](#)

Большой труд, 9
Освобождение чернокожих, 29-39
Черный марксизм (Робинсон), 81
Черный марксизм, споры внутри, 39-43 Партия
черных пантер, 29, 30, 47
Черная планета, страх перед, 129-
31 Черная сила, 134
Черная радикальная мысль, 28
Черная Реконструкция, 33-4, 41
Реконструкция чернокожих в Америке (Дю Буа), 29
Черный ответ фашизму (Робинсон), 39-40 Движение
BLM, 41
Блох, Эрнст
 о, 2, 89, 93, 112
 Бренкман, 163-4n13
 концепция фашистской темпоральности, 9
 Наследие наших дней, 4-7
Кровь в моих глазах (Джексон), 30
Движение бугало, 27
пограничный фашизм, 157,
197-8n2 Бурдые, Пьер, 107
буржуазное общество, 87
Брасс, Тинто, *Салон Китти*, 135
Братич, Джек З., 142
Бренкман, Джон, 9-10, 163-4n13 Браун,
Х. Рэп, 26
Коричневые береты, 47
жестокость, неоправданная, 127-9

Цезаризм, 130
Канетти, Элиас, 116
капитализм
 расовый, 81, 157-8
 жизнеспособность, 57
капиталистическая абстракция, 88-94
капиталистическая буржуазия, классовая борьба между
пролетариатом и, 5-6 капиталистические кризисы, 31-2
Каплан, Джейн, 144-6
Кардуччи, Джозуэ, 125
Каваллетти, Андреа, *класс*, 23
Кавани, Лилиана, *Ночной портье*, 135
Сезер, Эме, *Рассуждения о колониализме*, 28, 32, 40
Шамайу, Грегуар, 70-1 Палата
депутатов, 56 Шапуто, Иоганн
 Закон крови: Мыслить и действовать как нацист, 59-60, 77
 Libres d'obéir, 59
 в реестре руководителей, 61

о нацистских теориях управления, 141
о расистском мышлении, 78
Хирон, Перси, 125
Выбор гражданской войны (Дардо, Геген, Лаваль и Сове), 65 Кларк, Джуди, 134-5
Класс (Каваллетти), 23
класс, расовый опыт, 20 классовая
борьба
 между капиталистической буржуазией и пролетариатом, 5-6
 симулякры, 19-24
Кодряну, Корнелиу Зелеа, 123
колониальный фашизм
 Падмор на, 28
 радикальные теоретики, 156
Совесть мистифицированная (Гутерман и Лефевр), 76-7, 88-90
последовательный миф, 53
конституционализация, неолиберализм и, 178n57
Строительство нового государства (Фрозини), 56
современный момент, 45
современный неофашизм, 195n48
Кордеро ди Монтедземоло, 126
контрреволюция, 112-14, 179n11 Кокс,
Оливер Кромвель, 3, 40
кризис
 идеология и, 43-7
 секс в, 150-3
 состояние, 68
теория критической расы, 27, 134
Критика диалектического разума (Сартр), 17-18
Кроче, Бенедетто, 58, 186n34
Кроули, Алейстер, 122
Культура дестра (Йези), 115-18, 122, 125-7
культура
 смерти, 122-5
 связь между фашистской агитацией и,
 13 правым крылом, 115-18

Даггетт, Кара, 151
Д'Аннунцио, Габриэле, 126, 127-8
Дардо, Пьер, *Выбор гражданской войны*, 65 Дарре,
Ричард Вальтер, 195n42
Dasein, 106-7, 108
Дэвис, Анджела Й.
 о, 30, 31-2
 об американском фашизме, 34, 36-7
 о фашизме, 169n29
 о зарождающемся фашизме, 43
 о новых лицах фашизма, 113

о новых феноменологиях фашизма, 41 о
государстве и капитале, 43-4

смерть
культура, 122-5
религия, 118-22

Дебор, Ги, 95
Упадок Запада (Шпенглер), 118-20
деколонизация, оппозиция, 176-7n52
деконтекстуализация, 96
Делез, Жиль, 137, 138-9, 142 Де
Мартино, Эрнесто, 120
демократические пережитки фашизма, 86-8
Денатализм: Предупреждение немецкому народу (Корхер), 131
Деррида, Жак, 31
Вампир (Гофман), 122 Десанти,
Жан Туссен, 143
Разрушение разума (Лукач), 118-19
Немецкий Лейбесзухт, 60
неанalogии, 2
Дискурс о колониализме (Сезер), 28, 32, 40
"Доктрина фашизма" (Муссолини), 50 Долар,
Младен
о фашизме, 186n42 о
расизме, 181n19
Двойное государство (Фраенкель),
197n1 Дю Буа, У. Э. Б.
об аболиционной
демократии, 47 о, 22, 40-1,
131
Черная Реконструкция в Америке, 29 о
контрреволюции собственности, xi о
новом фашистском капитализме,
171n49
о белизне, 44 Датт, Р.
Пальме, 166-7n5 Дворкин,
Андреа, 148

Эдгар, Дэвид, о британском фашизме, 45
Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (Маркс), 108 Элей,
Джефф, 96-7
Элиаде, Мирча, *Йога*, 123-5
эмансипация, 143-50
императорский фашизм,
163n8 энергетическое
господство, 50
Энценсбергер, Ганс Магнус, 34-5
эпохально-милленаристское видение,
99 эротика, власть, 133-43
эзотерические фашизмы, 125-7
этическое состояние, 57-8
Эвола, Юлиус, 80, 116, 125, 179n14

исключительность фашизма, 3
Выставка фашистской революции, 53
экзотерические фашизмы, 125-7

фанатизм, фальшивка, 11-18

фашизм

Адорно о, х, 13-14, 16, 85-6, 90
аналоговое построение, 96-7
аналогия, 2
антитеза между либерализмом и, 56 граница, 157, 197-8n2
капиталистическая абстракция и дух, 88-94
классическая историография, 31-2
колониальная, 28, 156
как консервативная политика антагонистического воспроизводства, 16 текущий статус, 2
Дэвис, 169n29
демократические пережитки, 86-8
различие и повторение в, 108-12
доллар на, 186n42
эмоциональная чума, 144
Гилрой, 171n50 Гутерман, 90
межвоенный период, 4-5, 114, 162n5
Итальянский, 52-9, 123, 170-1n42
Еврейская абстракция, 77-84
поздний, xi, 72-3
либидинальная связь, 14 современность, 100-7
новые формы, 169n26
негосударства/антигосударства между неолиберализмом и, 62-73 происхождение и формы, 97
как палингенетический ультранационализм, 100 расовый, 25-47, 156, 167n8
реальная абстракция и, 75-7
как идеология мусорщика, 110
сексуальная жизнь, 195n44
дух, 88-94
стереопат, 84-6
суперрелятивизм, 110
темпоральность, 102
время и, 97-9, 100-1
женщины и, 143-50
Фашизм и большой бизнес (Герен), 58-9
Фашизм и диктатура (Пуланцас), 33 Фашизм, экзотерический/экзотерический, 125-7
фашистская агитация, 12-13 фашистская свобода

около, [38-9](#)
антигосударства, [62-73](#)
Свобода Германии, [59-62](#)
Итальянский фашизм, [52-9](#)
любовь к, [49-51](#)
негосударственные государства, [62-73](#)
фашистские потенциалы, Адорно, [86](#)
фашистская пропаганда, Адорно, [15-16](#)
фашистская теократия, [ix](#)
фашистские времена, [95-100](#)
фашистский вирус, [95](#)
Фей, Жан-Пьер, [143](#) женский
антифеминизм, [195n48](#)
Доклад "Окончательное решение еврейского вопроса", [131](#)
Фордизм, [151](#)
бесформенный формализм, [79-80](#)
Фуко, Мишель, [134](#), [135-8](#), [140-2](#), [191n4](#), [192n19](#)
История сексуальности, [135](#)
Фраенкель, Эрнст, *Двойное государство*,
[197n1](#) Франк, Якоб, [124](#)
Франкфуртская школа, [64](#), [83](#),
[162n3](#) Фреда, Джорджо, [116](#)
Партии свободы, [50](#)
Фрейд, Зигмунд
 Адорно, [14](#)
 Психология масс и анализ "Я", [11](#)
Фрейдистская теория и образцы фашистской пропаганды" (Адорно), [11](#)
Фрибургский национал-социализм, [102-3](#)
Фромм, Эрих, [61-2](#)
Фрозини, Фабио, *Строительство нового государства*, [56](#)
фундаментальная онтология, [104](#)

гендерная идеология, [134](#), [152](#), [186n43](#)
Жене, Жан, [29](#), [31](#)
Джентиле, Джованни, [50](#), [52](#), [54](#), [143](#)
Восстание Джорджа Флойда, [26-7](#)
Немецкая свобода, [59-62](#) Немецкая
генеалогия, [193n24](#) Немецкий
нацизм, [156](#)
Германия, [101-2](#)
Гилмор, Крейг, "Повторение очевидного", [66-8](#)
Гилмор, Рут Уилсон
 о, [43-5](#), [65-6](#)
 о расовом капитализме, [157-8](#)
 'Restating the Obvious', [66-8](#)
Гилрой, Пол, о фашизме, [171n50](#)
Джолитти, Джованни, [56](#)
Джованни, Никки, [25](#)

Гордон, Питер, [13-14](#)
Грамши, Антонио, [89](#), [98](#)
Великая замена, [130](#), [153](#)
Великая трансформация (Поланьи), [71-2](#)
Гриффин, Роджер
 около, [100](#), [102](#)
 о родовом фашизме, [183-4n7](#) о
 возрождении и вечности, [184n13](#)
Groupe Foudre, [143](#)
Группа по информации о тюрьмах, [134](#)
Грундриссе (Маркс), [91](#)
Гваттари, Феликс, [137-8](#), [142](#), [192n14](#), [192n22](#) Геген,
Ход, *Выбор гражданской войны*, [65](#) Герин, Даниэль,
[175n15](#), [192n14](#)
 Фашизм и большой бизнес, [58-9](#) Гутерман,
Норберт
 о, [164n16](#), [182n35](#) о
 фашизме, [90](#)
 на финансовый капитал, [90-4](#)
 Совесть мистифицированная, [76-7](#), [88-90](#)
 Пророки обмана, [11-14](#)

Холл, Стюарт, [65-6](#), [67](#), [68-70](#)
Хэмптон, Фред, [25](#)
Харлан, Вейт, [143](#)
Арутюнян, Гарри, [95](#), [100-1](#), [109-10](#)
забастовки на почве ненависти, [22](#)
Хайдеггер, Мартин, [102-6](#), [108](#), [185n22](#)
 Бытие и время, [103-7](#)
Хелмс, Джесси, [196n50](#)
Херф, Джеффри, [102](#)
Наследие наших дней (Блох), [4-7](#)
Херцог, Дагмар, исследование "*Секс после фашизма*", [146-7](#), [194-5n39](#) гетерогенность, [2](#), [9-10](#)
Гиммлер, Генрих, [122](#), [131](#), [133](#) Гинденбург,
Пауль фон, [58-9](#)
История сексуальности (Фуко), [135](#)
Гитлер, Адольф, [53-4](#), [63](#), [105](#), [136](#), [170n41](#), [175-6n28](#), [187n48](#), [194n35](#)
Хоффманн, Э. Т. А., *Вампир*, [122](#) Хён,
Райнхард, [60](#)
Хоркхаймер, Макс, [73](#), [75](#), [124](#)
Час решения (Шпенглер), [117](#), [129](#), [131](#) *Как*
Британия управляет Африкой (Падмор), [28](#) Хьюз,
Лэнгстон, [29](#), [38](#)

идеология
 кризис и, [43-7](#)
 гендер, [134](#), [152](#), [186n43](#)

Иль Дуче, [54](#) года
Il Populo d'Italia, [130](#)
империализм, [31-2](#)
Лекция "Зарождение окцидентального мышления: Гераклит", [104](#)
коренные народы, [170n41](#)
Институт социальных исследований, [84](#)
инструментарий фашизма, [3](#)
Интеллектуальный и ручной труд (Sohn-Rethel), [89](#)
процентное рабство, [5](#)
межвоенный фашизм, [114](#), [162n5](#)
Итальянский фашизм, [52-9](#), [123](#), [170-1n42](#)

Джексон, Джордж, [31-2](#), [134-5](#)
Кровь в моих глазах, [30](#)
характеристика деспотического контракта, [36](#)
об экономической реформе, [34](#)
о фашизме как процессе, [33-4](#) о
новых феноменологиях
фашизма, [41](#)
о государстве и столице, [43-4](#)
Джеймс, К. Л. Р., [40](#), [171n50](#)
Джеймсон, Фредрик, [85](#)
Джеси, Бруно, [189-90n26](#)
Джеси, Фурио
Cultura di destra, [115-18](#), [122](#), [125-7](#) о
погребальном эротизме, [123](#)
о беспричинной жестокости, [128](#)
о функциях мифологических машин, [188n8](#) "Павезе,
миф и наука о мифе", [120-1](#) о религии смерти, [118-19](#)
Секретная Германия, [120](#)
о победе через смерть, [124](#)
Еврейская абстракция, [77-84](#)
Иоанн Павел II, Папа Римский, [53](#)
Иосиф и его братья (Манн), [121](#)
Иудаизированное римское право, [78-9](#)
Иудео-большевизм, [77](#)
Дзюн, Тосака, [163n8](#)
Юнгер, Эрнст, [102-3](#)

Каратани, Кодзин, [108-9](#), [162n6](#)
Келли, Робин, [137](#)
Кереньи, Карл, [116](#) Кинг,
Мартин Лютер, [25](#) Кинг,
Родни, [44](#)
Кирххаймер, Отто, [80-1](#)
Корхерр, Ричард

Переписка со Шпенглером, [190n37](#)
Денатализм: Предупреждение немецкому народу, [131](#)
Регрессия рождений-смертей народов, [130-1](#)
Крафт, Райнер, [50-1](#)
Крик, Эрнст, [75](#)

Лафлёр, Грета, [152](#) Лаинг,
Р. Д., [134-5](#)
поздний фашизм, [xi](#), [72-3](#)
Латиноамериканские эскадроны смерти, [196n53](#)
Лаваль, Кристиан, *Выбор гражданской войны*, [65](#)
Закон крови: Мыслить и действовать как нацист (Шапуто), [59-60](#), [77](#) Ле Бон,
Гюстав, *Психология толпы*, [15-16](#)
Лефевр, Анри о, [101](#)
 о повседневной
 жизни, [92](#) о
 фашизме, [90](#)
 на финансовый капитал, [90-4](#)
 Совесть мистифицированная, [76-7](#), [88-90](#)
Ленин, Владимир, [22](#), [41](#)
Эра фашистов, [52](#)
Уроки проклятых, [137](#) Льюис,
Софи, [195-6n49](#) Льюис, Уиндем,
[113](#) Либерализм (Мизес), [64](#)
либерализм, антитеза между фашизмом и, [56](#)
либидинальная связь, фашизм, [14](#)
Libres d'obéir (Chapoutot), [59](#)
Löwenthal, Leo, [22](#), [164n16](#)
Prophets of Deceit, [11-14](#)
Лукач, Георг, *Разрушение разума*, [118-19](#)

Маччиокки, Мария Антониетта, [143-5](#), [148](#), [194n29](#), [194n32](#)
машина-государство, Маркузе, [63-4](#)
Малапарте, Курцио, [56](#)
 Техника государственного переворота,
 [54-5](#) *Мужские фантазии* (Тевлейт), [142](#)
Мальм, Андреас, [50](#)
Человек и техника (Шпенглер), [119](#)
манипулируемая серийность, [17](#), [20](#)
Манн, Томас, [120](#)
 Иосиф и его братья, [121](#) Мараско,
Робин, [148-9](#)
Марш на Рим, [53-5](#)
Маркузе, Герберт
 о, [34-5](#)
 по молчаливой лицензии, [62](#)
 по машинному состоянию,
 [63-4](#)

о национал-социализме, 176n33 о
нацизме, 63
о новых лицах фашизма, 113
Борьба с либерализмом в тоталитарном представлении о государстве", 64
*Исследования в области философии и
социальных наук*, 51 Маркс, Карл
Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, 108
Грундриссе, 91
Мейсон, Тим, 147-8
массовое гражданское восстание, 26-7
массовые движения, ограниченное значение, 11
Психология масс и анализ "Я" (Фрейд), 11
Лекция "Смысл работы над прошлым" (Адорно), 86-7 медицинский
тоталитаризм, 50
Мелони, Джорджия, 53, 197n57
Мемми, Альберт, 28
Мишель, Наташа, 143, 194n28
миграционные кризисы, 43
Миллан-Астрай, Хосе, 123
Мизес, Людвиг фон, 57
Либерализм, 64
современность, фашизм, 100-7
Моди, Нарендра, 18
монополистический капитализм,
31-2 Общество Мон-Пелерин,
52 Моррисон, Тони, 26
Мать права (Бахофен), 119
Муссолини, Бенито, 8, 52, 54-6, 57-8, 110, 125, 130-1, 186n34, 194n35
Доктрина фашизма", 50
Мистифицированное сознание, 90
Миф о нации, 53

Нальдини, Нико, 143
нарциссическая идентификация, 14-
15 резня в Народа Патия, 18
национальный фордизм, 9
национализм, 20-1
национализация вечности, 107
Национал-социализм/социалисты, 60, 77, 86-7, 102, 104, 147, 176n33
Нацизм/нацизм
о, 147
стремление к очищению языка, 188n6
эротизм, 139-40
либидинальная эстетизация, 136
нацистский режим, 122-3
нудистское движение, 60
ультранационализм, 101
Негри, Антонио, 68

неозападничество, [111-12](#)

неолиберализм

о, [43](#)

конституционализация и, [178n57](#)

негосударства/антигосударства между фашизмом и, [62-73](#)

расизмом и, [173n64](#)

как фобия состояния, [65](#)

Нейман, Франц

о, [162n3](#), [179n15](#)

Бегемот, [59](#), [179n15](#)

о Бегемоте, [62-3](#)

Ночной портье (Кавани), [135](#)

несовременность, [2](#), [99](#)

не-государства, между фашизмом и неолиберализмом,
[62-73](#) несинхронные противоречия, [7](#)

несинхронные люди, [5](#)

Хранители клятвы, [27](#)

Непристойный отец/лидер, [10](#)

О'Коннор, Брендан, [197-8n2](#)

Старый Свет, [26](#)

Истоки тоталитаризма (Арендт), [61](#)

Православное христианство, [123](#)

Осборн, Питер, [102](#), [103](#), [104](#), [105](#), [108](#)

Падмор, Джордж

о, [40](#)

о колониальном фашизме, [28](#)

Как Британия управляет Африкой, [28](#)

Фашистская партия, [8](#), [52](#) Пазолини,

Пьер Паоло, [8](#)

Сало, [135](#)

Павезе, Чезаре, [120](#), [121-2](#), [189n15](#)

Павезе, миф и наука о мифе" (Jesi), [120-1](#) Пэкстон, Роберт

Анатомия фашизма, [54](#)

народный класс, [181n18](#)

петромаскулинность, [151](#)

философский модернизм, [103](#)

фальшивый фанатизм, Адорно о нем, [16-17](#)

Пиранделло, Луиджи, [127-8](#)

Пий XI, Папа

Римский, [174n2](#)

плюрализм, [47](#)

множественность

времен, [99](#) погром, [18](#)

Поланьи, Карл, [49](#), [95](#)

Великая трансформация, [71-2](#)

политические экзистенциалисты, [103](#)

политизация внутридоминантных классовых конфликтов, [162n5](#) политика времени, [101-2](#)
Поллок, Фридрих, [63](#), [86](#), [162n3](#)
постколониальное самоопределение, оппозиция, [176-7n52](#)
постпсихологический деиндивидуализированный атом,
Адорно, [17](#) Пуланцас, Никос, [45-6](#), [143](#)
Фашизм и диктатура, [33](#) Паунд,
Эзра, [116](#)
Пауэлл, Енох, [69](#) власть,
эротика, [133-43](#)
президентские выборы, 2016, [26](#)
превентивная контрреформа, [113](#)
тюрьмы, [29-39](#)
частный капитал, общественное , [57](#)
пролетариат
 классовая борьба между капиталистической
 буржуазией, [5-6](#) политическая стратегия, [6-7](#)
Пророки обмана (Лёвенталь и Гутерман), [11-14](#)
Протоколы сионских старейшин, [125](#)
Гордые парни, [27](#)
псевдоповстанческое движение, [2](#)
психологическая ненормальность, [3](#)
психологическая амбивалентность, Адорно, [15](#)
Психологическая структура фашизма" (Батай), [10](#) психология,
масса, [11-18](#)
Психология толпы (Ле Бон), [15-16](#)
Общественное насилие для частного капитала,
[57](#)

QAnon, [27](#)

Рабинбах, Энсон, [7](#), [163n7](#) расовый
капитализм, [81](#), [157-8](#) расовая
конституция, [176-7n52](#) расовый
фашизм
 о, [25-9](#), [167n8](#)
 аргументы в рамках черного марксизма, [39-43](#) Черное освобождение, [29-39](#)
 кризис и идеология, [43-7](#)
 тюрьмы, [29-39](#)
радикальные теоретики,
[156](#) расовый фордизм, [9](#)
расовый империализм, [59](#), [84](#)
Расовые законы,
[130](#) расизм
 о, [20-1](#) Долар на,
 [181n19](#)
 неолиберализм и, [173n64](#)
реакционный модернизм, [102](#)

Рейган, Рональд, [46](#), [67](#)
реальная абстракция,
[179n3](#) "Красная
женщина", [142](#)
Размышления о насилии (Сорель), [52-3](#)
Регрессия рождений - смерть народов (Корхерр), [130-1](#) Райх,
Вильгельм, [144](#)
Рейноэль, Майкл, [27](#)
religio mortis, [119](#), [120](#), [121](#), [122-3](#), [129](#) религия
смерти, [118-22](#)
Исследовательский проект по антисемитизму", [80-4](#)
"Повторение очевидного" (Гилмор и Гилмор), [66-8](#) правая
культура, [115-8](#)
правый экстремизм, Адорно о нем, [88](#)
Кольцо (Вагнер), [81-2](#)
Восходящая волна цвета (Шпенглер), [131](#)
Робинсон, Седрик
около, [28](#)
об автономии черного антифашистского движения, [170-1n42](#)
Черный марксизм, [81](#)
о черной радикальной традиции, [171n45](#)
Черная реакция на фашизм, [39-40](#) о
фашизме, [171n49](#)
об интернационализме, [43-4](#)
Рокка, Массимо, [175n22](#) Родни,
Уолтер, [25](#), [28](#)
Родригес, Дилан, [37-8](#) Румынская
железная гвардия, [123](#) Розенберг,
Альфред, [80](#), [101](#)
Розенберг, Джорди, [136](#)
Росселлини, Роберто, [143](#) Роуланд,
Ингрид Д., [189-90n26](#)

Сало (Пазолини), [135](#)
Саломон, Эрнст фон, [116](#)
Салон Китти (Брасс), [135](#)
Сартр, Жан-Поль, [165n36](#)
Критика диалектического разума, [17-18](#) Сове,
Пьер, *Выбор гражданской войны*, [65](#) Идеология
мусорщика, фашизм как идеология, [110](#)
Шиллинг, Курт, [80](#)
Шмитт, Карл, [78-81](#), [102-3](#), [185n22](#)
Staat, Bewegung, Volk, [63](#)
Шварц, Роберто, [111-12](#) Сил,
Бобби, [29](#)
Тайная Германия (Джеси), [120](#)
самоидентификация, [170n41](#)
"продажа идеи", Адорно о, [13](#)
Сересин, Аса, [195-6n49](#)

серийная ответственность, 18
поселенческо-
колониальный расизм, 28
секс, в условиях кризиса,
150-3
Исследование "*Секс после фашизма*" (Херцог), 146-7, 194-5n39
Симулякры классовой борьбы, 19-24
Сингх, Нихил Пал, 38-9
Слобидиан, Куинн, 194-5n39
социальная абстракция, 90-1
социальный империализм, 69
Сон-Ретел, Альфред, 76, 88, 89, 93-4, 182n35
Интеллектуальный и ручной труд, 89
Брат Соледад, 33 Сорель,
Жорж
Размышления о насилии, 52-3
суверенная группа, 17
Испанская фаланга, 123
Шпенглер, Освальд
о, 102-3, 116, 128
о цезаризме, 130
Переписка с Корхерром, 190n37
Упадок Запада, 118-20 об
эфиопской войне, 190n38
Час решения, 117, 129, 131
Человек и техника, 119 отношения с
Муссолини, 130-1 *Восходящая волна*
цвета, 131
Дух, 90
духовный расизм, Эвола, 179n14
сквадрисмо, 54-5, 56
Staat, Bewegung, Volk (Шмитт), 63 стереотипы,
84-6
Стоунволлские бунты, 134
Стовалл, Тайлер, *Белая свобода: Расовая история идеи*, 51
Борьба с либерализмом в тоталитарном представлении о государстве" (Маркузе), 64
Исследования по философии и социальным наукам (Маркузе),
51 сверхрелятивизм фашизма, 110
синхронность, ностальгия по, 9
синхронные противоречия, 7

Тамаш, Г. М., 197n1
технизированный миф,
190n29
Техника государственного переворота (Малапарте), 54-5
темпоральность
фашизм, 102
фашистские концепции, 100-1
Тао, Тран Джук, 185n30 Тэтчер,
Маргарет, 46
Тэтчеризм, 68-70

Тевлейт, Клаус, [133](#), [197n59](#)

Мужские фантазии,

[142](#) Третий Клан, [172n54](#)

Третий национальный фашистский

конгресс, [57](#) Третий рейх, [64](#)

Исследование "Билетное мышление и персонализация в политике", [84-5](#) время

фашизм и, [97-9](#), [100-1](#)

политика, [101-2](#)

безвременье, [99](#)

тоталитаризм, Арендт, [176n34](#), [176n36](#) trente

glorieuses, [9](#)

Трамп, Дональд Дж., [1-2](#)

Унамуньо, Мигель де, [123](#)

Объединенный фронт против фашизма, [29-30](#)

Висконти, Лукино, [143](#)

Витторио Эмануэле III (король), [58-9](#)

Вагнер, Рихард, *Кольцо*, [81-2](#)

Вальц, Густав Адольф, [80](#)

вина за войну, [86](#)

Weather Underground, [134-5](#)

Ведекинд, Фрэнк, [122](#)

Weltanschauung, [77](#), [80](#)

Вестерн Гейст, [28](#)

Уайт, Хейден, [39-40](#)

Белая свобода: Расовая история одной идеи (Стовалл), [51](#) белый геноцид, [130](#)

белизна, [19-20](#), [44](#) Войнарович,

Дэвид, [196n50](#) женщины, фашизм

и, [143-50](#)

рабочий класс, национализация и , [21-2](#)

Йога (Элиаде), [123-5](#)

Земмур, , [100](#)

Коллектив Цеткин, [50](#)

Зеви, Саббати, [124](#)